

**КОММУНИКАТИВНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
2022. Т. 9. № 3**

Основан в 2014 г.

Выходит 4 раза в год

Учредитель и издатель –
ФГАОУ ВО «Омский государственный
университет им. Ф.М. Достоевского»

Издается в рамках научного сотрудниче-
ства с Институтом русского языка
им. В.В. Виноградова РАН

Редактор Д.С. Нерозник
Корректор Е.П. Барановская
Технический редактор Н.В. Москвичёва
Переводчик А.Ю. Енарьева

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-72190 от 15 января 2018 г.
Выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных техноло-
гий и массовых коммуникаций

ISSN 2413-6182

eISSN 2658-4867

«Коммуникативные исследования» –
рецензируемый научный журнал,
в котором представлены исследования
в области коммуникативистики.

К публикации принимаются статьи
на русском и английском языках.

Включен в перечень ВАК.

Включен в Российский индекс научного
цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции
644077, Россия, Омская обл., г. Омск,
пр-т Мира, д. 55а, 2 корпус ОмГУ, каб. 221
Тел.: +7(3812)22-98-15
Сайт журнала: <http://com-studies.omsu.ru/ru/>

Дата выхода: 14.10.2022.
Ризографическая печать.
Формат 70×100/16.
Заказ 175. Тираж 25 экз.
Объединенный подписной каталог
«Пресса России». Индекс 94243.
Свободная цена

Отпечатано в типографии Омского
государственного университета
им. Ф.М. Достоевского

Адрес издателя и типографии
644077, Россия, Омская обл., г. Омск,
пр-т Мира, д. 55а

**COMMUNICATION
STUDIES
2022, Vol. 9, no. 3**

Founded in 2014

Published four times a year

Founded and published by
Dostoevsky Omsk State University

The journal is published within the frame-
work of scientific cooperation with Vinogra-
dov Russian Language Institute of the Rus-
sian Academy of Science (RAS)

Editor D.S. Neroznik
Corrector E.P. Baranovskaya
Technical editor N.V. Moskvicheva
Interpreter A.Yu. Yenaryeva

Journal Registration Certificate
ПИ No. ФС77-72190 of January 15, 2018.
Given by The Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology,
and Mass Media

ISSN 2413-6182

eISSN 2658-4867

"Communication Studies" is a peer-reviewed
academic journal focusing on the study of
communication science.

The Journal publishes articles in Russian
and English.

Included in VAC list.

Included in Russian Science Citation Index.

Address of editorial office
office 221, 2nd OmSU corpus, 55a, Mira pr.,
Omsk, Omsk Oblast, 644077, Russia
Phone: +7(3812)22-98-15
Site of Journal: <http://com-studies.omsu.ru/en/>

Date of publication: October 14, 2022.
Risograph printing.
Format 70×100/16.
Order 175. Circulation of 25 copies
United subscription catalog "The Russian
Press". Index 94243.
Free price

Published by Dostoevsky Omsk State
University

Address of publisher and printing house
55a, Mira pr., Omsk, Omsk Oblast, 644077,
Russia

**КОММУНИКАТИВНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ
2022. Т. 9. № 3**

Редакционная коллегия

Главный редактор

д-р филол. наук, проф.
О.С. Иссерс (Омск, Россия)

д-р философии, проф.
Р. Андерсон (Лос-Анджелес, США)

д-р филол. наук, проф.
А.Н. Баранов (Москва, Россия)

д-р филол. наук, проф.
Н.В. Богданова-Бегларян
(Санкт-Петербург, Россия)

д-р философии, проф.
Д. Вайс (Цюрих, Швейцария)

д-р филол. наук, проф.
А.Д. Каксин (Абакан, Россия)

д-р филол. наук, проф.
М.А. Кронгауз (Москва, Россия)

д-р филол. наук, проф.
Л.П. Крысин (Москва, Россия)

д-р филол. наук, проф.
Э. Лассан (Вильнюс, Литва)

д-р филол. наук, проф.
Б.Ю. Норман (Минск, Беларусь)

д-р филологии, проф.
Р. Ратмайр (Вена, Австрия)

д-р филологии, проф.
Л. Рязанова (Эдинбург, Великобритания)

д-р филол. наук, проф.
В.Е. Чернявская (Санкт-Петербург, Россия)

д-р филол. наук, проф.
А.П. Чудинов (Екатеринбург, Россия)

д-р филол. наук, проф.
Ю.В. Шатин (Новосибирск, Россия)

д-р филол. наук, проф.
А.Д. Шмелев (Москва, Россия)

Ответственный секретарь

канд. филол. наук, доц.
М.В. Терских (Омск, Россия)

**COMMUNICATION
STUDIES
2022, Vol. 9, no. 3**

Editorial Staff

Editor-in-Chief

Prof. O.S. Issers
(Omsk, Russia)

Ph.D. R. Anderson
(Los Angeles, USA)

Prof. A.N. Baranov
(Moscow, Russia),

Prof. N.V. Bogdanova-Beglaryan
(St. Petersburg, Russia)

Prof. V.E. Chernyavskaya
(St. Petersburg, Russia)

Prof. A.P. Chudinov
(Yekaterinburg, Russia)

Prof. A.D. Kaksin
(Abakan, Russia)

Prof. M.A. Krongauz
(Moscow, Russia)

Prof. L.P. Krysin
(Moscow, Russia)

Prof. E. Lassan
(Vilnius, Lithuania)

Prof. B.Yu. Norman
(Minsk, Belarus)

Ph.D. R. Rathmayr
(Vienna, Austria)

Ph.D. L. Ryazanova
(Edinburgh, UK)

Prof. Yu.V. Shatin
(Novosibirsk, Russia)

Prof. A.D. Shmelev
(Moscow, Russia)

Ph.D. D. Weiss
(Zurich, Switzerland)

Executive secretary of the journal

PhD M.V. Terskikh
(Omsk, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

INSTEAD OF PREFACE

<i>Норман Б.Ю.</i> Беседа с Иосифом Абрамовичем Стерниным, умным и веселым человеком..... 464	<i>Norman B.Ju.</i> Talking with Iosiph Abramovich Sternin, a smart and funny person464
---	---

**Раздел I. ТЕОРИЯ КОММУНИКАЦИИ:
НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ И.А. СТЕРНИНА**

**Part I. THEORY OF COMMUNICATION:
THE SCIENTIFIC HERITAGE OF I.A. STERNIN**

<i>Куликова Л.В.</i> Теория языка и коммуникации: научный круг И.А. Стернина..... 477	<i>Kulikova L.V.</i> Theory of language and communication: research circle of I.A. Sternin477
<i>Леонтович О.А.</i> «Сделать правду правдоподобнее»: к проблеме интерсемиотического перевода произведений Ф.М. Достоевского 485	<i>Leontovich O.A.</i> "To make the truth more truthlike": the problem of intersemiotic translation of Dostoevsky's works485
<i>Соломоник А.Б.</i> О значениях в словах и буквах, или «Языковой детерминизм» vs «детерминизм онтологический» 500	<i>Solomonick A.</i> On the meanings in words and letters (language determinism vs determinism ontological)500
<i>Стернина М.А.</i> Исследования коммуникативного поведения в трудах И.А. Стернина..... 517	<i>Sternina M.A.</i> Studies of communicative behavior in the works of I.A. Sternin517

Раздел II. СОВРЕМЕННЫЕ ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ

Part II. MODERN DISCOURSE PRACTICES

<i>Вепрева И.Т., Купина Н.А.</i> Риторика: актуальное слово в коммуникативной ситуации текущего времени 531	<i>Vepreva I.T., Kupina N.A.</i> Rhetoric: actual word in communication situation at current time531
<i>Иссерс О.С.</i> Полевое и экспериментальное исследования коммуникативного поведения в свете концепции И.А. Стернина..... 547	<i>Issers O.S.</i> Field and experimental studies of communicative behavior in the light of the Prof. Sternin's concept547
<i>Карасик В.И.</i> Самовыражение в разных типах дискурса 564	<i>Karasik V.I.</i> Self-expression in different types of discourse564
<i>Мустайоки А.</i> Когда и зачем мы делаем вид, что (не) понимаем: попытка составить классификацию на основе метакommunikативных высказываний..... 575	<i>Mustajoki A.</i> When and why do we pretend (not) to understand: an attempt to make a classification on the basis of meta-communicative statements575
<i>Протасова Е.Ю., Еленевская М.Н.</i> Речь о еде в иммиграции 598	<i>Protassova E., Yelenevskaya M.</i> Speaking of food in immigration598
<i>Стеблецова А.О.</i> Электронное письмо в дискурсе оперативного взаимодействия: особенности современной деловой коммуникации 614	<i>Stebletsova A.O.</i> Emails in workplace discourse: current communication tendencies614

Раздел III. КОММУНИКАТИВНАЯ ДИДАКТИКА

Part III. COMMUNICATIVE DIDACTICS

<i>Высоцкая И.В.</i> Коммуникативно-деятельностный подход в практике вузовского преподавания.....	627	<i>Vysotskaya I.V.</i> The communication and action oriented approach in the practice of university teaching	627
---	-----	--	-----

Раздел IV. РЕЦЕНЗИИ

Part IV. REVIEWS

<i>Радбиль Т.Б.</i> Рецензия на коллективную монографию «Общая и русская лингвоаксиология» (отв. ред. М.С. Милованова. М.; Ярославль: Канцлер, 2022. 390 с.).....	643	<i>Radbil T.B.</i> The review of collective monograph "General and Russian linguoaxiology" (M.S. Milovanova (ed.). Moscow, Yaroslavl, Kantsler publ., 2022, 390 p.)	643
<i>Супрунчук Н.В.</i> Рецензия на книгу: Горицкая О.С. Язык и границы: лексическая и грамматическая специфика русского языка в Беларуси (Минск: Минский государственный лингвистический университет, 2021. 300 с.).....	650	<i>Suprunchuk M.</i> Review of O.S. Goritskaya's monograph "Language and Borders: lexical and grammatical specifics of the Russian language in Belarus" (Minsk, Minsk State Linguistic University publ., 2021, 300 p.)	650
<i>Информация для авторов</i>	658	<i>Information for authors</i>	663

Тематический выпуск

**КОММУНИКАТИВНАЯ ПАРАДИГМА
В ЛИНГВИСТИКЕ: НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ
И.А. СТЕРНИНА**

Thematic issue

**COMMUNICATIVE PARADIGM
IN LINGUISTICS: SCIENTIFIC HERITAGE
OF I.A. STERNIN**

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

INSTEAD OF A PREFACE

**БЕСЕДУЯ С ИОСИФОМ АБРАМОВИЧЕМ СТЕРНИНЫМ,
УМНЫМ И ВЕСЕЛЫМ ЧЕЛОВЕКОМ**

Б.Ю. Норман

Независимый исследователь (Минск, Беларусь)

Аннотация: Иосиф Абрамович Стернин (1948–2022) – видный российский лингвист, труды которого способствовали развитию отечественной когнитивной лингвистики, семасиологии, психолингвистики, теории речевых актов и др. В статье представлен вклад И. Стернина в российскую гендерологию: систематизированы особенности речевой коммуникации с мужчинами и женщинами и приведены разработанные ученым рекомендации по оптимизации этого общения. Описана роль И.А. Стернина в организации работы по повышению уровня речевой культуры населения. Проанализированы примеры «реальной» (психолингвистической) трактовки значения слова. Особо отмечается живой ум и чувство юмора этого безвременно ушедшего от нас ученого.

Ключевые слова: Иосиф Абрамович Стернин, лексическая семантика, реальное значение, лингвокогнитология, гендер, юмор.

Для цитирования:

Норман Б.Ю. Беседа с Иосифом Абрамовичем Стерниным, умным и веселым человеком // Коммуникативные исследования. 2022. Т. 9. № 3. С. 464–474. DOI: 10.24147/2413-6182.2022.9(3).464-474.

Сведения об авторе:

Норман Борис Юстинович, доктор филологических наук, профессор

Контактная информация:

Почтовый адрес: 220020, Беларусь, Минск, ул. Леси Украинки, 4/1, кв. 16

E-mail: boris.norman@gmail.com

Дата поступления статьи: 25.04.2022

Дата принятия в печать: 11.07.2022



Иосиф Абрамович Стернин оставил о себе хорошую память. В изданном к его 60-летию томе избранных трудов¹ говорится, что перу ученого принадлежит около 900 работ, под его руководством защитились 53 аспиранта и докторанта. А ведь с тех пор прошло еще почти полтора десятилетия, и полный итог творчества И.А. Стернина только предстоит подвести. Но содержание упомянутой книги дает достаточное представление о широте интересов Иосифа Абрамовича. Это разработка ключевых понятий лингвокогнитологии (особенно таких, как «значение» и «концепт»), исследование русской национальной картины мира в сопоставительном освещении, теоретическое осмысление семантической структуры слова, прогнозирование языкового развития России и мн. др. И.А. Стернин – это был, по словам одного из коллег, «человек-оркестр». И я смогу затронуть только некоторые стороны личности этого яркого, талантливого ученого.

Интерес И.А. Стернина к коммуникативным технологиям, к правилам речевого воздействия вылился в целый ряд блестящих научно-практических штудий. В частности, огромной прикладной ценностью обладают наблюдения ученого над особенностями мужской и женской речи, а также выработанные на их основе житейские рекомендации.

Вот какие важные и тонкие особенности находит Иосиф Абрамович в речи мужчин:

«Мужчина старается видеть конечный результат разговора и старается прояснить этот результат для себя. Так, вопрос, адресованный собеседнику: “Так что же ты, собственно, хочешь?” – чисто мужской вопрос, и он адресуется чаще всего женщине...

Для мужчины важно, чтобы общение было отделено от дела. Женщина может смотреть телевизор, говорить по телефону и вязать одновременно, мужчина же не может совмещать работу с разговором, необходимость это делать его раздражает: “Отстань, не видишь, я занят!” Мужчине нельзя говорить “под руку”, например, если он вбивает гвоздь, надо подождать, пока он закончит...

Мужчина предпочитает краткие оценки и почти не умеет давать развернутых оценок. В устах мужчины “Неплохо” и “Ничего” в адрес наряда женщины или приготовленного ею блюда означает “Очень хорошо”, на более развернутую характеристику своего положительного восприятия мужчина, как правило, оказывается неспособным...

¹ См.: *Стернин И.А.* Теоретические и прикладные проблемы языкознания: избр. работы. Воронеж: Истоки, 2008. 595 с. Далее в тексте в круглых скобках даются ссылки на страницы этого издания.

Мужчине трудно извиняться, так как это означает признание им того, что он “плохой”, “дал слабину”, он оказался неудачником, оказался несообразительным и т. д. Особенно неохотно мужчины извиняются перед женщинами...

Мужчины не любят консультироваться, узнавать у незнакомых лиц дорогу, читать книги по самосовершенствованию, они более скептически по отношению к учебе. Это связано с тем, что мужчины не любят обращаться за помощью – это означает, с точки зрения мужского самолюбия, признание мужчиной своей некомпетентности, несостоятельности...

Мужчины лучше понимают письменный текст, чем устный – они, как правило, плохо понимают интонационные различия в оформлении речи, поскольку у мужчин хуже, чем у женщин, развит звуковысотный слух: нюансы интонации, ее оттенки мужчины понимают хуже, чем женщины...» (с. 259–261).

Отсюда вытекают и конкретные практические рекомендации женщинам в их общении с мужчинами, например: «Используйте рациональную аргументацию, а не эмоциональные доводы. Эмоции вызывают у мужчин скепсис... Не используйте намеков, подтекста, говорите прямо. Помните: мужчина плохо понимает подтекст... Чаще хвалите мужчину. Он ждет похвалы за ум, решительность, силу и умелость рук... Не заставляйте мужчину спрашивать дорогу, наводить справки и т. д. – он воспринимает это как упрек в том, что он этого не знает... Не звоните мужу на работу... Не разговаривайте во время секса...» (с. 262–263).

Я бы эти советы распечатал и повесил на кухне (или в прихожей, или в спальне) в каждом доме: думаю, что они бы могли гармонизировать отношения в семье. Но не менее ценны наблюдения Иосифа Абрамовича над женским речевым поведением. Вот некоторые из них:

«Женщина больше нуждается в общении, чем мужчина; для нормального эмоционального тонуса и хорошего самочувствия ей нужен больший объем регулярного общения, нежели мужчине. В день мужчина произносит 13 тыс. слов, женщина – 23 тысячи...

Женщина часто в гораздо большей степени сосредоточена на процессе разговора, чем на его содержании, для нее часто сам факт разговора важнее его результативности...

Женщина гораздо легче мужчины произносит «я не знаю» – для нее это не означает демонстрации некомпетентности, она всегда готова к пополнению знаний, готова узнать что-то новое. Для мужчины же «не знаю» означает признание им своей некомпетентности, подрыв статуса...

Женщина – активный, заинтересованный слушатель (поэтому так приятно лекторам выступать в женской аудитории), мужчина же более сдержан, если не сказать пассивен, когда слушает, стараясь критически относиться к тому, что слышит...

Женщины садятся ближе друг к другу, чем мужчины, смотрят собеседнику в глаза. Мужчины же не любят смотреть собеседнику в глаза и обычно не садятся близко, стараются сесть под углом к собеседнику...

Женская речь избыточнее мужской, поскольку треть времени женщина собирается с мыслями или восстанавливает прерванный ход разговора...

Общение для женщины часто выступает как самоцель, как средство самореализации, самоутверждения» (с. 264–268).

Что же можно порекомендовать тем, кто стремится эффективно общаться с женщинами, кто хотел бы говорить с ними на «женском» языке? Вот советы того же лингвиста-психолога: «Необходимо проявлять готовность обсуждать с женщиной ее проблемы. Приветливость – важнейшая составная часть общения с женщиной... Хвалить женщину нужно многословно, с подробностями, конкретизируя объекты похвалы. Нельзя ограничиваться краткими фразами типа “очень неплохо”, женщина ждет большего... Рассказывая что-либо женщине, необходимо сообщать подробности (где, когда был разговор, кто что сказал, с каким лицом, кто скривился, кто ухмыльнулся и т. д.), женщина это ждет и ценит... В разговоре с женщиной надо садиться к ней ближе, дотрагиваться до ее руки, плеча, улыбаться ей и чаще смотреть в глаза» (с. 269–271).

И ведь это не просто черты речевого поведения мужчин и женщин, но – целый социопсихологический гендерный портрет! Своего рода дополнение к знаменитой книге Карнеги! А основанием для таких рекомендаций послужили, очевидно, многолетние наблюдения за процессом общения.

Начиная со своих работ 1980-х гг., в частности с монографии «Лексическое значение слова в речи» (Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985), ученый старался обращать внимание на речевое поведение слова. Он показывал, как «живет» слово, что происходит с его содержанием, как те или иные семы могут актуализироваться, расщепляться, модифицироваться, конкретизироваться, наводиться извне... Скажем, лексема *трактор* в обычном случае значит ‘сельскохозяйственная машина’, но в переносном употреблении может означать ‘крупная женщина’ или ‘неловкий парень’. Словоформа *прожектора* в прямом значении – ‘мощные осветительные приборы’, но в речи может означать ‘глаза’ и т. п.

Масса подобных примеров приведена и систематизирована в названной книге, которая отразила и основные идеи готовящейся докторской диссертации ученого. Но защищать эту новаторскую работу в Москве или Ленинграде в 1987 г. было немислимо, и И.А. Стернин подал заявление в Совет по защитах при Белорусском государственном университете. А Минск слыл в те годы приютом инакомыслящих (в 1971 г. здесь защитил докторскую диссертацию Б.М. Гаспаров, в 1984 г. – Ю.Д. Апресян). Защита Иосифа Абрамовича в Минске прошла прекрасно, и путь в дальнейшую науку был открыт.

Ориентация на практику речи стала еще ярче проявляться в связи с увлечением Стерниним психолингвистическими методами. Предметом его исследований становится «реальное», или психолингвистическое, значение. Это максимально широкая категория, включающая в себя не только толкование, представленное в словарях, но и самые разнообразные оттенки, встречающиеся в повседневном употреблении, это «упорядоченное единство всех семантических компонентов, которые реально связаны с данной звуковой оболочкой в сознании носителей языка» (с. 165).

Можно показать сложность «реального значения» на примере самых обычных слов. Вот, скажем, прилагательные *смелый* и *храбрый* в русском языке – классический образец синонимов. Мы можем сказать: *смелый / храбрый мальчик, смелый / храбрый поступок, смелый / храбрый вид* и т. д. Но при этом мы скажем: *смелая мысль, смелое решение, смелая книга, смелый взгляд на проблему*, а «храбрый» в данных ситуациях сказать нельзя. *Смелый* вообще употребляется в русской речи чаще, чем *храбрый*, сочетаемость у него шире. Зато *храбрый* чаще используется в ситуации войны, физического столкновения или конфликта: *храбрый офицер, храбрый вояка, пасть смертью храбрых...* В памяти хранятся также какие-то готовые выражения, вроде *Храбрый портняжка* (название сказки братьев Гримм). Значит, есть некоторые микрокомпоненты, которые различают для русского человека значения прилагательных *смелый* и *храбрый*. Кстати, дополнительные оттенки значения *храбрый* связаны, по-видимому, также с его фонетической оболочкой: повторяющийся в этом слове звук [р] подсознательно имитирует «рычание». Никакой толковый словарь это не зафиксирует, но носитель-то языка чувствует!

При описании психолингвистического значения слова важно понимать, что переносные значения могут количественно и качественно «забивать» собой исходное прямое значение. Такого рода примеров – масса в современной русской речи: это существительные *авторитет, негатив, облом, прокол, формат, эпицентр*, прилагательные *бюджетный, кислотный, крутой, неоднозначный, пиратский, ритуальный, токсичный*, глаголы *валить, знать, грузить, зависать, косить* и т. д.

Приведу пример из собственного опыта. Еду как-то в поезде, и в одном купе со мной – молодая семья. Девочку лет трех-четырёх они усадили на верхнюю полку, она там возится со своими куколками и тряпочками, а потом звонко заявляет:

– Ой, у меня тут такой байдак...

Это значит – беспорядок. Знать бы ей изначальное значение слова *бардак*! Но, может быть, она никогда его и не узнает.

Психолингвистический подход к слову, подразумевающий обращение к массовому языковому сознанию, дает иногда совершенно неожиданные результаты. Так, русские слова *доктор* и *врач*, очень близкие по значению, синонимами всё же не являются. Есть контексты, в которых они ни-

как не могут заменить друг друга. Обычно приводят такой пример. К человеку в белом халате можно обратиться: «Доктор!» – а сказать: «Врач!» – в подобной ситуации нельзя. Но Иосиф Абрамович приводит результаты обширного исследования «реального значения» этих слов. И оказывается, что существительное *доктор* чаще применяется в поликлинике, а существительное *врач* – в больнице! Как это объяснить? Может быть, совокупностью речевых ситуаций? В поликлинике очень многое завязано на диалоге специалиста и пациента, там, естественно, слово *доктор* употребляется очень часто. Больница – несколько иная сфера. Тут важнее действия, а не слова, и *врач* – тот, кто эти действия осуществляет! В любом случае, наблюдение, опрос, анкетирование, а иногда и лингвистический эксперимент могут нам сказать много нового о средстве общения, которым мы пользуемся.

Стернин как языковед – реалист, но вместе с тем и романтик (как не хочется говорить об этом в прошедшем времени!). Он надеется на то, что миссия лингвиста в обществе – способствовать его, общества, гармонизации и процветанию. Поэтому он и уделяет столько внимания правилам общения.

По инициативе О.С. Иссерс и при поддержке Института русского языка имени А.С. Пушкина омские журналисты несколько лет назад сделали цикл передач под общим названием «Лица современной русистики» (<https://modrus.pushkininstitute.ru>). Нашлось в них место, конечно, и для большого интервью с Иосифом Абрамовичем.

В том числе вошел туда замечательный рассказ про Службу русского языка под названием «Территория слова», которую Стернин организовал и долгие годы возглавлял в Воронеже. Происходит примерно такой диалог.

Звонок по телефону. – Это служба русского языка? Скажите пожалуйста, как правильно говорить: баржа или баржа?

Ответ консультанта: – И так, и так можно говорить, оба варианта правильные.

На том конце провода – заминка, потом: – Спасибо.

Но минут через 15 опять звонок, тот же голос, но приглушенно, почти вкрадчиво:

– Нет, а вы скажите, как **на самом деле**: что все-таки правильно?

Это очень показательная история. С одной стороны, наш человек привык к тому, что на всё существует некий стандарт, норма: как должно быть. И есть люди, которые этим ведают: юристы, милиция, специалисты, эксперты, в конце концов – начальство. Должно же и в языке быть какое-то «начальство»! С другой стороны, есть правила «для всех», а есть – «для своих». Так нельзя ли как-то причаститься к этому знанию для избранных? Пусть народ дурят: «и так, и так можно», а уж мне-то, по благу, скажите! Психология проныры и прохиндея.

Другая история. На общественном здании в центре Воронежа висела огромная вывеска: «Агентство недвижимости». Именно так, без буквы Т. Люди ходили мимо, – кто возмущался, а кто смеялся. Наконец Стернин выяснил, кто хозяин этой фирмы (оказалось – этнический армянин), позвонил туда и сказал:

– Это с вами говорит Служба русского языка. У вас на вывеске допущена серьезная орфографическая ошибка.

Хозяин начал оправдываться: – Это не мы! Звоните в фирму, которая делала эту вывеску...

– Нет, – парировал Стернин. – Вы – хозяин, вы и отвечаете за распространение неверной информации. Если через месяц не исправите, мы вас оштрафуем!

«Блеф чистой воды, – прокомментировал Иосиф Абрамович. – Кого это мы можем оштрафовать – мы, благотворительная организация, существующая на добровольных началах?» Тем не менее вывеску вскоре заменили на правильную!

И опять-таки интересна подоплека речевого поведения человека. Среди множества причин и поводов, по которым человек вступает в речевой контакт (существует целая теория речевых актов с разветвленными классификациями), угроза – довольно редкий и частный случай. Но всё же в конкретном случае страшное слово «оштрафуем» подействовало: действительно, мало ли кто и за что штрафует!

Иосифу Абрамовичу приходилось много общаться с бюрократами. Как-то раз он обратился в государственную службу со своей просьбой – кажется, ему нужно было улучшить свои жилищные условия или что-то подобное. Чиновник неохотно его выслушал, а потом стал трясти перед его носом папкой с бумагами: «Вот сколько у меня таких заявлений!» Стернин отреагировал спокойно. «Правильно, – сказал он, – и им надо дать!» Чиновник, наверное, ошалел: он впервые услышал такую мотивировку. А лингвист вот так применял на практике разработанную им теорию речевого воздействия.

Вообще отношение обычного человека к языку – чрезвычайно интересная тема! Вот пример из той же беседы И.А. Стернина с О.С. Иссерс. Стернин рассказывает, как к нему домой пришла женщина, техник или мастер, специалист по подключению чего-то к чему-то. И она ему сказала: «Сейчас мы вас включим...» Иосифа Абрамовича это произношение чрезвычайно расстроило, и он стал в деликатной форме объяснять гостье, что надо говорить не включим, а включим. На что та отреагировала весьма возбужденно:

– Я двадцать пять... нет, двадцать шесть лет говорила «включим», а тут вдруг переучиваться?!

Представляете? Женщине не лень было пересчитать в уме свой трудовой стаж, а вот изменить привычное произношение какого-то слова – это непреодолимая проблема!

Носитель языка весьма консервативен: он стремится говорить так, как говорили его родители, ориентируется на норму своего детства, возможно, школы. «“Правильной” всегда представляется речь старших поколений, предшествовавших литературных школ, – писал А.М. Пешковский. – Нормой признаётся то, что было, и отчасти то, что есть, но отнюдь не то, что будет»¹. Причем это касается как малообразованного человека, так и рафинированного интеллигента: в этой консервативности – залог постоянства, устойчивости языка во времени. Если же человек встречает какое-то новое слово или словоформу, то сначала он относится к этому факту категорически негативно. Потом, морщась, привыкает к нему, но сам не употребляет. Потом начинает употреблять. И, наконец, активно в своей речи распространяет...

Но мы вправе спросить: соразмеримы ли усилия лингвистов-нормативистов (специалистов по культуре речи, кодификаторов-лексикографов, редакторов и т. д.) с ожидаемым (и желанным) результатом? Это непростой вопрос. Хорошо известен такой факт. В 1930–1940-е гг. в речевой практике начало распространяться произношение слова *молодежь* с ударением на первом слоге. Некоторые основания у такого факта были (например, краткая форма прилагательного *молод* и др.), но языковедам это, конечно, не нравилось (перенос ударения нарушал большой ряд слов с этим корнем: *молодой, молодуха, молодиться, моложавый* и др.). Однако только появление и широкое распространение песни «Гимн демократической молодежи» (1947, слова Л. Ошанина) приучило поющую массу к правильному ударению:

*Песню мира запеваеt молодежь,
Молодежь, молодежь,
Эту песню не задушишь, не убьешь,
Не убьешь, не убьешь...*

Тут уж «молодежь» никак не споешь.

Еще говорят, что определенное воздействие на русское языковое сознание (во всяком случае, молодежное) оказало название московской рок-группы «Черный кофе», популярной в 1980–1990-е гг. На какой-то период это название по-своему поучаствовало в длительной войне родовых вариантов: *кофе* – «он» или «оно»? Любителям рока, очевидно, рекомендовался мужской род существительного. Но, по мере демократизации и смягчения литературной нормы русского языка на переломе XX и XXI вв., правила становятся более множественными, вариативными. Свидетельства тому мы находим в лексикографических пособиях, имеющих статус рекомендательных или даже нормативных – в частности, выпущенных российским издательством «АСТ-ПРЕСС». Так, в этом издательстве в 2004 г. вышел ка-

¹ Пешковский А.М. Объективная и нормативная точка зрения на язык // Пешковский А.М. Избр. тр. М.: Учпедгиз, 1959. С. 55.

питальный «Словарь правильной русской речи» (сост. Н.В. Соловьев). В нем признаются одинаково правильными такие варианты, как *симмётрия* и *симметрія*, *фенóмен* и *феномён*, *удалóй* и *удáлый*, *гнáла* и *гналá* и т. п. И *кофе*, указывается здесь, может быть как мужского, так и среднего рода! Министерство образования РФ утвердило эти новые нормы, и на территории России они уже действуют. Так что конкуренция выражений *черный кофе* и *черное кофе* продолжается. А миссия лингвиста-нормативиста в этом свете выглядит не очень благодарной. Не будешь же для каждого случая (утверждения в массе норм произношения) создавать песню или целую рок-группу!

В упомянутом выше томе, из которого в данной статье приводится большинство цитат, собраны работы И.А. Стернина за 40 лет. В большинстве своем это серьезные, глубокие штудии. Но есть в книге и раздел, называющийся «Несерьезные произведения». Он включает шуточные инструкции, тексты дружеских песенок, пародийные рецензии, даже «системную трагедию» на тему семасиологии и еще много чего другого.

В этих «осколках» ученый высмеивает псевдонаучные тавтологические дефиниции вроде следующей: «Под словом нами понимается одна из языковых единиц, входящих в язык как единица языка»; «Язык есть реальный объект, реальность которого проявляется в реальности его существования» (с. 414–415). Он фантазирует на тему злополучной «глокой куздры», высмеивает «предзащитный кретинизм» подопечных аспирантов (к которым вообще-то относится с сочувствием) и возмущается встречающимся среди журналистов увлечением иноязычной терминологией: «Есть еще у нас люди, которые путают истеблишмент с импичментом, а менеджмент с маркетингом, хотя на самом деле, говорят, это брифинг по поводу эвентуального мониторинга в экологической нише. Некоторые еще путают беддинг с петтингом, а армрестлинг с Армстронгом, а также апокалипсис с Антихристом, хотя последнее простительно воинствующим атеистам...» (с. 427).

Может быть, самый остроумный из представленных в данном разделе текстов – это «Меморандум об учреждении Добровольного общества слабоумных (ОСЛАБа)», сочиненный в соавторстве с В.В. Инютиным. Девиз этого общества: «Простите, нам непонятно...» (сколько раз мы слышали такие реплики после докладов на научных конференциях!). Дается определение понятия слабоумия: «Слабоумие есть врожденное или приобретенное хроническое непонимание того, что происходит вокруг, сопровождаемое навязчивым желанием задавать окружающим вопросы, направленные на прояснение того, почему всё происходит так, а не иначе» (с. 434). Согласно уставу общества, «ОСЛАБ занимается исключительно мирной пропагандой идей слабоумия. ОСЛАБ выдает своим членам, а также всем желающим, справки о слабоумии. ОСЛАБ публикует списки умных, очень умных и слишком умных для сведения публикуемых и всех

желающих... Решением общего собрания слабоумных число сопредседателей может быть увеличено до любого количества, но не должно превышать число зарегистрированных членов общества. Все члены общества являются заместителями его председателей» (с. 434).

Добавлю: «Меморандум» этот создан в 1998 г., когда в России разразился экономический кризис. Был объявлен дефолт, рубль рухнул, сбережения обесценились, люди были в растерянности. «Простите, нам непонятно...» Недовольство населения «умными и очень умными» росло, и неприкрытая ирония над пустым крючкотворством выглядит в «Меморандуме» вполне естественной.

Стернин был одним из самых остроумных лингвистов, которых я знал. Разумеется, филологи тоже люди, ничто человеческое им не чуждо. И в компании Иосифа Абрамовича нередко бывали случаи, когда мужчины собирались, движимые жаждой общения. Ну а какое общение без, так сказать, допинга? Но употребление спиртных напитков просто так – это, как известно, пьянство. А если по поводу, да с тостами – это мероприятие. И Стернин постановил каждое такое собрание (сборище?) считать мероприятием. «Это будет не что-нибудь, а – инициативный день рождения. Сегодня, решаем мы, – вот у тебя день рождения (обращается к ближайшему собеседнику). Ты его организуешь, все тосты – про тебя, в твою честь. А следующий раз день рождения – вот, скажем, у него!» И т. д. Далее встречи проходили исключительно по инициативным дням рождения.

Как-то мы собрались небольшой лингвистической компанией (ну, типа на «инициативный день рождения») и зашла речь, как правильно сказать: *профессоры* или *профессора*?

Стернин сказал: Не так и не так. Правильно – *профессорьё*. А о доцентах знаете, как надо?

Мы: Ка-ак? *Доцентьё*?

Стернин, торжествуя: *Доцентва!*

По-моему, очень остроумно. Даже никакого комментария не нужно.

TALKING WITH IOSIPH ABRAMOVICH STERNIN, A SMART AND FUNNY PERSON

B.Ju. Norman

Independent researcher (Minsk, Belarus)

Abstract: Iosiph (Joseph) Abramovich Sternin (1948-2022) is a prominent Russian linguist whose works contributed to the development of Russian cognitive linguistics, semasiology, psycholinguistics, the theory of speech acts, etc. The article presents the contribution of I. Sternin to Russian genderology: the features of verbal communication with men and women are systematized and recommendations developed by the scientist for optimizing this communication are given.

The role of I.A. Sternin in organizing work to improve the level of speech culture of the population. Examples of a "real" (psycholinguistic) interpretation of the meaning of a word are given. The lively mind and sense of humor of this untimely departed scientist are especially noted.

Key words: Iosiph (Joseph) Sternin, lexical semantics, real meaning, cognitology, gender, humor.

For citation:

Norman, B.Ju. (2022), Talking with Iosiph Abramovich Sternin, a smart and funny person. *Communication Studies (Russia)*, Vol. 9, no. 3, pp. 464-474. DOI: 10.24147/2413-6182.2022.9(3).464-474. (in Russian).

About the author:

Norman, Boris Justinovich, Prof., Professor-emeritus

Corresponding author:

Postal address: app. 16, 4/1, Lesi Ukrainki ul., Minsk, 220020, Belarus

E-mail: boris.norman@gmail.com

Received: April 25, 2022

Accepted: July 11, 2022

Раздел I

**ТЕОРИЯ КОММУНИКАЦИИ:
НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ
И.А. СТЕРНИНА**





Part I

**THEORY OF COMMUNICATION:
SCIENTIFIC HERITAGE
OF I.A. STERNIN**

ТЕОРИЯ ЯЗЫКА И КОММУНИКАЦИИ: НАУЧНЫЙ КРУГ И.А. СТЕРНИНА

Л.В. Куликова

Сибирский федеральный университет (Красноярск, Россия)

Аннотация: Дается краткий обзор научных идей и публикаций известного российского лингвиста И.А. Стернина с акцентом на разработанную им теоретическую модель коммуникативного поведения и ее преемственное развитие в исследованиях современных отечественных и зарубежных коллег. Терминологический каркас научных изысканий Стернина определяется такими сущностными направлениями, как семантико-когнитивный анализ языка, интегральная концепция лексического значения, речевое воздействие и эффективное общение, языковое и коммуникативное сознание, принципы формирования речевой культуры, теоретическое языкознание как систематизация аспектов и разделов науки о языке. Яркое лингвистическое наследие отражено в работах ученого, посвященных вопросам соотношения языковой структуры и культурно-коммуникативных процессов в их национальном измерении. Автор статьи соотносит основные принципы описания коммуникативного поведения народа, сформулированные профессором Стерниным, с анализом современного коммуникативного портрета русского и немецкого руководителя в контексте деловой коммуникации в структуре национальных культурных моделей; с подходами к моделированию интегральной категории культурно обусловленного коммуникативного стиля и его основных характеристик. С полным основанием можно говорить о том, что концепции И.А. Стернина сформировали новые импульсы для развития последующих идей, теоретических подходов, подготовки новых публикаций.

Ключевые слова: коммуникативное поведение, коммуникативный стиль, деловая коммуникация, корпоративная коммуникация, межкультурный постмодерн.

Для цитирования:

Куликова Л.В. Теория языка и коммуникации: научный круг И.А. Стернина // Коммуникативные исследования. 2022. Т. 9. № 3. С. 477–484. DOI: 10.24147/2413-6182.2022.9(3).477-484.

Сведения об авторе:

Куликова Людмила Викторовна, доктор филологических наук, профессор, директор института филологии и языковой коммуникации

Контактная информация:

Почтовый адрес: 660041, Россия, Красноярск, пр. Свободный, 79

E-mail: kulikova_l@list.ru

Дата поступления статьи: 26.05.2022

Дата рецензирования: 15.06.2022

Дата принятия в печать: 11.07.2022

EVIVA – так несколько лет назад начинался мой поздравительный текст по случаю 60-летия И.А. Стернина в научном юбилейном издании¹, которое его многочисленные друзья, коллеги, ученики с удовольствием и большим уважением подготовили в качестве подарка к знаменательному дню рождения заслуженного Ученого – филолога. Эта статья, спустя не так уж много времени, посвящена Памяти с очень добрыми личными и профессиональными воспоминаниями о замечательном друге, известном российском лингвисте, моем научном консультанте – докторе филологических наук И.А. Стернине.

Академическая траектория свела меня, германиста по профильной специальности, с И.А. Стерниным в период моих активных взаимодействий с немецкими коллегами в рамках российско-германского проекта DAAD (Германская служба академических обменов) по программе РГПУ им. А. Герцена. А Иосиф Абрамович, на тот момент уже очень авторитетный, многократно цитируемый профессор, был автором таких работ, как «Русское и немецкое коммуникативное поведение» [Стернин, Эккерт 2002], «Русское коммуникативное поведение» [Прохоров, Стернин 2002] и других публикаций по данному направлению. При этом И.А. Стернина также связывало тесное сотрудничество и свой «концептуальный круг» с учеными из университетов Германии (Й. Кунце, Х. Эккерт, А. Эртельт-Фиит и др.). Таким образом, наше научное общение было неизбежно на «почве» таких всепроникающих и интересующих нас понятий – терминов, как «коммуникация», «коммуникативное поведение», «коммуникативный стиль», «межкультурная коммуникация». Именно в контексте этой проблематики, получившей, безусловно, в течение последующих лет свое развитие, даже трансформацию на фоне новых исследований и научно-социальных реалий, мне хотелось бы порассуждать в этой статье.

Прежде всего необходимо отметить, что Иосиф Абрамович внес достойный вклад в формирование «лица» современной отечественной лингвистической науки. Терминологический каркас его исследовательского и профессорского наследия определяется такими направлениями, как семантико-когнитивный анализ языка, интегральная концепция лексиче-

¹ Стернин И.А. Теоретические и прикладные проблемы языкознания: избр. работы. Воронеж: Истоки, 2008. С. 457.

ского значения, речевое воздействие и эффективное общение, языковое и коммуникативное сознание, принципы формирования речевой культуры, теоретическое языкознание как систематизация аспектов и разделов науки о языке (см., напр.: [Попова, Стернин 2010; Стернин 2001]). В одной из своих работ профессор Стернин упоминает в числе прикладных направлений языкознания «лингвистическую идентификацию личности по устной речи и почерку» [Попова, Стернин 2004]. Трансферируя эту развернутую номинацию на личность самого Иосифа Абрамовича, справедливо можно говорить о яркой лингвистической идентификации его исследований, посвященных вопросам соотношения языковой структуры и культурно-коммуникативных процессов в их национальном измерении. По сути, введя в 1989 г. термин «коммуникативное поведение» [Стернин 1989], ученый вошел в число основных исследователей – пионеров в области изучения национальных особенностей общения в российской традиции языкознания. И все его последующие штудии и публикации по данному направлению способствовали созданию теоретических основ для разработки новых подходов и концепций в контексте «синтетической филологической и социально-антропологической науки будущего» [Стернин 2003: 68].

Представляя принципы описания коммуникативного поведения народа (см.: [Прохоров, Стернин 2002; Стернин, Ларина, Стернина 2003; Стернин, Эккерт 2002]) как теоретического аппарата или методологии такого описания, И.А. Стернин предлагает обобщенную параметрическую модель, с учетом аспектности и ситуативности репрезентации особенностей общения того или иного народа. При этом в фокусе внимания разработанной модели как вербальное, так и невербальное коммуникативное поведение, рассматриваемые комплексно на основе принципов системности, контрастивности, с использованием ранжирующего метаязыка и с учетом разграничения общественной нормы и общественной практики. Безусловно, интерес специалистов к новой на тот момент и очень оригинальной проблематике был вызван не только теоретическими разработками воронежского ученого. Привлекали внимание и примеры сопоставительного изучения коммуникативного поведения разных народов. Так, в рамках сравнительного анализа английской и немецкой национальных культур в сопоставлении с русской Стернин исследует признаки / критерии таких коммуникативных параметров, как установление контакта, общительность, вежливость, самопрезентация, эмоциональность, ориентация на собеседника, невербальная организация общения, коммуникативная реакция, коммуникативное давление и т. д. [Стернин 2003].

Самое значимое для научного наследия ученого, когда его работы, концепции формируют новые импульсы для развития идей, теоретических подходов, подготовки новых публикаций. В этом смысле, своего рода преемственным продолжением методологии сравнительного изучения коммуникативного поведения можно рассматривать анализ совре-

менного коммуникативного портрета русского и немецкого руководителя в контексте деловой коммуникации в структуре национальных культурных моделей [Кирсанова 2017]. Названное исследование представляет собой попытку синхронического сопоставительного описания частного случая коммуникативного поведения и является фрагментом коллективной монографии, оригинального труда международного коллектива ученых России и Австрии. Одним из ключевых авторов книги стала профессор Ренате Ратмайр, давний друг Иосифа Абрамовича Стернина.

Как отмечает Е.М. Кирсанова, выводы, сделанные в процессе эмпирического исследования делового общения представителей российского и немецкого менеджмента, интерпретировались с учетом критериев параметрической модели коммуникативного поведения И.А. Стернина, а также сопоставлялись с его обобщенными данными. При этом, как показало сопоставление, собственные результаты авторов по части параметров во многом коррелируют с данными, приводимыми в модели Иосифа Абрамовича. Некоторые полученные данные вступают в противоречие со значениями обобщенного параметрического описания русского коммуникативного поведения, приведенного профессором Стерниным. Например, «по уровню осознания важности хорошего владения родным языком, более высокой степени эмоционального самоконтроля и коммуникативной сдержанности, более последовательному соблюдению формально-этикетных отношений, высокому уровню вежливости, толерантности к молчанию», коммуникативная модель поведения русского руководителя отличается от русской обобщенной коммуникативной модели и выглядит более схожей с обобщенной немецкой коммуникативной моделью [Кирсанова 2017: 130, 134, 139]. Выявленные расхождения почти 20 лет спустя после публикаций И.А. Стернина можно логично обосновать объективными причинами и фактами. Расхождения отражают, безусловно, меняющуюся социальную реальность, геополитические трансформации, временные разрывы и культурно-коммуникативные изменения. Всё то, что так или иначе влияет на паттерны человеческого поведения, межличностного взаимодействия, как в институциональных, так и в повседневных контекстах. По мнению и самого ученого, «описание русского коммуникативного поведения носит предварительный характер, предлагается как модель, основа для дальнейших исследований выделенных факторов и параметров, которая может быть использована для последующего лингвокультурно-ориентированного описания...» [Прохоров, Стернин 2002: 8].

Обсуждая теоретические и прикладные аспекты разработанной И.А. Стерниным национально обусловленной модели коммуникативного поведения и культурно-языковых особенностей общения, следует обратить внимание на лингводидактическую направленность этой области знания. Сам автор отмечал в своих работах, что необходимой составляю-

щей данного направления является дидактическая ценность описания коммуникативного поведения для обучения иностранному языку [Прохоров, Стернин 2002: 8].

Научные идеи и публикации Иосифа Абрамовича, с большой благодарностью отмечаю это, инспирировали также развитие моей работы над теорией коммуникативного стиля и разработку модели национального коммуникативного стиля. В русле пересечения наших концептуальных смыслов можно отметить следующие подходы к интегральной категории культурно обусловленного коммуникативного стиля и его основных характеристик.

Прежде всего, национальный коммуникативный стиль понимается как конститuent национально-культурного пространства и основа коммуникативного поведения соответствующего народа. Именно в связи с этим коммуникативный стиль можно считать наиболее ярким экспликатом культурной чужеродности в контактах с представителями других языковых культур. Кроме того, конфронтация коммуникативных стилей в ситуациях межкультурных контактов является одной из главных причин возникающих помех, проблем, недоразумений в коммуникации. При этом следует подчеркнуть, что национальный коммуникативный стиль отражает существующие в лингвокультуре преференции по выбору вербальных, невербальных и паравербальных средств в процессе общения. Исходя из перечисленных характеристик, национальный коммуникативный стиль определяется как «устойчивая совокупность коммуникативных представлений, правил и норм, опосредованных культурой как макроконтэкстом коммуникации, проявляющихся в отборе языковых средств, организации смысла и национально маркированном коммуникативном поведении носителей языка» [Куликова 2009: 132–135]. Отмечу, что представленные подходы соответствовали на рубеже XX и XXI вв. инновационным размышлениям по поводу активно развиваемого в то время научно-прикладного направления межкультурной коммуникации и ее исследовательских траекторий, большой вклад в институализацию которых сделал профессор Стернин.

Очевидно, что современные цивилизационные вызовы (новая медиакоммуникационная действительность и развивающиеся политико-идеологические противостояния) предопределяют необходимость трансформации теоретических и практических основ этого направления. В развивающемся контексте межкультурного постмодерна XXI в. видится, как минимум, апгрейд классического репертуара данной области знания в аспекте расширения междисциплинарной методологии, а также в вопросе выделения новых контекстов для исследований и определения дидактических приоритетов. Мы по-прежнему будем опираться в своих изысканиях на теоретическое наследие Иосифа Абрамовича, но уже с учетом новых экстракоммуникативных факторов.

А всё сказанное и написанное И.А. Стерниным останется, я уверена, в коллективной памяти лингвистического сообщества нашей страны как VERBA MAGISTRI – «слова учителя» и авторитетного человека!

Список литературы

- Кирсанова Е.М.* Коммуникативный портрет русского и немецкого руководителя (сопоставительный аспект) // Корпоративная коммуникация в России: дискурсивный анализ / отв. ред. Т.А. Милехина, Р. Ратмайр. М.: Издательский дом ЯСК, 2017. С. 125–140.
- Куликова Л.В.* Коммуникативный стиль в межкультурном общении: моногр. М.: Флинта: Наука, 2009. 632 с.
- Попова З.Д., Стернин И.А.* Когнитивная лингвистика. М.: АСТ: Восток-Запад, 2010. 314 с.
- Попова З.Д., Стернин И.А.* Общее языкознание: учеб. пособие для ун-тов. 2-е изд. Воронеж: Центр.-Чернозем. книж. изд-во, 2004. 407 с.
- Прохоров Ю.Е., Стернин И.А.* Русское коммуникативное поведение. М., 2002. 382 с.
- Стернин И.А.* Русское и немецкое коммуникативное поведение и проблема межкультурной коммуникации // Межкультурная коммуникация: парадигмы исследования и преподавания: материалы Междунар. науч.-практ. конф. Красноярск: РИО КГПУ, 2003. С. 63–102.
- Стернин И.А.* О понятии коммуникативного сознания // Культура общения и ее формирование. Воронеж, 2001. Вып. 8. С. 290–300.
- Стернин И.А.* О понятии коммуникативного поведения // *Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung*. Halle, 1989. С. 279–282.
- Стернин И.А., Ларина Т.В., Стернина М.А.* Очерк английского коммуникативного поведения. Воронеж: Истоки, 2003. 183 с.
- Стернин, Эккерт 2002* – Русское и немецкое коммуникативное поведение. Воронеж: Истоки, 2002. Вып. 1 / науч. ред. вып. И.А. Стернин, А. Эккерт. 181 с.

References

- Kirsanova, E.M. (2017), Communicative portrait of a Russian and German leader (comparative aspect). Milekhina, T.A., Rathmayr, R. (eds.) *Korporativnaya kommunikatsiya v Rossii: diskursivnyi analiz* [Corporate communication in Russia: a discursive analysis], Moscow, YaSK publ., pp. 125-140. (in Russian).
- Kulikova, L.V. (2009), *Kommunikativnyi stil' v mezhkul'turnom obshchenii* [Communicative style in intercultural communication], Monograph, Moscow, Flinta publ., Nauka publ., 632 p. (in Russian).
- Popova, Z.D., Sternin, I.A. (2010), *Kognitivnaya lingvistika* [Cognitive linguistics], Moscow, AST publ., Vostok-Zapad publ., 314 p. (in Russian).
- Popova, Z.D., Sternin, I.A. (2004), *Obshchee yazykoznanie* [General linguistics], Study Guide for Universities, 2nd ed., Voronezh, Central-Chernozem Book publ., 407 p. (in Russian).
- Prokhorov, Yu.E., Sternin, I.A. (2002), *Russkoe kommunikativnoe povedenie* [Russian communicative behavior], Moscow, 382 p. (in Russian).

- Sternin, I.A. (2003), Russkoe i nemetskoe kommunikativnoe povedenie i problema mezhkul'turnoi kommunikatsii [Russian and German communicative behavior and the problem of intercultural communication]. *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya: paradigmy issledovaniya i prepodavaniya* [Intercultural Communication: Research and Teaching Paradigms], Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Krasnoyarsk, Krasnoyarsk State Pedagogical University publ., pp. 63-102. (in Russian).
- Sternin, I.A. (2001), O ponyatii kommunikativnogo soznaniya [About the concept of communicative consciousness]. *Kul'tura obshcheniya i ee formirovanie* [Culture of communication and its formation], iss. 8, Voronezh, pp. 290-300. (in Russian).
- Sternin, I.A. (1989), O ponyatii kommunikativnogo povedeniya [On the concept of communicative behavior]. *Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung*, Halle, pp. 279-282. (in Russian).
- Sternin, I.A., Ekkert, A. (eds.) (2002), *Russkoe i nemetskoe kommunikativnoe povedenie* [Russian and German communicative behavior], iss. 1, Voronezh, Istoki publ., 181 p. (in Russian).
- Sternin, I.A., Larina, T.V., Sternina, M.A. (2003), *Ocherk angliiskogo kommunikativnogo povedeniya* [Essay of English Communicative Behavior], Voronezh, Istoki publ., 183 p. (in Russian).

THEORY OF LANGUAGE AND COMMUNICATION: RESEARCH CIRCLE OF I.A. STERNIN

L.V. Kulikova

Siberian Federal University (Krasnoyarsk, Russia)

Abstract: The paper gives a brief review of research ideas and publications of the famous Russian linguist I.A. Sternin with the emphasis made on his theoretical model of communicative behaviour and its successive development in the studies of contemporary Russian and foreign colleagues. The terminological framework of Sternin's scientific researches is determined by such essential directions as semantic and cognitive language analysis, the integral theory of lexical meaning, verbal manipulation and effective communication, linguistic and communicative consciousness, principles of developing speech culture, theoretical linguistics as systematization of aspects and areas of language science. A bright linguistic heritage is reflected in the works of the scientist devoted to the issues of correlation of the language structure and cultural and communicative processes in their national dimension. The author of article correlates the basic principles of describing the communicative behavior of people, formulated by Prof. Sternin, with the analysis of the modern communicative portraits of Russian and German leaders in business communication in the structure of national culture models; with approaches to modeling the integral category of culturally sensitive communicative style and its main characteristics. It would be fair to say that I.A. Sternin's concepts formed new impulses for the development of subsequent ideas, theoretical approaches, and the preparation of new publications.

Key words: communicative behaviour, communicative style, business communication, corporate communication, intercultural postmodern.

For citation:

Kulikova, L.V. (2022), Theory of language and communication: research circle of I.A. Sternin. *Communication Studies (Russia)*, Vol. 9, no. 3, pp. 477-484. DOI: 10.24147/2413-6182.2022.9(3).477-484. (in Russian).

About the author:

Kulikova, Ludmila Viktorovna, Prof., Director of the School of Philology and Language Communication

Corresponding author:

Postal address: 79, Svobodnyi pr., Krasnoyarsk, 660041, Russia

E-mail: kulikova_l@list.ru

Received: May 25, 2022

Revised: June 15, 2022

Accepted: July 11, 2022

**«СДЕЛАТЬ ПРАВДУ ПРАВДОПОДОБНЕЕ»:
К ПРОБЛЕМЕ ИНТЕРСЕМИОТИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА
ПРОИЗВЕДЕНИЙ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО**

О.А. Леонтович

*Волгоградский государственный социально-педагогический университет
(Волгоград, Россия)*

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению особенностей смыслообразования в мультимодальных текстах, являющихся продуктами интерсемиотического перевода произведений Достоевского. Цель исследования – проанализировать ключевые идеи и семиотические средства, использованные интерпретаторами, выявить культурную специфику интерпретаций и способы донесения ключевых идей до целевой аудитории. В качестве материала исследования выступают 30 зарубежных и 4 российские экранизации, а также комиксы, мультфильмы, оперы и балеты, основанные на произведениях Достоевского. Обсуждается идея У. Эко о том, что перевод – это репрезентация иллюзий, стремящихся заместить знаки исходного текста. Рассматриваются различные формы интерсемиотического перевода. Раскрывается роль в интерпретации таких факторов, как выбор языка экранизации, названия фильма как средства «кинематографического прочтения» оригинала, модификации сюжета. Показано, что в качестве основной стратегии освоения текста выступает доместикация, которая, согласно нашему анализу, предполагает изменения по трем основным параметрам: место, время и этническая принадлежность героев. Специфика интерсемиотического перевода заключается в асимметрии между вербальным и мультимодальным текстом; причудливых интертекстуальных связях между произведениями, относящимися к разным семиотическим системам, историческим эпохам, жанрам и национальным культурам; способности продуктов интерсемиотического перевода выражать как значимые общечеловеческие идеи, так и тривиальные смыслы.

Ключевые слова: интерсемиотический перевод, Достоевский, экранизация, семиотический знак, интерпретация.

Для цитирования:

Леонтович О.А. «Сделать правду правдоподобнее»: к проблеме интерсемиотического перевода произведений Ф.М. Достоевского // Коммуникативные исследования. 2022. Т. 9. № 3. С. 485–499. DOI: 10.24147/2413-6182.2022.9(3).485-499.

Сведения об авторе:

Леонтович Ольга Аркадьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры межкультурной коммуникации и перевода

Контактная информация:

Почтовый адрес: 400005, Россия, Волгоград, пр. Ленина, 27

E-mail: olgaleo@list.ru

Дата поступления статьи: 30.06.2022

Дата рецензирования: 07.07.2022

Дата принятия в печать: 11.07.2022

Введение

Произведения Ф.М. Достоевского, который, как считают многие критики, лучше других сумел передать суть русского национального характера, остаются востребованными в России и за ее пределами. Способы их подачи и восприятия – это благодатный материал для анализа межкультурных сходств и различий в сфере смыслообразования и текстовой интерпретации. Настоящая статья продолжает цикл работ, посвященных семиотическому переводу русской классики средствами зарубежной кинематографии (см.: [Leontovich 2015; Леонтович 2019] и др.). Нам известно как минимум 200 экранизаций произведений Достоевского, созданных в разных странах мира, от более-менее точно воспроизводящих его сюжеты до тех, которые сохраняют лишь отдаленное сходство с оригиналом. Материалом данного исследования послужили 30 зарубежных и 4 российские экранизации, а также комиксы, мультфильмы, оперы и балеты, основанные на произведениях Достоевского. Цель статьи – проанализировать ключевые идеи и семиотические средства, использованные интерпретаторами для осмысления этих произведений, выявить культурную специфику интерпретаций и способы донесения ключевых идей до целевой аудитории. В процессе анализа использована совокупность методов дискурс-анализа, семиотического и контекстуального анализа (подробное описание методологии см.: [Леонтович 2019]).

Теоретические основы исследования

«Настоящая правда всегда неправдоподобна! – писал Ф.М. Достоевский. – Чтобы сделать правду правдоподобнее, нужно непременно подмешать к ней лжи». Если применить мысль великого писателя к интерпретации текстов, то она перекликается с известным афоризмом, касающимся перевода: *Traduttore, traditore* («Переводчик, предатель»), – а также знаменитым парадоксом У. Эко, согласно которому семиотика выступает дисциплиной, изучающей всё, что можно использовать для лжи [Есо 1975]. Комментируя это высказывание У. Эко, А.Р. Усманова характеризует се-

миотику как теорию, осуществляющую «континуальную критическую интервенцию в феномены репрезентации» [Усманова 2000: 116]. Согласно теории У. Эко, перевод – это репрезентация иллюзий, стремящихся заместить знаки исходного текста, т. е. «репрезентация репрезентаций». Эта точка зрения стала источником споров о том, можно ли считать перевод самостоятельным, первичным текстом либо заместителем оригинала [Hartama-Heinonen 2012: 308].

У. Эко полагает, что любой текст обретает завершенность и способность реализоваться лишь при наличии читателя, который должен понять то, что выражено в нем эксплицитно и имплицитно. При этом образцовый читатель, к которому автор обращает свой текст, абстрактен и обладает знанием определенного набора языковых средств, а также энциклопедической информации [Есо 1979]. Этот образцовый читатель, по словам А.Р. Усмановой, – призрачная фигура, вынужденная «наслаждаться той свободой, которая ему оставлена текстом» [Усманова 2000: 132]. Реальный читатель наделен индивидуальными чертами, и для него абстрактной фигурой является автор. Прочтение текста возможно лишь в случае взаимодействия писателя и читателя. При этом, писал У. Эко, читатель должен дорисовать в своем воображении то, что не досказано автором [Есо 1979].

Переводчик выступает в качестве интерпретатора текста. Условием переводимости и понятности текста становится знание действительности, которая является объектом семиозиса, а также системы используемых знаков. Проблема переводимости обретает особый смысл в свете теории Р. Якобсона, выделившего три типа перевода: интралингвистический, интерлингвистический и интерсемиотический [Jacobson 1959]. Несмотря на то, что тема интерсемиотического перевода, трактуемого как перевод знаков из одной семиотической системы в другую, получила достаточно широкое распространение и выделилась в отдельную сферу исследования [Aguilar, Queiroz 2010; Gorlé 2008; O'Halloran, Tan, Wignell 2016; E-Chou 2014; Iedema 2003; Naremore 2000; Topor 2003], остается немало вопросов, связанных с проблемами смыслообразования мультимодальными средствами.

Формы интерсемиотического перевода

Размышляя о соотношении языка и культуры, И.А. Стернин писал: «Духовная культура в своей части существует в языковой форме (литература), но никак не сводится к последней (ср. живопись, графика, музыка, философские этические идеи, интеллектуальные достижения человечества и т. д.)» [Стернин 2008: 99]. Коммуникативное сознание, в свою очередь, «включает языковое... как свою составную часть, но не исчерпывается им» [Стернин 2008: 113].

Таким образом, культурные смыслы могут выражаться различными семиотическими средствами. При анализе интерсемиотического пе-

ревода произведений Достоевского мы можем вести речь об их переводе с естественного языка в иные семиотические формы, такие как:

- книжные иллюстрации;
- комиксы: *Dostoyevsky's Comics* (Канада, 2000); японские комиксы (манга) *Tsumi To Batsu* (*Преступление и наказание*, 1953) и *Karamazon no Kyoudai* (*Братья Карамазовы*, 2013; подробный анализ см.: [Новикова 2019]);
- мультипликация: *Łagodna* (*Кроткая*, Польша, 1985, реж. П. Думала), *Крокодил* (Украина, 1991, реж. М. Титов), *Сон смешного человека* (Россия, 1992, реж. А. Петров), *Zbrodnia i kara* (*Преступление и наказание*, Польша, 2000, реж. П. Думала);
- балеты: *Петербургские сновидения* (СССР, 1977), *Мальчик у Христа на ёлке* (СССР, 1977), *Идиот* (СССР, 1980), *Братья Карамазовы* (Россия, 2017);
- оперы: *Игрок* (Бельгия, 1929), *Белые ночи* (СССР, 1968), *Идиот* (СССР, 1986), *Z mrtvého domu* (*Записки из мертвого дома*, Чехословакия, 1989), *Братья Карамазовы* (Россия, 2008), *Преступление и наказание* (Россия, 2016), *Мальчик у Христа на ёлке* (Россия, 2021);
- художественные фильмы (будут подробно проанализированы ниже).

Также следует принять во внимание паратексты, такие как афиши фильмов и спектаклей, обложки DVD и т. д. Кроме того, ряд ученых относит к интерсемиотическому переводу перекодирование внутри языковой системы [González 2014], например звукового языка в письменный (субтитрирование). Важное место также принадлежит таким формам, как тифлокомментарий для людей, лишенных зрения, или перевод с использованием жестового языка глухих и слабослышащих и т. д.

Метаморфозы интерпретации

Проблема верности оригиналу не раз становилась предметом дискуссий как среди кинематографистов, так и ученых, занимающихся проблемами перевода [Dusi 2010; Леонтович 2019]: одни полагают, что следует в точности придерживаться оригинала, другие считают отход от оригинальной версии средством творческого самовыражения режиссера, а также адаптации произведения к картине мира, вкусам и ценностям целевой аудитории. Рассмотрим преобразования, к которым прибегают создатели экранизаций как средству реинтерпретации идей Достоевского.

Выбор языка, на котором снимается фильм, связан не только с этничностью целевой аудитории – в переводе проявляются различия в концептуализации и категоризации действительности, социальном контексте; он соотносится с определенной манерой говорить, интонацией, модальностью, степенью экспрессивности и эмоциональности. В нашем материале представлены фильмы на английском, французском, немецком, японском, арабском, финском, итальянском, сербско-хорватском и других

языках. Индийские фильмы отражают ситуацию многоязычия в стране: например, фильм *Neramu Siksha* (экранизация *Преступления и наказания*, реж. K. Viswanath) был снят в 1973 г. на языке телугу, последовавшие за ним экранизации того же романа *Needhikku Thalaivanangu* (1976, реж. P. Neelakanta) – на тамильском, *Shikshaa* (1979, реж. S. Ramanathan) – на хинди, а *Elu Suttina Kote* (1987, реж. B.C. Gowrishankar) – на языке каннада.

Акценты также могут выполнять различные функции, передавая географическую идентичность героя, отражая его место в социальной иерархии, уровень образования или маркируя его инаковость, чужеродность в контексте описываемой культуры. Интересно, что австрийская актриса Мария Шелл, сыгравшая главную женскую роль в итальянской экранизации *Белых ночей* (*Le notti bianche*, 1957, реж. Л. Висконти), выучила свою роль на итальянском языке, что вызвало восхищение ее коллег. Было принято решение не дублировать ее – можно предположить, что иностранный акцент придавал дополнительное очарование героине, был приятен для слуха итальянцев либо подчеркивал ее индивидуальность.

Название фильма выступает как отправная точка интерпретации. Уже неоднократно подчеркивалось, что оно не обязательно создается авторами экранизации, а может быть творением маркетологов, однако, как бы то ни было, именно с названия начинается восприятие экранизации. Наряду с фильмами, сохранившими оригинальные названия произведений Достоевского, существуют и иные наименования, например экранизации *Белых ночей*: *Quatre nuits d'un reveur* (*Четыре ночи мечтателя*, Франция, 1971, реж. Р. Брессон), *Iyarkai* (*Природа*, Индия, 2003, реж. S.P. Jananathan), *Ahista Ahista* (*Шаг за шагом*, Индия, 2006, реж. Sh. Nair), *Saawariya* (*Моя любовь*, Индия, 2007, реж. S.L. Bhansali), *Cafe Noir* (*Черный кофе*, Южная Корея, 2009, реж. Jung Sung-il), *Приключение* (Казахстан, 2014, реж. Н. Туребаев). Американская экранизация *Братьев Карамазовых* (1958, реж. П. Брукс) сопровождается подзаголовком: *Убийца Дмитрий Карамазов*; одна из индийских экранизаций *Преступления и наказания* получила название *Needhikku Thalaivanangu* (букв. *Преклони голову перед правосудием*), а перуанская – *Sin compasión* (*Без жалости*, 2014, реж. Ф.Х. Ломбарди). Все эти заголовки выступают как своего рода ключи к «кинематографическому прочтению» оригинального текста.

Стратегии перевода. Доместикация («одомашнивание» произведения с целью облегчить его восприятие представителями иной культуры) и форенизация («остранение» с целью сохранить инаковость оригинала, его экзотичность) выступают как ведущие стратегии не только интерлингвистического, но и интерсемиотического перевода. Как показывает анализ, большинство зарубежных экранизаций Достоевского являются продуктом доместикации, которая, согласно нашему анализу, предполагает изменения по трем основным параметрам: место, время и этническая принадлежность героев. Действие переносится в родную страну

целевой аудитории, часто в эпоху, проживаемую зрителями, причем герои обретают новые имена и говорят на соответствующем языке.

Протагонист повести Достоевского *Белые ночи*, выступающий в качестве нарратора, – молодой человек без имени, который живет в Петербурге в середине XIX в.; он встречается молодую женщину Настеньку, которая возбуждает в нем романтические чувства. В свою очередь, действие французской экранизации *Quatre nuits d'un rêveur* (*Четыре ночи мечтателя*) разворачивается в Париже 1970-х гг.; «мечтатель» – молодой художник по имени Жак – случайно встречается Марту в момент, когда она собирается прыгнуть в Сену с моста *Pont Neuf*. В итальянской экранизации того же произведения *Le notti bianche* главного героя зовут Марио; действие происходит в Италии, в портовом городе Ливорно, вскоре после окончания Второй мировой войны. Образ города одновременно напоминает Петербург и Венецию с их романтическими улочками и каналами. В какой-то степени это схоже с обликом города в индийской экранизации *Saawariya*, где, наряду с ярко выраженной индийской семиотикой, ночные пейзажи с голубыми тенями, каналами и мостами вызывают в воображении петербургские белые ночи.

Доместикация также лежит в основе экранизаций *Преступления и наказания*: герой фильма *Crime et châtiment* (Франция, 1956, реж. Ж. Лампен) Рене Брюнель (René Brunel) бродит по Парижу; герой финского фильма *Rikos ja rangaistus* (1983, реж. А. Каурисмяки), которого зовут Антти Рахикайнен (Antti Rahikainen), – по Хельсинки; мексиканская экранизация *Crimen y castigo* (1951, реж. Ф. де Фуэнтес) переносит нас в Мехико XX в., а Раскольников обретает имя Рамон Бернал (Ramón Bernal). Отметим, что хотя в последнем фильме обстановка и сюжет претерпели существенные изменения, имена некоторых героев частично сохраняются: Порфирий Петрович получает имя Порфирио Мартин (Porfirio Marín), а проститутку, с которой знакомится Рамон, зовут Соня (Sonia).

Если в оригинальном тексте романа *Идиот* князь Мышкин приезжает в Петербург из швейцарской клиники, где его лечили от эпилепсии, то в знаменитой японской экранизации 1951 г. (реж. А. Куросава) действие разворачивается в Японии после Второй мировой войны; Киндзи Камэда возвращается с фронта, деморализованный и раздавленный войной и пребыванием в плену. В индийской же экранизации *Idiot* (1992, реж. М. Kaul) действие происходит в Индии, герои живут в 1990-х гг. и разъезжают на больших джипах (а не в экипажах, как в оригинале). В японском мини-сериале *Братья Карамазовы* (*Karamazov no kyōdai*, 2013) зритель оказывается не в городе Скотопригоньевске, а в вымышленном провинциальном городке XX в. Карасуме (Karasume).

Другие изменения касаются гендера, возраста, рода занятий и индивидуальных характеристик персонажей. Например, в индийском фильме *Elu Suttina Kote* (экранизации *Преступления и наказания*) жертвой глав-

ного героя становится не старуха-процентщица, а процентщик средних лет, так как по индийским представлениям это не женская профессия. Героиня, персонифицирующая Соню, не проститутка, а простая девушка из бедной семьи, поскольку резкое неприятие проституток в Индии помешало бы зрителям испытать сочувствие к героине.

Сюжет. Как уже было сказано, экранизации демонстрируют разную степень верности оригиналу и отклонений от сюжетной линии. Если в российских экранизациях наблюдается достаточно высокая степень пиетета перед первоисточником (нами были рассмотрены: *Идиот* (1958, реж. И. Пырьев), *Братья Карамазовы* (1968, реж. И. Пырьев), *Преступление и наказание* (1969, реж. Л. Кулиджанов), *Идиот* (ТВ-сериал, 2005, реж. В. Бортко)), то среди зарубежных много таких, которые можно рассматривать лишь как намек, аллюзию к произведению Достоевского. При этом характерно, что даже в последнем случае, когда связь эта трудно уловима и у авторов отсутствует опасность быть обвиненными в плагиате, кинематографисты считают нужным дать отсылку к Достоевскому (например: *loosely based on Dostoyevsky's novel*). Думается, что это попытка возвысить киноверсию над обыденностью, придать ей более глубокий смысл, чем тот, которым она бы обладала без этой аллюзии.

Изменения сюжета главным образом являются результатом адаптации фильма к интересам, вкусам и эмоциональным потребностям аудитории. Покажем это на примере двух экранизаций *Преступления и наказания*.

Rikos ja rangaistus (Финляндия, 1983). После смерти своей подруги в автокатастрофе Антти Рахикайнен, работник скотобойни, убивает человека, виновного в ее смерти. Эва (*Eeva*) становится случайной свидетельницей убийства и дает главному герою возможность скрыться, посоветовав ему самому сдать полицию. Рахикайнен бродит по Хельсинки, скрываясь от преследования, отдает нищему ценности, присвоенные в результате преступления; ему удается добыть фальшивый паспорт, чтобы уехать из Финляндии, но после прощального разговора с Эвой он сдается правосудию.

Neramu Siksha (Индия, 1973). Кришна – избалованный молодой человек из богатой семьи. Гонимый по городу на новом автомобиле, он наезжает на прохожего по имени Балайя и его брата, в результате чего брат погибает, а Балайя теряет зрение. Один из персонажей узнаёт о преступлении, и Кришну выгоняют из дома. Он начинает работать слугой и знакомится с Балайя и его семьей. Чувствуя раскаяние, Кришна клянется облегчить их жизнь. Балайя, со своей стороны, пытается найти человека, виновного в его бедах, и убить его. Хотя Кришна знает про эту клятву, он продолжает помогать ему. Когда Балайя узнает правду, он прощает Кришну.

Особенности семиозиса

Мультимодальность фильма заключается в том, что, в отличие от книги, которая представлена лишь письменными языковыми знаками,

кино использует сложный набор различных семиотических средств (визуальных, аудиальных, вербальных). У. Эко пишет о том, что язык упорядочивает, лингвистически организует бесформенную, недифференцированную массу человеческого универсума [Эко 2006: 45].

Анализируя особенности смыслообразования в произведениях А. Платонова, И.А. Стернин высказывает идею о том, что «...семантический замысел, сформированный в УПК (универсальном предметном коде. – О. Л.), перекодируясь в единицы промежуточного кода, а затем – в единицы национального языка, не завершается окончательным подбором лексем национального языка» [Стернин 2008: 75]. Таким образом, полагает он, можно вести речь о «процессе приблизительной номинации», а следовательно, язык Платонова подтверждает автономность «существования слов в сознании человека», способность языка выражать концепт в самом общем виде [Стернин 2008: 80]. Приблизительность номинаций означает, что вербальное выражение не дает исчерпывающего описания объекта. Эта мысль перекликается с идеей У. Эко о том, что внешность героев экранизации можно представить себе по-разному: например, читатель может воображать Изабеллу, героиню «Женского портрета» Генри Джеймса, как «Весну» Боттичелли, Форнарину или «Беатриче прерафаэлитского склада», но режиссер кинофильма наделяет ее лицом актрисы Николь Кидман [Эко 2006: 395].

То же самое можно наблюдать на примере экранизаций произведений Достоевского. В «Преступлении и наказании» автор с первого предложения описывает действия Раскольникова: «В начале июля, в чрезвычайно жаркое время, под вечер, один молодой человек вышел из своей каморки...» Однако описание его внешности дается только в шестом абзаце, коротко, как бы вскользь: «Чувство глубочайшего омерзения мелькнуло на миг в тонких чертах молодого человека. Кстати, он был замечательно хорош собою, с прекрасными темными глазами, темно-рус, ростом выше среднего, тонок и строен». В фильме же Раскольников должен появиться на экране сразу, и описанию его внешности может соответствовать облик разных, не похожих друг на друга актеров из разных культур: эти воплощения совершенно различны в российских, японской, индийских экранизациях, при этом они соответствуют бытующим в этих культурах представлениям о молодом человеке, который «замечательно хорош собою». Более того, зритель сразу должен увидеть его в совокупности черт, которые в книге вводятся постепенно: осанки, манеры ходить, смотреть, жестиковать.

У. Эко пишет о том, что «перевод не должен говорить больше, чем оригинал, то есть он обязан соблюдать умолчания текста-источника» [Эко 2006: 392], но далее сам же опровергает свое утверждение, показывая, что кинематографистам не удается избежать визуализации некоторых черт внешности героев, не описанных в оригинале. Например, Мелвилл в «Мо-

би Дике» умалчивает, правая или левая нога отсутствует у капитана Ахава, однако режиссеру необходимо сделать этот выбор. Опущенные писателем события, о которых читатель может только догадываться, не всегда могут быть проигнорированы режиссером – он должен дать зрителю «увидеть кое-что большее по сравнению с вербальным текстом» [Эко 2006: 394–395].

Отметим, что как в случае интралингвистического перевода, предполагающего перефразирование средствами того же языка, так и интерлингвистического – перевода на другой язык – возможен анализ параллельных текстов, который позволяет выявить моменты передачи оригинальных смыслов либо отклонений от них. В случае же интерсемиотического перевода такая синхронизация во многих случаях невозможна, особенно при использовании в нем различных по своей природе семиотических средств.

В кинематографии «смыслы передаются зрителям по акустическому и визуальному каналам посредством двух кластеров семиотических кодов». По акустическому каналу, помимо собственно вербальных, передаются паравербальные (тембр голоса, громкость, скорость речи, интонация, паузы, смех, плач, покашливание и т. д.) и невербальные знаки (музыка, спецэффекты, звуки природы и т. д.). Визуальный канал позволяет транслировать иконографический код (символы и пиктограммы), фотографический код (использование цвета, освещения и перспективы) и кинетический код (вместе с проксемикой) [Chaume Varela 2004] (по: [González 2014: 122]).

В отличие от перевода литературного произведения, осуществляемого одним, а реже двумя переводчиками, экранизация создается усилиями не одного человека, а съемочной группы, включающей сценаристов, режиссеров, актеров, операторов и др., каждый из которых в той или иной степени вносит вклад в интерсемиотический перевод произведения. Информационно-методическая группа подбирает исторические данные о быте и костюмах эпохи. Оригинальный или переводной текст литературного произведения переписывается для того, чтобы сделать его более приемлемым для визуального восприятия. Важнейшую роль играет создание собственно сценария, его разбивка на эпизоды.

Язык цементирует сложное единство разнородных семиотических знаков, акцентируя некоторые сообщения и облегчая интерпретацию определенных означающих [González 2014: 122]. Однако иногда интерсемиотические переводы обходятся вообще без словесного сопровождения, например упомянутые выше балеты или польская мультипликационная версия *Преступления и наказания* (2000, реж. П. Думала), где в качестве звукового оформления используется только музыка.

Важную роль в интерпретации играет семиотика человеческого тела. И.А. Стернин указывает на то, что в ходе коммуникации участники об-

щения имплицитно учитывают действия, поступки и предметную деятельность друг друга, «язык» социальных символов, интерпретируя их как информационный компонент ситуации, определяющий характер их коммуникативного поведения [Стернин 2008: 105].

Другие невербальные знаки, например музыка или артефакты, могут также существенно влиять на интерпретацию, кодируя неожиданные, с точки зрения русской культуры, смыслы. Например, на стене главного героя индийского фильма *Elu Suttina Kote* (основанного на *Преступлении и наказании*) висит портрет Ленина, фоном звучит мелодия песни *Вихри враждебные веют над нами*, что, по всей вероятности, репрезентирует мятежный дух героя. В целом, музыка и танцы в индийских фильмах очень значимы. Как ни странно российскому зрителю слышать индийскую музыку и видеть танцующих девушек в сари в экранизациях произведений Достоевского, необходимо признать, что это становится средством особого эмоционального воздействия на индийского зрителя, что, в частности, способствовало огромному кассовому успеху фильмов *Chhalia* (1973, реж. М. Desai) и *Saawariya* (2007) по мотивам повести «Белые ночи».

Интертекстуальные связи

Интертекстуальность, предполагающая смысловые связи между известными произведениями, которые могут трактоваться как тексты, знаменует собой попытку вплести новое произведение в ткань мировой или национальной культуры. Рассмотрим, в какой мере это применимо к исследуемому нами материалу.

Французский фильм *Les Possédés* (*Бесы*, 1988, реж. А. Вайда) иллюстрирует цепочку интертекстуальных связей: он является экранизацией пьесы Альбера Камю *Одержимые* (1959), которая, в свою очередь, основана на романе Достоевского *Бесы*.

Критики кино усматривают связь фильма *The Idiot* (Япония, 1952, реж. А. Куросава) с эпизодом фильма *Le notti bianche* (Италия, 1957, реж. Л. Висконти), где герой, которого играет Мastroяни, обжигает руку спичкой, читая письмо.

Также в начале *Le notti bianche* звучит музыка из *Севильского цирюльника* Россини.

В саундтреке к японской экранизации *The Brothers Karamazov* (2016) соседствуют такие, с первого взгляда, не сочетаемые произведения, как романтические композиции Грига, Равеля, Чайковского, гитарный драйв рок-групп *Led Zeppelin*, *Nirvana* и Лу Рида и депрессивная песня *Paint It Black* группы *The Rolling Stones*¹.

¹ Doak C. *Painting the Town Black: A Japanese Take on Brothers Karamazov* // NYU Jordan Center for the Advanced Study of Russia. 09 March, 2016. URL: <https://jordan-russiacenter.org/news/painting-town-black-japanese-take-brothers-karamazov/#.YqeZXqhBx1A>.

Два географически далеких друг от друга произведения сталкиваются в украинской компьютерной игре в жанре квеста *Sherlock Holmes: Crimes & Punishments* (2014, разработчик Frogwares).

В комиксах по произведениям Достоевского *Dostoevsky Comics*, опубликованных канадским издательством Drawn and Quarterly, Раскольников после написания своей статьи «О преступлении» превращается в Бэтмена.

Все эти причудливые ассоциации говорят о том, что авторы экранизаций и других продуктов интерсемиотического перевода усматривают смысловые связи между произведениями, созданными в разные эпохи, представителями разных культур, в различных семиотических системах и жанрах, и предполагают, что эти связи будут распознаны адресатом. По замыслу авторов, их совокупное использование, вкупе с аллюзийностью, призвано усилить воздействие на целевую аудиторию.

Суть авторского замысла

Наконец, мы подходим к самому важному моменту исследования – что хотят сказать авторы экранизаций и иных продуктов интерсемиотического перевода своей аудитории?

Анализ показывает, что в ряде случаев, даже после существенной переработки оригинала, авторы пытаются донести до адресата ключевую идею произведения Достоевского, например тему вины, раскаяния и расплаты за грех в многочисленных экранизациях *Преступления и наказания*. Так, главный герой фильма *Rikos ja rangaistus* выразил это словами: *I killed a louse, and I became a louse myself*. Тем не менее осмысление этой идеи обнаруживает существенные различия в русской и некоторых других культурах. Мироззрение Достоевского в значительной мере зиждется на православии, однако, как указывает К. Доак, иностранные режиссеры, в особенности из нехристианских культур, как правило, нивелировали тему христианства, поскольку не могли найти для нее достойного культурного эквивалента¹.

Суть оригинального произведения может быть полностью искажена, например в комиксах, которые используются либо в развлекательных целях, либо для того, чтобы избавить школьников или студентов от прочтения произведения. В американском веб-сериале *Classic Alice*, основанном на обыгрывании мировой литературной классики, аллюзия к *Преступлению и наказанию* вполне невинна: студентка колледжа Алиса Рэкхам (Alice Rackham) крадет тест, в результате разгорается конфликт между ней и Эндрю, который пытается спасти ее от наказания с помощью денег и своего влиятельного отца. Таким образом, макросмысл продукта интерсемиотического перевода может варьироваться от значимого размышления над общечеловеческими проблемами до описания мелочных бытовых неурядиц.

¹ Doak C. Op. cit.

Заключение

Итак, лгут ли интерпретанты, прибегая к интерсемиотическому переводу? Если не брать во внимание работы, где аллюзии к Достоевскому используются для выражения тривиальных смыслов, а вести речь о реальном творческом поиске, думается, что это не ложь, а попытка авторов отыскать новые способы и средства для передачи глубинных смыслов оригинала. Другое дело, что многим из них не удается выбраться из сложного лабиринта, в котором они заблудились в своих исканиях. Можно предположить, что тенденция в сторону мультимодальности будет возрастать, как и необходимость постижения механизмов смыслообразования и взаимодействия различных семиотических систем. При этом заметим, что, как писал Достоевский, «искусство только тогда будет верно человеку, когда не будет стеснять его свободу развития».

Список литературы

- Леонтович О.А. «Чувственный образ бесконечности»: интерсемиотический перевод русской классики для зарубежной аудитории // *Russian Journal of Linguistics*. 2019. Т. 23. № 2: Переводоведение сегодня и завтра. С. 399–414. DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-399-414. (На англ. яз.).
- Новикова Е.Г. Ф.М. Достоевский в японских комиксах // Текст. Книга. Книгоиздание. 2019. № 19. С. 75–94. DOI: 10.17223/23062061/19/6.
- Стернин И.А. Теоретические и прикладные проблемы языкознания: избр. работы. Воронеж: Истоки, 2008. 595 с.
- Усманова А.Р. Умберто Эко: парадоксы интерпретации. Минск: Пропилеи, 2000. 43 с.
- Эко У. Сказать почти то же самое: Опыты о переводе. СПб.: Symposium, 2006. 574 с.
- Aguiar D., Queiroz J. Introductory editorial: On intersemiotic translation as it relates to translation in general // *Applied Semiotics / Sémiotique Appliquée*. 2010. № 24. P. 337–344.
- Chaume Varela F. Film studies and translation studies: Two disciplines at stake in audiovisual translation // *Meta*. 2004. Vol. 49, no. 1. P. 12–24.
- Dusi N. Translating, Adapting, Transposing // *Applied Semiotics / Sémiotique Appliquée*. 2010. No. 24, P. 82–94.
- E-Chou Wu. *Intersemiotic Translation and Film Adaptation* // Providence Forum: Language and Humanities. 2014. Vol. VIII, no. 1. P. 149–182.
- Eco U. *Lector in fabula*. Milano: Bompiani, 1979. 315 p.
- Eco U. *Trattato di semiotica generale*. Milano: Bompiani, 1975. 420 p.
- González L.P. Multimodality in Translation and Interpreting Studies: Theoretical and Methodological Perspectives // *A Companion to Translation Studies* / Ed. by S. Bermann and C. Porter. John Wiley & Sons, Ltd, 2014. P. 119–131. DOI: 10.1002/9781118613504.ch9.
- Gorlée D.L. Jakobson and Peirce: Translational intersemiosis and symbiosis in opera // *Sign Systems Studies*. 2008. Vol. 36, iss. 2. P. 341–373.
- Hartama-Heinonen R. Semiotico-translation-theoretical reverberations revisited // *Sign Systems Studies*. 2012. Vol. 40, iss. 3–4. P. 299–318.

- Iedema R. Multimodality, resemiotization: extending the analysis of discourse as multi-semiotic practice // *Visual Communication*. 2003. Vol. 2, iss. 1. P. 29–57. DOI: 10.1177/1470357203002001751.
- Jacobson R. On Linguistic Aspects of Translation // *On Translation* / Ed. R. Brower. Cambridge: Harvard University Press, 1959. P. 232–239.
- Leontovich O. Word and image in search of each other: Intersemiotic translation of narratives from an intercultural perspective // *Procedia – Social and Behavioral Sciences*. 2015. Vol. 200. P. 289–295. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.08.067.
- Naremore J. *Film Adaptation*. New Brunswick: NJ, Rutgers University Press, 2000. x, 258 p.
- O'Halloran K.L., Tan S., Wignell P. Intersemiotic Translation as Resemiotisation: A Multimodal Perspective // *Signata*. 2016. Vol. 7. P. 199–229. DOI: 10.4000/signata.1223.
- Torop P. Intersemiosis and intersemiotic translation // *Translation translation* / Ed. S. Petrilli. Amsterdam: Rodopi, 2003. P. 271–282.

References

- Aguiar, D., Queiroz, J. (2010), Introductory editorial: On intersemiotic translation as it relates to translation in general. *Applied Semiotics / Sémiotique Appliquée*, No. 24, pp. 337-344.
- Chaume Varela, F. (2004), Film studies and translation studies: Two disciplines at stake in audiovisual translation. *Meta*, Vol. 49, no. 1, pp. 12-24.
- Dusi, N. (2010) Translating, Adapting, Transposing. *Applied Semiotics / Sémiotique Appliquée*, No. 24, pp. 82-94.
- E-Chou, Wu (2014), Intersemiotic Translation and Film Adaptation. *Providence Forum: Language and Humanities*, Vol. VIII, no. 1, pp. 149-182.
- Eco, U. (2006), *Saying Almost the Same Thing*, Experiences in translation, St. Petersburg, Symposium publ., 574 p. (in Russian).
- Eco, U. (1979), *Lector in fabula*, Milano, Bompiani publ., 315 p. (in Italian).
- Eco, U. (1975), *Trattato di semiotica generale*, Milano, Bompiani publ., 420 p. (in Italian).
- González, L.P. (2014), Multimodality in Translation and Interpreting Studies: Theoretical and Methodological Perspectives. Bermann, S., Porter, C. (eds.) *A Companion to Translation Studies*, John Wiley & Sons publ., pp. 119-131. DOI: 10.1002/9781118613504.ch9.
- Gorlée, D.L. (2008), Jakobson and Peirce: Translational intersemiosis and symbiosis in opera. *Sign Systems Studies*, Vol. 36, iss. 2, pp. 341-373.
- Hartama-Heinonen, R. (2012), Semiotico-translation-theoretical reverberations revisited. *Sign Systems Studies*, Vol. 40, iss. 3-4, pp. 299-318.
- Iedema, R. (2003), Multimodality, resemiotization: extending the analysis of discourse as multi-semiotic practice. *Visual Communication*, Vol. 2, iss. 1, pp. 29-57. DOI: 10.1177/1470357203002001751.
- Jacobson, R. (1959), On Linguistic Aspects of Translation. Brower, R. (ed.) *On Translation*, Cambridge, Harvard University Press, pp. 232-239.
- Leontovich, O. (2019), “A sensible image of the infinite”: Intersemiotic translation of Russian classics for foreign audiences. *Russian Journal of Linguistics*, Vol. 23,

- no. 2: Translation Studies Today and Tomorrow, pp. 399-414. DOI: 10.22363/2312-9182-2019-23-2-399-414.
- Leontovich, O. (2015), Word and image in search of each other: Intersemiotic translation of narratives from an intercultural perspective. *Procedia – Social and Behavioral Sciences*, Vol. 200, pp. 289-295. DOI: 10.1016/j.sbspro.2015.08.067.
- Naremore, J. (2000), *Film Adaptation*, New Brunswick, NJ, Rutgers University Press, x + 258 p.
- Novikova, E.G. (2019), Fyodor Dostoevsky in Japanese Comics. *Text. Book. Publishing*, No. 19, pp. 75-94. DOI: 10.17223/23062061/19/6. (in Russian).
- O'Halloran, K.L., Tan, S., Wignell, P. (2016), Intersemiotic Translation as Resemiotization: A Multimodal Perspective. *Signata*, Vol. 7, pp. 199-229. DOI: 10.4000/signata.1223.
- Sternin, I.A. (2008). *Teoreticheskie i prikladnye problemy yazykoznaniya* [Theoretical and applied problems of linguistics], Selected works, Voronezh, Istoki publ., 595 p. (in Russian).
- Torop, P. (2003), Intersemiosis and intersemiotic translation. Petrilli S. (ed.) *Translation translation*, Amsterdam, Rodopi publ., pp. 271-282.
- Usmanova, A.R. (2000), *Umberto Eko: paradoksy interpretatsii* [Umberto Eco: Paradoxes of interpretation], Minsk, Propilei publ., 43 p. (in Russian).

**“TO MAKE THE TRUTH MORE TRUTHLIKE”:
THE PROBLEM OF INTERSEMIOTIC TRANSLATION
OF DOSTOEVSKY’S WORKS**

O.A. Leontovich

Volgograd State Socio-Pedagogical University (Volgograd, Russia)

Abstract: The paper investigates the peculiarities of meaning-making in multimodal texts as products of intersemiotic translation of Dostoevsky’s works. The research aims to analyse key ideas and semiotic means used by the interpreters, reveal the cultural specifics of interpretations and ways to deliver the key ideas to the target audience. The material of the study includes 30 foreign and 4 Russian screened adaptations, as well as comics, animations, operas and ballets based on Dostoevsky’s works. The starting point of the discussion is U. Eco’s idea about translation as a representation of illusions striving to replace the signs of the original text. The paper discusses different forms of intersemiotic translation; reveals the role of such factors as the choice of the language of the adaptation and the film title in the cinematographic interpretation of the original; as well as the plot modification. The study shows that the leading strategy is domestication that involves three main parameters: time, place and characters’ ethnicity. The specifics of intersemiotic translation manifests itself in the asymmetry between the verbal and multimodal texts; peculiar intertextual connections between works belonging to different semiotic systems, historical periods, genres and cultures; the ability of the products of intersemiotic translation to express both significant universal ideas and trivial meanings.

Key words: intersemiotic translation, Dostoevsky, screen adaptations, semiotic sign, interpretation.

For citation:

Leontovich, O.A. (2022), “To make the truth more truthlike”: the problem of intersemiotic translation of Dostoevsky’s works. *Communication Studies (Russia)*, Vol. 9, no. 3, pp. 485-499. DOI: 10.24147/2413-6182.2022.9(3).485-499. (in Russian).

About the author:

Leontovich, Olga Arkadievna, Prof., Professor of the Department of Intercultural Communication and Translation

Corresponding author:

Postal address: 27, Lenina pr., Volgograd, 400005, Russia

E-mail: olgaleo@list.ru

Received: June 30, 2022

Revised: July 7, 2022

Accepted: July 11, 2022

О ЗНАЧЕНИЯХ В СЛОВАХ И БУКВАХ, ИЛИ «ЯЗЫКОВОЙ ДЕТЕРМИНИЗМ» VS «ДЕТЕРМИНИЗМ ОНТОЛОГИЧЕСКИЙ»

А.Б. Соломоник

Независимый исследователь (Иерусалим, Израиль)

Аннотация: Обычно слово в языке имеет основное значение, репрезентируемое им в речи, в толковых словарях и в СМИ. Но как знак слово не является чем-то однородным по всему полю своих значений; оно, кроме основного, включает еще и дополнительные смыслы, которые либо умещаются в словарной статье на периферии, либо отпочковываются в отдельную лексему. То, как это делается и по каким направлениям расходятся дополнительные к основным значениям в русских словах, составляет содержание статьи. В статье делается акцент на три вида значений слов: онтологические, синтаксические и морфологические, – имея в виду, что слова – знаки, которые могут объяснить всё что угодно. Автора не так интересуют лингвистические нюансы слов, как эта их способность объяснить всё и вся, поэтому авторский подход минует лингвистические тонкости и пользуется упрощенным прагматическим критерием классификации значений. Этот критерий оказывается достаточным для серьезных выводов в практике изучения иностранных языков.

Ключевые слова: онтологическое значение слова, грамматическое значение слова, синтаксическое значение слова, морфологическое значение слова, последовательность различных значений при расшифровке текстов.

Для цитирования:

Соломоник А.Б. О значениях в словах и буквах, или «Языковой детерминизм» vs «детерминизм онтологический» // Коммуникативные исследования. 2022. Т. 9. № 3. С. 500–516. DOI: 10.24147/2413-6182.2022.9(3).500-516.

Сведения об авторе:

Соломоник Абрам Бенцианович, доктор педагогических наук, профессор

Контактная информация:

Почтовый адрес: 9458109, Израиль, Иерусалим, Гилель-стрит, 9

E-mail: Semiosol@Netvision.net.il

Дата поступления статьи: 01.06.2022

Дата рецензирования: 15.06.2022

Дата принятия в печать: 11.07.2022

Посвящается светлой памяти И.А. Стернина

Настоящая работа возникла в ходе размышлений о трудах двух видных российских лингвистов – Льва Владимировича Щербы (1880–1944) и недавно скончавшегося Иосифа Абрамовича Стернина (1948–2022). Первый из них подсказал мне мысль о том, что значение слов имеет сложное строение, т. е. то, что это единое **целое, состоящее из многих слагаемых**. В число этих слагаемых входит и его синтаксическая роль в любом конкретном предложении. Именно синтаксис предложения дает ключ к расшифровке смысла незнакомых слов в читаемом тексте [Щерба 1957]. И.А. Стернин в своих работах подробнейшим образом рассмотрел семантические (по моей терминологии – онтологические) значения [Стернин 2008].

Название этого эссе кажется несколько необычным и туманным, но думаю, что я его объясню в ходе изложения, и всё встанет на свои места. Фактически, данная работа посвящена анализу понятия «значение», которое я подвергаю серьезному пересмотру, предлагая для него ряд новых трактовок и практических приложений. Начну с причин, побудивших меня на этот несколько рискованный и далеко идущий шаг.

Начав с прикладной лингвистики – методики преподавания языков, я постепенно перешел на занятия семиотикой, а затем и философией познания. В этой последней для себя ипостаси я сформулировал свое собственное понимание познания как совместной деятельности трех сторон бытия – онтологии, семиотики и человеческого мышления. Существует **онтологическая реальность**: всё, что нас окружает, и мы сами как сформировавшиеся и мыслящие субъекты, наделенные специфическими природными свойствами. Это – данность, получаемая нами в наследство, и для того, чтобы комфортно обитать в этом лучшем из миров, нам следует ее принять и к ней приспособиться. Отсюда появляется наша познавательная активность.

В ходе познания мы выводим так называемые законы природы и общества, а также и знание о нас самих, выстраивая парадигму окружающего нас мира и понимание в нем своего места. Мы делаем это с помощью семиотики – науки о знаках и знаковых системах. Поскольку вложить в мозг объекты нашего рассмотрения невозможно, мы прибегаем к помощи различных знаков, подменяющих таковые. Используя такой способ, можно мысленно представить изучаемое нами в виде образов и манипулировать ими так, чтобы понять внутренние связи и законы, управляющие предметами изучения. В результате мы научаемся использовать окружающие нас предметы и события себе на пользу. Заслуживает внимания замечание Гюнтера Кресса: «However, the unity of semiotics is not to be found at the level of the semiotic modes, but at the level of the principles of human semiosis»¹ [Kress 2001: 80].

¹ Единство семиотики следует искать не на уровне семиотических способов означивания, но на уровне принципов человеческого семиозиса. – *Пер. авт.*

В ходе развития цивилизации создается знание, выражаемое, опять-таки, знаками, что ведет к появлению наук, культуры и искусства. Носители знаков – книги, карты, фильмы, музыкальные записи и пр. – помогают передавать уже полученное знание новым поколениям. Таким образом создается новая сфера бытия – **семиотическая реальность**, которая становится в ряд с онтологической реальностью, а иногда и превышает ее значение для дальнейшего развития человечества. Приобщение молодых людей к знаниям происходит в основном через обучение, где над непосредственным обращением к онтологии превалирует именно семиотическая реальность. Даже в научных изысканиях мы сегодня начинаем с ознакомления со знаковыми источниками о том, что уже известно об изучаемых нами объектах. Затем мы приступаем к непосредственному их изучению в онтологии, формулируя свои выводы снова с помощью знаков: на лекциях (слова и иные знаковые демонстрации), в книгах и иных публикациях, в картинах, картах, схемах, математических записях и пр.

Обе указанные сферы бытия развиваются по своим законам, которые хотя и тесно связаны между собой, но всё же иногда совпадают не полностью. Например, календари не могут полностью совпасть с фактическим течением времени в рамках одного года, так как Земля делает полный оборот вокруг Солнца по своим законам, а календари имеют в качестве базисного знака «сутки». Но полный оборот Земли не может быть выражен в целых сутках, и нам приходится вносить в календари поправки, нивелирующие это несоответствие. Или мы легко передвигаемся на автомобилях, прокладывая маршрут с помощью либо карт, либо навигаторов, на которых появляется несуществующая реально в онтологии линия. Мы слепо доверяем этой линии, которая обычно приводит нас к цели, но иногда, при наличии непредвиденных обстоятельств онтологического свойства (разрушение дорог, ремонты и пр.), сбиваемся с пути, что создает нестыковки в сочетании двух сфер реальности, которые нам приходится преодолевать.

Тогда вступает в силу третий слой реальности – реальность нашего мышления, **виртуальная реальность**. Виртуальная реальность помогает устранять несоответствия между достижениями семиотической реальности и проявлениями онтологии, а также при получении нового знания, когда еще не известно, в чем выразятся совпадения семиотической составляющей и онтологии в неразведанных областях знания. В этом последнем случае мы создаем в мозгу виртуальную модель будущего совмещения онтологии со знаковыми ее отражениями и проверяем нашу модель на практике. Если мы получаем хотя бы самое предварительное совпадение этих двух сфер реальности, мы внедряем его в виде практической аппликации. Так, сегодня мир столкнулся с пандемией COVID-19, и эпидемиологи всего мира приступили к созданию предохраняющей от болезни вакцины. Пока были созданы разные образцы вакцины, более или менее эф-

фективные. Природа, в свою очередь, постоянно подкидывает нам всё новые и новые штаммы вируса, и мы вынуждены к ним приспосабливаться. Так будет происходить до того момента, пока мы не победим врага окончательно.

В данном процессе присутствуют все три сферы бытия: онтология – фактические проявления болезни; знаковая реальность в виде описания болезни и методов ее предотвращения и лечения; виртуальная реальность – в виде планов прекращения пандемии навсегда. Эти три вида реальности взаимодействуют между собой в познании происходящих событий и в выдаче рекомендаций для их последующего практического применения. Такое описание процесса познания кажется мне вполне соответствующим действительности, и я многократно обращался к нему в своих книгах и статьях. Оно значительно отличается от существующих в философии познания теорий, которые все основаны на взаимодействии только двух сторон познания – материи и идей. Материализм и идеализм – вот всё, что занимало и занимает философов на протяжении нескольких тысячелетий, и больше, якобы, за пределами этих двух направлений ничего не существует.

На самом деле возникает третий слой реальности – семиотический, и без него два остальных слоя просто не работают. Я многократно в своих работах показывал, как применяется предложенная трехчленная схема при возникновении нового знания и в его практической реализации [Соломоник 2002, 2010, 2011, 2012]. Целью настоящей работы является попытка применить эту схему к самой семиотической реальности на примере ее (схемы) использования при расшифровке языковых текстов, как устных, так и письменных. Для этого мне придется говорить о **значении в двух главных языковых категориях – в словах и буквах**.

Значения в словах

Слова являются базисными знаками в нашей устной и письменной речи. Поскольку основной целью существования языков является коммуникация между людьми, то совершенно понятно, что слова должны что-то обозначать, т. е. выразить сущность того, о чем мы говорим или пишем. Это мое утверждение банально, хоть и правильно: никто и никогда данной истины не оспаривал. Почему же лингвисты и представители других областей знания так много об этом говорят? Почему существует так много разных определений и толкований понятия «значение» (посмотрите, допустим, его анализ в «Википедии»)? Проблема, по-моему, заключается в том, что мы должны говорить не об одном значении слов, а об **объединенных в них трех видах значений**, которые в каждом слове осознаются в неразрывной целостности и единстве.

В огромном большинстве слов главными являются их **онтологические значения**. Онтологические значения должны нам говорить о чем-

то, выходящем за рамки самого текста, понимаемого как некий материально или духовно существующий конструкт. Если мы говорим о воспитании, то большинство онтологических и отражающих их семиотических значений будут касаться данной конкретной темы в окружающей нас жизненной обстановке либо в знаковых источниках по затронутой проблематике. Это касается любой темы. Если мы не понимаем того или иного слова, мы обращаемся к его толкованию в словарях либо в Интернете. Толковые словари языка призваны разъяснять то, что знак выражает из онтологии или из семиотики, а задача читателя либо слушателя – понимание сказанного.

Однако понимание онтологических значений в **словах** – лишь полдела. **В любом слове сосредоточены еще и его значения чисто языкового уровня:** к какой части речи оно принадлежит, какими связками с другими словами подкрепляется и пр. Эти значения я называю **структурными** (их можно обозначить также как **грамматические**). Они подразделяются на **синтаксические** и **морфологические значения**. По моему разумению, тот или иной устный либо письменный языковой текст может быть понят только после того, как мы осознаем все три вида значений в использованных для создания текста словах, их связи и взаимодействия. Об этом и пойдет речь ниже.

Построение трех видов значений слов и их взаимодействие в языковых текстах

Под тремя видами значений слов в языковых текстах я понимаю упомянутые выше онтологические, синтаксические и морфологические значения. Они строятся последовательно и в определенном порядке. Поначалу мы отбираем слова с определенным онтологическим смыслом, которые, по нашему мнению, полностью соответствуют их содержанию в описываемом феномене, и выстраиваем их по параметру соответствия с тем, что мы видим в действительности. Но этим дело не ограничивается – в таком описании следует принимать в расчет также синтаксическую и морфологическую оснастку (именно в этом порядке – сначала синтаксическую, а потом морфологическую) выбранных нами слов, учитывая принятые ими в грамматике того или иного языка свойства. Совмещение трех видов значений слов и их подгонка друг к другу – дело сложное и требует длительной и серьезной подготовки.

Последовательность указанных действий имеет в этом случае решающее значение. Сначала закладывается онтологическая база описываемого предмета или события, затем обдумывается синтаксическое место для всех выбранных нами слов и только после этого, как бы автоматически, окончательно оформляется морфологическое завершение всей конструкции. Такой порядок кажется мне свойственным множеству не только языковых построений, но и многих других. Представим себе строи-

тельство корабля. Сначала мы сооружаем его остов, на котором всё должно находиться и держаться, затем на его основе воздвигаем все необходимые для корабля части, а в дальнейшем снабжаем каждую из них характерными для нее деталями. Равным образом при создании языковых текстов мы сначала конструируем «днище», которое будет в дальнейшем включать все необходимые компоненты текста на своих синтаксических местах, а затем окончательно оформляем эти компоненты в соответствии с имеющимися в языке морфологическими подробностями.

Что всё это конкретно значит? Это значит, что в нашем построении языковых текстов мы идем от сложных и самых важных с точки зрения природы текста значений ко всё более простым по их удельному весу значениям. Подобно тому, как при постройке корабля мы движемся от строительства днища к составляющим его элементам (трюм, каюты, капитанский мостик и множество иных), а потом их обустроиваем, в языковых конструкциях мы, отобрав материал, тесно привязанный к избранной онтологической теме, переходим к синтаксическому, а потом и к морфологическому оформлению этого материала. И там, и там мы движемся от более сложных конструкций к их составляющим. Я хочу подчеркнуть, что при этом **мы переходим от значений, привязанных к онтологии, к значениям, всё более и более от онтологии отдаляющимся и постепенно принимающим чисто языковое содержание.**

Отход от непосредственных связей с онтологией первоначально приводит нас к синтаксическим, а потом и к морфологическим знакам. Мы начинаем переход к грамматическим значениям с того, что выбираем слова, относящиеся к различным частям речи. Это – очень крупные блоки грамматического плана, самые крупные из них. Они же из всех грамматических категорий всё еще наиболее привязаны к онтологии. Что такое существительные с точки зрения онтологии? Они призваны обозначать предметы и события (я называю их комплексно «вещами» или «событиями»), которые встречаются в материальной реальности. Еще одна главная часть речи – глаголы, выражающие действия. Одно из первых упоминаний о частях речи в научных трудах мы встречаем у Аристотеля. Он выделяет существительные и глаголы, все остальные слова Аристотель трактует как им подчиненные [Аристотель 1978].

Действительно, прилагательные используются для конкретизации существительных, наречия – для характеристики действий (глаголов). Но в реестре частей речи появляются и такие, которые отходят от этого строгого порядка ранжирования. Допустим, числительные имеют дело с определением количественных отношений, которые, разумеется, касаются онтологии, но обрабатываются уже не с помощью слов, а математическими методами. Местоимения имеют функцию определять действующих лиц и распространяются также на другие указанные нами предметы, участвующие в действиях (само их наименование говорит об этом). Предло-

ги имеют дело с онтологическими отношениями, но в не меньшей степени используются для связи различных частей речи. Союзы же имеют преимущественно синтаксический смысл.

Таким образом, любое используемое нами слово приобретает не только онтологическое значение, но, отнесенное к конкретной части речи, получает собственные синтаксические характеристики. Они становятся еще и **членами предложений**. Мы изучаем их не только как знаки, представляющие что-то из онтологии или из семиотики, но также как поданных какой-то части речи, которая наделяет их определенными признаками составных частей цельного комплекса – **предложения**. В нем они определяются по выделенным для них местам, приобретая конкретные функции, – подлежащего, сказуемого и пр. Сначала синтаксические: существительное в предложении выступает преимущественно в роли подлежащего либо дополнения; глагол – в роли сказуемого; прилагательное – в роли определения существительных; наречие – в роли второстепенного члена предложения, определяющего глаголы, выражая образ действия и его детали (время, место и пр.). Иначе говоря, в этом случае мы находимся пока целиком в области синтаксических значений, которые одновременно служат мостиком для последующего получения словом дополнительных морфологических характеристик.

Самое интересное в этом процессе то, что части речи в разных языках распоряжаются своим правом придавать словам структурные свойства каждый раз по-своему. Если существительное появляется в русском предложении, то оно по правилам данного языка автоматически получает прерогативу иметь три рода – мужской, женский и средний, два числа (единственное и множественное) и по шесть падежей в каждом числе. В русском языке глагол выступает в одном из трех времен, а также в единственном и множественном числе, и в каждом из них он изменяется еще и по лицам. Глагол также имеет особые формы наклонений, инфинитива и пр. и при этом обязан согласовывать все свои особенности с соответствующей формой подлежащего.

По сравнению с русским языком в английском существительные распределяются по родам (их три), по числам (их два) и имеют лишь два падежа – именительный и еще почти незаметный *possessive case* (притяжательный падеж). Глагол в английском имеет девять разновидностей времени – по три для настоящего, прошедшего и будущего. Зато английский глагол не изменяется по числам и лицам, приобретая окончание лишь в третьем лице настоящего времени. Все остальные трансформации английских глаголов ограничиваются окончанием *-ed* в прошедшем времени (*Past Preterite*), а остальные формы времени образуются с помощью вспомогательных глаголов. Когда-то английский глагол имел разветвленную систему спряжений, и каждый из них образовывал времена по-своему. Сейчас этот рудимент приходится изучать отдельно и единствен-

ной формой образования прошедшего времени стал упомянутый суффикс. Английский алфавит ужасно нерегулярен, но части речи в английском вздохнули свободно. Англичане расстались со сложностями грамматики глаголов без сожалений, значительно упростив, таким образом, овладение своим языком.

В иврите существительное имеет три числа, а не два – кроме единственного и множественного числа существуют еще и специальные формы двойственного числа. Они широко распространены и требуют специального изучения. Двойственное число существовало в старославянском языке, но затем от него отказались, и в современном русском языке его нет. Зато в иврите нет падежей для склонения существительных, а падежные функции выражаются с помощью предлогов и местоименных суффиксов. Мы видим, что разные языки распоряжаются частями речи по своему усмотрению, зависящему от различных исторических сдвигов и той языковой материи, которая была заложена в языке в самом начале его зарождения. Но в то время не было никакой лингвистической теории, и языки развивались случайно и хаотично. Зато более поздние языки обильно пользовались языковым опытом уже существовавших и более зрелых языков, появившихся ранее. Так, языки в странах средневековой Европы широко использовали грамматические наработки латыни. Обратитесь к одной из первых русских грамматик, составленной М.В. Ломоносовым, и вы найдете там постоянные ссылки на греческие и латинские грамматики, составленные за сотни лет до Ломоносова.

Такова тройственная сумма значений в слове (онтологические → синтаксические → морфологические значения), которую я использую для понимания слов в сегодняшних языках. Эту же схему я буду применять и для анализа значений в буквах.

Значения в буквах и их взаимодействия

Вышеприведенная схема сочетаний разных значений годится не только для анализа устной речи, но и для анализа состава письменных текстов, только в этом случае она получает иное наполнение. На письме основным базисным знаком является **буква**. По моей классификации буквы относятся к знакам **систем записи**, что кардинально влияет на их семиотический статус по сравнению со статусом слов, – базисных знаков **устной речи**. Как в картографии используются значки, существенно отличающие карты и прочие картографические изделия от их соответствий в словесных географических описаниях, как в нотах пользуются значками, ничем не похожими на изображаемые звуки, так и в письменных записях применяются буквы, которые абсолютно не схожи с изображаемыми в словах референтами. Они лишь призваны отобразить звуки, составляющие слова устной речи. Буквы значительно более абстрактны, чем слова, которые по смыслу могут иногда соответствовать своим референтам (напр.,

ономатопеи), в то время как буквы составляют совершенно иную материю, чем изображаемые ими звуки.

Это подтверждается и историей письма, которая начинается много позже возникновения соответствующей устной речи, иногда на несколько тысяч лет. Даже в начале XX столетия на земле имелись народы, у которых не было письменности, хотя у каждого из них имелся устный язык. Такими, например, были народы севера СССР, для которых еще в первой половине XX столетия в Педагогическом институте имени Герцена в Ленинграде специально придумывались алфавиты и отрабатывалось письмо. Буквенные системы (алфавиты) долго оказывались недоступными для некоторых народов по степени своей абстракции в течение очень большого срока.

Интересная картина открывается нам из истории письма. Первоначально для передачи онтологических значений люди пользовались материальными предметами, например оливковую ветвь показывали как призыв к миру, и наоборот, племя лутце, жившее на границе Тибета и Китая, посылало своим врагам три кусочка куриного жира и дикий перец как знак объявления войны. Затем появилось пиктографическое (рисуночное) письмо, оно было очень ограниченным в своих возможностях, так как отвлеченные понятия невозможно было точно выразить в рисунках. Прочитайте, например, сказку Киплинга «Как было написано первое письмо» из его книги «Сказки просто так» (*Just so Stories*) и вы поймете, в чем тут дело.

Затем появились системы иероглифического письма и клинописи, в которых иероглифы и клинописные значки пытались преодолеть недостатки рисуночного письма. В египетской иероглифике, например, понятие «выйти из дома» изображалось квадратиком (что означало дом), к которому снизу пририсовывали ноги, а вся ближневосточная клинопись вышла из экономической потребности изобразить продукты, имевшиеся в том или ином хозяйстве. Поэтому один клинописный значок определенной формы (токен) означал одну овцу, а два подобных значка – две овцы. Другие продукты изображались иными токенами [Березкин 2000]. Иначе говоря, знаки изображали цельные понятия так же, как слова в устной речи.

Семиотическая революция, которая обратилась к буквам, обозначавшим звуки определенного языка, коренным образом изменила системы языковых записей. Оказалось возможным выделить в языке характерные для него звуки (их обычно не более нескольких десятков), и каждый такой звук наделялся специально придуманной для него буквой. Все буквы собирались в алфавите, который при этом превращался в важнейшее национальное достояние, обеспечивавшее межличностную коммуникацию людей в данном сообществе и их духовный рост. Казалось бы, просто, да только «было гладко на бумаге, но забыли про овраги». Ни один

из существующих алфавитов не может претендовать на идеальное воплощение, казалось бы, столь простой идеи. Английский алфавит, представляющий господствующий в мире язык, оказывается источником массы недоразумений; русский алфавит – один из самых фонетически адекватных в мире – тоже не лишен своих недостатков. В чем же дело?

Во-первых, задача оказывается не столь уж простой. Уже на стадии выделения звуков языка, которые представляют собой онтологически существующие значения, мы сталкиваемся с тем, что они не всегда однородны, а включают в себя обертоны, трудно поддающиеся определению. Скажем, звук [л] в иврите не такой жесткий, как в английском, и не такой мягкий, как в русском. И это отчетливо слышится при произношении ивритских слов англо- и русскоговорящими учащимися соответственно. Своеобразное произношение многих звуков из иврита взрослыми учащимися, прибывшими в Израиль после того, как они освоили языки стран своего исхода, отчетливо различается на слух. Существование диалектного произношения – также неоспоримый факт. Еще 40–50 лет назад по радио и в жизни в СССР можно было слышать волжский говор с преобладанием звука [o] (например, в записях речей Максима Горького). До сих пор русские произносят редуцированное [a] вместо [o], хотя пишут букву “o”, например в слове «корова».

Указанные трудности возникали потому, что в сфере использования одного и того же алфавита попадали жители ранее разобщенных ветвей одного этноса, которые лишь после объединения начинают пользоваться единым языком вместо его разных диалектов. Язык служит одним из самых эффективных инструментов для сплочения всех членов этноса в единый народ, но прежние диалектальные различия еще долго довлеют над произношением одних и тех же слов и букв языка. Постепенно, особенно под влиянием единогоговорящих СМИ и школьного обучения, эти различия нивелируются, но их окончательное устранение требует значительного времени.

Это что касается влияния онтологии на произношение фонетических единиц языка. Проникая вглубь обсуждаемого нами явления, мы сталкиваемся уже с чисто семиотическими влияниями системы, в которую эти единицы попадают, – в нашем случае во взаимоотношения букв и иных компонентов того или иного алфавита. Отдельные буквы обычно не составляют слов, для этого требуется совмещение нескольких букв, а это не всегда происходит гладко. В результате приходится подменять один звук другим, что влечет за собой чередование букв. В русском языке в ряде случаев меняется звуковой облик производного слова при изменении формы исходной лексической единицы, может произойти замена одних гласных или согласных на другие [Агошкова, Мотовилова 1979]. Например, чередование гласных: отпор – отпереть – отпирать; чередование согласных: горчица – горчичник; рыбац – рыбацкий; крупица – крупитчатый.

Наиболее значимы, однако, морфологические изменения, происходящие при объединении всех слов в одно предложение. Происходит обычная подгонка одного компонента семиотической реальности к сочетающемуся с ним другому, и в этом случае онтологические влияния не играют никакой роли. Речь идет об объединении двух и более знаковых единиц в единый комплекс. Фактически вся морфология только этим и занимается. Возьмем в качестве примера русские числительные. Вне их связи с другими словами они выражаются последовательным рядом: *один, два, три, четыре* и т. д. Но как только мы объединяем их с существительными, нам приходится изменять их форму в соответствии с грамматическим родом определяемых объектов: *один стул, одна туфля, одно окно*.

Такого рода изменения связаны с чисто формальными установлениями любого языка, т. е. с традициями данной семиотической системы. Эти установления как будто определяются онтологическими причинами, на самом деле *они – плод человеческих размышлений, и их природа произвольна*. В иврите у существительных нет среднего рода, соответственно, и числительные имеют всего две формы – для мужского и женского родов. Говорить, что числительные «три» или «четыре» имеют формы женского и мужского родов, можно лишь в переносном смысле; по-настоящему род имеет онтологический смысл лишь для одушевленных предметов. Но в языковых системах они этот смысл приобретают, разумеется, лишь в виде чисто произвольных семиотических значений. Англичане вообще убрали этот смысл для своих числительных (у них числительные имеют всего одну форму), за что, по-моему, мы должны быть им только признательны.

Если мы проследим последовательную череду значений слов в языке, то мы опять придем к обозначенной выше трехчленной схеме: А) Вот слово, как оно определяется в толковом словаре. Б) Вот как оно появляется в речи, сначала в синтаксисе: «Данное слово в предложении может быть использовано лишь в функции подлежащего либо дополнения»; «Прилагательное обычно используется как определение»; «Наречие определяет глаголы» и пр. В) И, наконец, в его реальном и окончательном морфологическом облачении. В каждом случае оно приобретает свои конкретные знаковые черты, как бы соответствующие его же онтологическим значениям, а на самом деле распорядителями такого рода установлений являются наше разумение и сформулированная нами же логика. Затем, после принятия формулировок и их утверждения в официальном порядке, они становятся обязательными к исполнению для всех членов данного этноса, а их нарушение осуждается и иногда даже карается законом.

Языковой детерминизм

По указанным выше причинам появляется языковой детерминизм, обязательный для всех, кто пользуется конкретным языком. Чтобы быть понятыми, говорящие или пишущие на данном языке вынуждены поль-

зоваться теми правилами его использования, которые для него учреждены. Под понятием **языковой детерминизм** я имею в виду, что при расшифровке или создании языковых текстов приходится пользоваться всеми синтаксическими и морфологическими правилами языка, которые не зависят от онтологического содержания слов, но были введены исключительно по воле тех, кто их принимал и утверждал. Языковой детерминизм появляется уже на стадии перехода от чисто онтологических влияний при расшифровке воспринимаемого текста к осознанию синтаксических его координат и сопутствующих им морфологических правил.

В данной схеме последовательность анализа (онтология → синтаксис → морфология) играет решающую роль, ибо на уровне синтаксической расшифровки текста онтологические направляющие еще проявляются и сохраняют свое влияние, в то время как на морфологическом уровне онтологические смыслы окончательно исчезают и уступают место чисто языковым установлениям, принятым обычно произвольно и внесенным в грамматику того или иного языка. Попробую обосновать свое утверждение.

Существительные в языке обозначают субъектов действий или тот объект, на который действие направлено. Это – онтологически абсолютно обусловленное утверждение, и мы его легко воспринимаем на основе своего практического опыта. Субъект действия обычно играет в предложении роль подлежащего, а его объект становится прямым или косвенным дополнением. В предложении: *Петр вчера быстро сделал свои уроки* – легко просматривается чисто онтологическая схема (субъект действия → само действие → его объект). Когда мы переходим от реальных значений слов к их синтаксическим ролям, мы вводим их в сферу чисто языковых значений и, соответственно, начинаем к ним относиться как к единицам той системы, которая отныне начинает ими управлять. Теперь это уже не «Петр» и «уроки», а «подлежащее» и «прямое дополнение». И то, и другое немедленно аранжируется многочисленными правилами о том, где они должны стоять, какими определениями могут сопровождаться и как они морфологически оформляются при взаимодействии.

Действия Петра в нашем примере выражаются глаголом в активном залоге, а вообще глагол может быть использован только в активном, пассивном или возвратном залогах. У нас в мозгу немедленно возникает схема, соответствующая конкретному использованию глагола в данном предложении: его активный, пассивный либо возвратный залог. Нам становится понятной расстановка сил в конкретной ситуации, и мы легко расшифровываем текст, пользуясь при этом имеющимися в нашем распоряжении онтологическими и морфологическими подсказками.

Для того чтобы разъяснить мою мысль, сошлюсь на взгляды выдающегося лингвиста Петербургской школы XX в. Л.В. Щербы, который на занятиях со студентами давал им анализировать предложение из бессмыс-

ленных, но грамматически правильно оформленных и поставленных в связь слов, сохраняя при этом всё, что существенно для предложения. Вот предложение, представленное Л.В. Щербой студентам для синтаксического разбора: *Глокая куздра штеко кудланула бокра и курдячит бокрѣнка*¹. Студенты наполняли бессмысленные с точки зрения онтологии слова реальным содержанием, и каждое их предложение оказывалось понятным.

Попробуем и мы это сделать. «Куздра» явно выступает в этом предложении как подлежащее, т. е. это существительное с окончанием на «а», значит, оно женского рода, а «глокая» – прилагательное, служащее определением для «куздра». Слово «кудланула» в данной конструкции служит сказуемым, выраженным глаголом в прошедшем времени; слово «курдячит» – второе сказуемое, но в настоящем времени; «штеко» – наречие для обозначения обстоятельства образа действия, а «бокра» и «бокрѣнка» – существительные в роли прямого дополнения и стоят они в винительном падеже. Вот одно из возможных решений примера Щербы: *Глупая корова сильно боднула быка и облизывает теленка* – не менее убедительное, чем любое другое. Прделанная нами операция похожа на математическое уравнение с множеством неизвестных. Там уравнения решаются с помощью математических методов, а наши «уравнения» решаются обращением к онтологическим связям и морфологическим правилам.

Из приведенного примера становится ясным, что синтаксические конструкции являются центральным звеном при решении подобных лингвистических задач, а средства для их решения берутся из релевантной для конкретных случаев онтологии и включают подходящие для данного случая морфологические ориентиры. В этой ситуации синтаксис напоминает мне дамбу или плотину, укрощающую необозримое море онтологических связей с помощью сооруженных людьми морфологических приспособлений. Сама морфология должна быть адекватной для заполнения соответствующих синтаксических конструкций, и поскольку последние могут быть представлены в виде тысяч, если не миллионов разных вариантов, то и морфология на практике постоянно совершенствуется как в виде теоретических рекомендаций, так и в их индивидуальном исполнении.

Следует особо подчеркнуть, что каждый из нас постоянно совершенствует свои умения по заполнению различных синтаксических разъемов и каждый достигает своего уровня, который должен его приблизить к недостижимому идеалу полного овладения такого рода умениями. Развитие наших умений в этом направлении является основной задачей в обучении родному или дополнительному языку. Для этого требуется, чтобы в учебном плане были предусмотрены не только спорадические упражне-

¹ Пример был предложен академиком Л.В. Щербой в 1930-е гг. и использовался на вводных лекциях к курсу «Основы языкознания». Широкою известность эта фраза приобрела после публикации научно-популярной книги Льва Успенского «Слово о словах» [Успенский 1960].

ния на ту или иную грамматическую тему, но систематическая работа по развитию навыков взаимодействия всех трех сфер познания – онтологии, синтаксиса и морфологии во вновь изучаемом языке. Это можно делать так, как предложил Лев Щерба, но можно придумать и множество других целенаправленных упражнений аналогичного содержания.

Одно из практических приложений моей схемы распределения значений в слове проявляется при изучении иностранных языков, где мы не можем ограничиться только онтологическими значениями слов, но должны постоянно прибегать к их грамматическим смыслам. Из собственной практики обучения языкам молодых людей и взрослых могу сказать, что я постоянно обращался к грамматике и грамматической терминологии при чтении различных текстов. Когда учащийся затруднялся понять предложение, зная значения использованных в нем слов, я говорил по поводу того или иного слова: «существительное, глагол в прошедшем времени» и пр.; тогда учащийся сразу же схватывал нужный смысл и правильно переводил фразу. Более того, я постоянно просил их воспроизвести полную грамматическую парадигму рассматриваемого слова, скажем, искомое существительное во всех падежах либо просклонять глагол во всех лицах, и этот прием постепенно приучал обучаемых к применению при чтении нескольких дополняющих друг друга подходов к расшифровке текста. Приведу мнение, в определенной мере созвучное высказанным соображениям: «Words used in communication... are more than mere tools since they have purposes of their own, which is not their speakers' purpose. What a word means is not determined by its user»¹ [Nöth 2011: 172].

Особое место в продвижении по данному параметру принадлежит писателям и поэтам, и этому аспекту рассматриваемой проблемы мне хочется посвятить хотя бы несколько слов. Самым высоким уровнем овладения навыками совмещения в словах деталей онтологии и правил грамматики является художественное творчество на используемом языке. Такой вид творчества принадлежит лишь одаренным натурам, которые сознательно создают примеры, так сказать, «неправильного» использования языка в различных жанрах. Они не только блистательно работают внутри общепринятых языковых канонов, но для дополнительных эмоциональных эффектов прибегают к нарочитому нарушению грамматических правил. Особенно это характерно для поэтических конструкций, где строгая формальная аранжировка часто не дает возможности развернуть мысль во всей ее красоте и оригинальности. Например, Сергей Есенин был поэтом, который не боялся нарушать морфологические и даже смысловые препоны при выражении своих эмоций. В начале поэмы «Черный человек» мы читаем:

¹ Слова, используемые в общении, это больше, чем просто инструменты, поскольку у них есть свое собственное назначение, не совпадающее с намерением говорящего. Значение слова не определяется тем, кто его использует. – *Пер. авт.*

*Друг мой, друг мой,
Я очень и очень болен.
Сам не знаю, откуда взялась эта боль.
То ли ветер свистит
Над пустым и безлюдным полем,
То ль, как рошу в сентябрь,
Осыпает мозги алкоголь.*

Две последние строки написаны с явным нарушением смысловых и морфологических канонов, но они все же остаются вполне вразумительными и блистательно выражают эмоциональный настрой автора. К этому же стремилась и группа обэриутов (1920–1930-е гг., Ленинград), куда входили Даниил Хармс, Николай Заболоцкий и еще несколько выдающихся писателей и поэтов. Вопреки или, скорее, благодаря их нетрадиционности и в ряде случаев эпатажности, они сумели сказать новое слово в использовании русского языка. Из иностранцев мне в голову приходит англичанин Оскар Уайльд, который настойчиво отстаивал тезис о том, что целью искусства является само искусство, а не просветительские и морально-этические ценности. Не обращаясь к содержательной стороне их устремлений, нельзя не признать, что каждый из упомянутых художников слова создал своим пером выдающиеся произведения искусства.

И еще несколько слов о национальном колорите, который отчетливо просматривается при рассмотрении трехзначного комплекса (онтология → синтаксис → морфология). Речь идет о том, что создание любого национального языка неразрывно связано с его мифологией и национальным содержанием конкретного вклада в мировую культуру. Это не может не влиять на то, каким будет язык данного народа, а следовательно, и на специфику его литературного сознания. Поэтому, хотя онтология предполагает одинаковые для всего человечества связи мысли с внешними впечатлениями, любой национальный язык отражает всё же собственные предпочтения и их специфическое словесное оформление.

Мы можем тотчас сказать, какому народу принадлежит тот или иной эпос: сравните исландские саги с русскими сказками, сравните греческие мифы с «Песнью о Роланде», и вы непременно уловите национальный колорит как в сюжетных перипетиях, так и в языковом исполнении. Такие же сравнения можно легко провести на основе современной литературы. Например, Милорад Павич (Сербия, 1929–2009) и Габриэль Гарсиа Маркес (Колумбия, 1927–2014) – оба создали произведения, вошедшие в сокровищницу мировой литературы, но как они разнятся по стилю и по языковому исполнению! Их творчество строится на вышеуказанной тройственной связке, но части этой связки оказываются разными и тесно связанными к специфической национальной культуре. Может быть, именно поэтому при выборе единого языка для всего мира люди предпочли

специально придуманному для этой цели эсперанто живой английский язык, пронизанный национальным духом.

Список литературы

- Агошкова В.А., Мотовилова О.Г. Практическое пособие по фонетике русского языка для иностранцев. М.: Наука, 1979. 176 с.
- Аристотель. Об истолковании // Аристотель. Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1978. Т. 2. С. 91–116.
- Березкин Ю.В. У истоков месопотамской письменности и государства // Археологические вести. 2000. № 7. С. 334–338.
- Соломоник А.Б. Очерк общей семиотики. М.: URSS, 2012. 192 с.
- Соломоник А.Б. Парадигма семиотики: очерки по общ. семиотике (с прил. слов. семиот. терминов). 2-е изд. М.: URSS, 2011. 336 с.
- Соломоник А.Б. Язык как знаковая система. М.: URSS, 2010. 224 с.
- Соломоник А.Б. Философия знаковых систем и язык. Минск: МЕТ, 2002. 408 с.
- Стернин И.А. Теоретические и прикладные проблемы языкознания: избр. работы. Воронеж: Истоки, 2008. 595 с.
- Успенский Л.В. Слово о словах. М.: Молодая гвардия, 1960. 390 с.
- Щерба Л.В. Избр. работы по рус. яз. / ред. М.И. Матусевич. М.: Учпедгиз, 1957. 186 с.
- Kress G. Sociolinguistics and Social Semiotics // *The Routledge Companion to Semiotics and Linguistics* / Ed. by P. Cobley. London; New York: Routledge, 2001. P. 66–82.
- Nöth W. Semiotic Foundations of Pragmatics // *Foundations of Pragmatics* / Ed. by W. Bublitz, N.R. Norrick. Berlin; Boston: Walter de Gruyter, 2011. P. 167–202.

References

- Agoshkova, V.A., Motovilova, O.G. (1979), *Prakticheskoe posobie po fonetike russkogo yazyka dlya inostrantsev* [Practical manual of the Russian language for foreigners], Moscow, Nauka publ., 176 p. (in Russian).
- Aristotle (1978), On interpretation. Aristotle. *Works*, in 4 volumes, Moscow, Mysl' publ., Vol. 2, pp. 91-116. (in Russian).
- Berezkin, Yu.V. (2000), U istokov mesopotamskoi pis'mennosti i gosudarstva [On the sources of Mesopotamian written language and state]. *Arkheologicheskie vesti*, No. 7, pp. 334-338. (in Russian).
- Kress, G. (2001), Sociolinguistics and Social Semiotics. Cobley, P. (ed.) *The Routledge Companion to Semiotics and Linguistics*, London, New York, Routledge publ., pp. 66-82.
- Nöth, W. (2011), Semiotic Foundations of Pragmatics. Bublitz, W., Norrick, N.R. (eds.) *Foundations of Pragmatics*, Berlin, Boston, Walter de Gruyter publ., pp. 167-202.
- Shcherba, L.V. (1957), *Selected work on the Russian Language*, ed. by M.I. Matusevich, Moscow, Uchpedgiz publ., 186 p. (in Russian).
- Solomonik, A.B. (2012), *Oчерk obshchei semiotiki* [An essay on General Semiotics], Moscow, URSS publ., 192 p. (in Russian).
- Solomonik, A.B. (2011), *Paradigma semiotiki* [A paradigm of Semiotics], Essays on General Semiotics (with a supplement of semiotic terms, 2nd ed., Moscow, URSS publ., 336 p. (in Russian).

- Solomonik, A.B. (2010), *Yazyk kak znakovaya sistema* [Language as a semiotic system], Moscow, URSS publ., 224 p. (in Russian).
- Solomonik, A.B. (2002), *Filosofiya znakovykh sistem i yazyk* [Philosophy of semiotic systems and the language], Minsk, MET publ., 408 p. (in Russian).
- Sternin, I.A. (2008), *Teoreticheskie i prikladnye problemy yazykoznaniiya* [Theoretical and applied problems of linguistics], Selected works, Voronezh, Istoki publ., 595 p. (in Russian).
- Uspenskii, L.V. (1960), *Slovo o slovakh* [The word about words], Moscow, Molodaya gvardiya publ., 390 p. (in Russian).
-

ON THE MEANINGS IN WORDS AND LETTERS (LANGUAGE DETERMINISM VS DETERMINISM ONTOLOGICAL)

A. Solomonick

Independent researcher (Jerusalem, Israel)

Abstract: Usually a word in a language has the main meaning, representing it in speech, in explanatory dictionaries and in the media. But as a sign, the word is not something homogeneous throughout the entire field of its meanings; in addition to the main one, it also includes additional meanings that either fit in the dictionary entry on the periphery, or branch off into a separate lexeme. How this is done, and in what directions additional to the main meanings in Russian words diverge, is the content of the article. I am not so interested in the linguistic nuances of words as in their ability to explain anything and everything; so my approach skips linguistic subtleties and uses a simplified pragmatic criterion for classifying meanings. This criterion turns out to be sufficient for serious conclusions in the practice of learning foreign languages.

Key words: ontological meaning of word, grammatical meaning of word, syntactic meaning of word, morphological meaning of word, the sequence of different meanings when deciphering texts.

For citation:

Solomonick, A. (2022), On the meanings in words and letters (language determinism vs determinism ontological). *Communication Studies (Russia)*, Vol. 9, no. 3, pp. 500-516. DOI: 10.24147/2413-6182.2022.9(3).500-516. (in Russian).

About the author:

Solomonick, Abraham, PhD

Corresponding author:

Postal address: 9, Hillel Str., Jerusalem, 9458109, Israel

E-mail: Semiosol@Netvision.net.il

Received: June 1, 2022

Revised: June 15, 2022

Accepted: July 11, 2022

ИССЛЕДОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В ТРУДАХ И.А. СТЕРНИНА

М.А. Стернина

Воронежский государственный университет (Воронеж, Россия)

Аннотация: Рассматриваются исследования коммуникативного поведения в трудах Иосифа Абрамовича Стернина. Термин «коммуникативное поведение» был введен в лингвистический обиход И.А. Стерниным. Под коммуникативным поведением понимается совокупность норм и традиций общения народа, социальной, возрастной, гендерной, профессиональной и подобных групп, а также отдельной личности. Нормы определяются как обязательные для выполнения и включают в себя речевой этикет (формулы приветствия, прощания, формулы вежливости), а также табу. Под традициями понимается то, что принято говорить в той или иной коммуникативной ситуации. И.А. Стерниным были разработаны принципы и модели описания коммуникативного поведения, а также терминологический аппарат такого описания. Им самим и под его руководством было изучено и описано коммуникативное поведение русских, англичан, американцев, киргизов, немцев, финнов, китайцев, французов, прибалтийских и славянских народов, велись исследования профессионального и возрастного коммуникативного поведения, а также исследования по реконструкции языковой личности деятелей прошлого.

Ключевые слова: И.А. Стернин, коммуникативное поведение, принцип описания коммуникативного поведения, модель описания коммуникативного поведения, профессиональное коммуникативное поведение, возрастное коммуникативное поведение.

Для цитирования:

Стернина М.А. Исследования коммуникативного поведения в трудах И.А. Стернина // Коммуникативные исследования. 2022. Т. 9. № 3. С. 517–528. DOI: 10.24147/2413-6182.2022.9(3).517-528.

Сведения об авторе:

Стернина Марина Абрамовна, профессор, доктор филологических наук, заведующий кафедрой английского языка естественнонаучных факультетов

Контактная информация:

Почтовый адрес: 394006, Россия, Воронеж, Университетская пл., 1

E-mail: sternina@vmail.ru

Дата поступления статьи: 30.06.2022

Дата рецензирования: 07.07.2022

Дата принятия в печать: 11.07.2022

Из многочисленных направлений лингвистики, в которые внес вклад профессор И.А. Стернин, особое место занимает исследование коммуникативного поведения. Сам термин «коммуникативное поведение» был введен в лингвистический обиход Иосифом Абрамовичем в далеком 1989 г. в опубликованной в ГДР работе «О понятии коммуникативного поведения» [Стернин 1989]. Под коммуникативным поведением Иосифом Абрамовичем понимается совокупность норм и традиций общения народа, социальной, возрастной, гендерной, профессиональной и т. д. групп, а также отдельной личности.

Нормы включают в себя речевой этикет, который обязателен для выполнения (формулы приветствия, прощания, формулы вежливости), а также табу (то, что запрещено произносить и говорить). Традиции – это то, что принято говорить в той или иной коммуникативной ситуации. Например, в российской коммуникативной традиции у стариков принято спрашивать «Как здоровье?», у маленьких детей – «Как тебя зовут? Сколько тебе лет? В каком классе ты учишься?» и т. д.

Согласно И.А. Стернину, коммуникативное поведение народа и отдельной личности выступает в реальной коммуникации в двух аспектах – вербальном и невербальном. **Вербальный аспект** связан с речевыми формами выражения мысли, **невербальный** – с неречевыми, но участвующими в коммуникации (жесты, мимика, дистанция, позы и др.).

К **невербальному коммуникативному поведению** примыкает **социальный символизм** – совокупность предметно-бытовых действий людей, получающих в данном обществе, в данной лингвокультурной общности смысловую интерпретацию и тем самым включающихся в общий коммуникативный процесс и влияющих на поведение и общение людей. Социальный символизм включает символику предметов одежды, цветовых оттенков, цифр и чисел, цветов, еды, ритуалов угощения, примет и суеверий и т. д.

Как отмечал Иосиф Абрамович, социальный символизм зачастую не замечается членами социума, хотя довольно строго «соблюдается» – т. е. используется и интерпретируется в межличностных отношениях. Символический смысл того или иного явления может быть совершенно не воспринят в другой культуре, не понят, неправильно интерпретирован, что может привести человека к прямому конфликту в инокультурной среде. Так, убирание немецкой хозяйкой вина, принесенного гостями в качестве подарка, рассматривается русскими как проявление жадности, скупости;

в немецкой же культуре вино в таком случае рассматривается как сувенир. Цветы считаются вежливым, интеллигентным и этикетным подарком у русских, а у китайцев они не имеют такого значения. Четное число цветов в букете символизирует у русских траурное назначение букета, а у многих других народов – нет. Так один и тот же факт «значащего» бытового поведения получает разную коммуникативную интерпретацию в разных культурах.

Как отмечал Иосиф Абрамович, коммуникативное поведение – это такой же аспект владения языком, как и другие традиционно выделяемые аспекты – говорение, чтение, аудирование, письмо и перевод, поэтому овладение коммуникативным поведением народа, чей язык изучается, чрезвычайно важно для эффективного межнационального общения. Незнание или игнорирование особенностей коммуникативного поведения того или иного народа может привести к непониманию и разного рода недоразумениям.

Иосиф Абрамович неоднократно подчеркивал, что коммуникативное поведение народа должно рассматриваться как **активное страноведение**, поскольку знание особенностей коммуникативного поведения народа, в отличие от собственно страноведческих знаний по истории, географии и культуре страны изучаемого языка, которые могут пригодиться человеку всего несколько раз в жизни, нужно активно использовать практически в каждом акте коммуникации.

И.А. Стерниным были разработаны принципы описания коммуникативного поведения народа [Стернин 2000]. Это, прежде всего, **принцип системности**. Как отмечает Иосиф Абрамович, коммуникативное поведение той или иной лингвокультурной общности должно быть описано целостно, комплексно, как система, включающая вербальное, невербальное коммуникативное поведение и социальный символизм. При этом Иосиф Абрамович возражал против высказываемого отдельными учеными мнения о лакунизированном характере вербального и невербального поведения одного народа относительно другого. Как отмечает И.А. Стернин, «в этом случае описание коммуникативного поведения одного народа на фоне другого сводится к выявлению и описанию лакун. Однако исследование показывает, что значительное количество коммуникативных признаков в разных культурах совпадает, а еще большее количество демонстрирует при некотором сходстве определенные национальные различия. Эти факты тоже должны получить описание при системном подходе к коммуникативному поведению, а фиксируемые различия должны быть описаны как проявления национальной специфики коммуникативного поведения того или иного народа. Свести описание коммуникативного поведения к лакунам нельзя и чисто технически – описывать невозможно без описания “положительного” материала» [Стернин 2000: 10].

Еще одним принципом описания коммуникативного поведения Иосиф Абрамович считает **принцип контрастивности**. Он отмечает, что

особенности коммуникативного поведения того или иного народа могут быть эффективно выявлены только в сопоставлении с коммуникативным поведением другого народа или народов. Только «в зеркале» другого народа, сопоставляя, можно понять, насколько, например, русские гостеприимны, насколько много они жестикулируют и т. д. Так, русское гостеприимство хорошо известно в мире, и по сравнению со многими западными культурами русские очень гостеприимны. Но если мы сравним наше гостеприимство с гостеприимством народов Кавказа, то сравнение, возможно, окажется и не в нашу пользу. Точно так же по сравнению с финнами русские жестикулируют много, а по сравнению с итальянцами – мало.

Наилучшие результаты, отмечает Иосиф Абрамович, дает не сопоставительный (автономное описание двух коммуникативных культур с последующим сопоставлением), а именно контрастивный подход (систематическое рассмотрение отдельных фактов родного коммуникативного поведения в сопоставлении со всеми возможными способами выражения данного смысла в сопоставляемой культуре). При этом, как отмечает И.А. Стернин, самые надежные результаты дает сопоставление родной коммуникативной культуры исследователя с изучаемой. Контрастивный принцип позволяет наиболее надежно выявить и описать как общие, так и несовпадающие признаки коммуникативного поведения народов [Стернин 2000: 10–11].

Среди принципов описания коммуникативного поведения народа Иосиф Абрамович выделяет также **использование нежесткого (ранжирующего) метаязыка**. Как отмечает И.А. Стернин, «описание целесообразно осуществлять при помощи ранжирующих единиц метаязыка: *обычно, чаще всего, как правило, сравнительно редко, обычно не встречается, допускается, как правило, не допускается* и т. д. При этом могут называться конкретные коммуникативные культуры, относительно которых характеризуется тот или иной коммуникативный признак (*чаще, чем в английском и немецком коммуникативном поведении, сравнительно редко по сравнению с англичанами* и т. д.)» [Стернин 2000: 12–13].

Еще одним выделенным И.А. Стерниным принципом описания коммуникативного поведения является **разграничение и учет общественной нормы и общественной практики**. По мнению Иосифа Абрамовича, для полноты описания в случае регулярных отклонений от нормы необходимо описывать как норму, так и отклонения от нее, используя для этих целей следующий метаязык: *часто (иногда, участились случаи, когда) мужчины, молодежь и т. д. эту норму нарушают и делают так-то* [Стернин 2000: 13].

И.А. Стерниным были разработаны три модели описания коммуникативного поведения народа: ситуативная, аспектная и параметрическая. Все три модели призваны обеспечить комплексность описания коммуникативного поведения, но различаются своим назначением.

Ситуативная модель строится на эмпирическом материале и предполагает описание коммуникативного поведения в рамках коммуникативных сфер и стандартных коммуникативных ситуаций (приветствие, извинение, благодарность, вступление в контакт, выход из общения, общение в гостях, общение в коллективе, общение по телефону, общение с детьми и т. д.). Данная модель удобна в прикладных целях – для научно-популярного описания коммуникативного поведения народа, профессиональной или возрастной группы, для дидактических целей.

Аспектная модель предполагает описание коммуникативного поведения в рамках выделенных исследователем аспектов: вербального и невербального, продуктивного (что говорят), рецептивного (как понимают), нормативного (какие соблюдаются нормы) и реактивного (описание коммуникативной реакции на те или иные коммуникативные ситуации).

Параметрическая модель дает формализованное системное описание коммуникативного поведения на основе заданной исследователем совокупности факторов. В рамках параметрической модели выделяются коммуникативные факторы, коммуникативные параметры и коммуникативные признаки. Основой описания являются коммуникативные признаки (действия, факты), выделенные на эмпирической основе из фактического материала. Эти признаки для удобства описания систематизируются, обобщаются в параметры, а параметры – в факторы. Таким образом, получается обобщенная модель коммуникативного поведения, построенная «снизу вверх» и представляющая собой систематизированное, упорядоченное обобщение выявленных особенностей коммуникативного поведения. По параметрической модели может быть описано коммуникативное поведение любого народа, любой группы носителей языка, любой отдельной личности.

Параметрическая модель является теоретической базой конкретного коммуникативно-ситуативного описания коммуникативного поведения любого народа или социальной группы, а ситуативно-тематическая и аспектная модели дают материал для обобщения, используемый при создании параметрического описания коммуникативного поведения. Таким образом, эти три модели не исключают, а предполагают и дополняют друг друга [Стернина, Стернин 2021: 113].

Как отмечает Иосиф Абрамович, все типы моделей коммуникативного поведения (ситуативная, аспектная и параметрическая) могут быть использованы как при описании национального коммуникативного поведения, так и при описании группового и индивидуального коммуникативного поведения. При этом при описании группового коммуникативного поведения (например, коммуникативного поведения мужчины, женщины, молодежи, врача, военного, юриста, учителя, руководителя и т. д.) и коммуникативного поведения отдельной личности могут и должны появиться новые параметры, факторы, коммуникативные сферы, что обо-

гатит описанные выше модели, делает их более полными и системными. Так, описание коммуникативного поведения личности должно предполагать описание ее любимых слов и выражений, любимых речевых клише, шуток, афоризмов и т. д. [Стернин 2000: 43].

Систематизированное изложение теоретических понятий и методики исследования коммуникативного поведения, а также образцы описания коммуникативного поведения в лингвокультурологической картине мира представлены в подготовленной И.А. Стерниным в соавторстве с Л.И. Гришаевой и автором данной статьи монографии «Специфика деятельности коммуникантов в межкультурной среде» [Стернин, Гришаева, Стернина 2009].

Разработанные И.А. Стерниным теоретические основы изучения коммуникативного поведения легли в основу целого ряда монографий и сборников, посвященных коммуникативному поведению различных народов, а также социальных, возрастных, гендерных и профессиональных групп.

Так, в двух подготовленных под редакцией И.А. Стернина и автора данной статьи монографиях, посвященных американскому коммуникативному поведению [Американское коммуникативное поведение 2001; Очерк американского коммуникативного поведения 2001] дано систематическое описание американского вербального и невербального коммуникативного поведения, описаны доминантные черты американского характера и коммуникативного поведения, проведено сравнение русского и американского коммуникативного поведения в рамках параметрической модели. В последовавшей за этими публикациями книге на английском языке [Sternina, Sternin 2003] подробно описаны доминантные черты русского и американского коммуникативного поведения и также дано их сравнение по параметрической модели. Все три монографии были подготовлены по результатам совместного проекта «Американское и русское коммуникативное поведение» Воронежского отделения Национального объединения преподавателей английского языка России и Нью-Йоркского отделения TESOL (Международной Ассоциации преподавателей английского языка говорящим на других языках).

В вышедшей в 2003 г. совместной монографии И.А. Стернина, Т.В. Лариной и М.А. Стерниной [Стернин, Ларина, Стернина 2003] описаны коммуникативно релевантные черты английского менталитета и национального характера, а также доминантные черты английского коммуникативного поведения. Подробно описано вербальное коммуникативное поведение англичан в стандартных коммуникативных ситуациях и коммуникативных сферах, а также невербальные коммуникативные сигналы и английский социальный символизм. В заключительной главе монографии описываются наиболее яркие вербальные и невербальные различия английской и русской коммуникативных культур, а также приводится пара-

метрическое сопоставительное описание русского и английского коммуникативного поведения.

В соавторстве с У.Д. Камбаралиевой Иосифом Абрамовичем выпущена монография о русском и киргизском коммуникативном поведении [Камбаралиева, Стернин 2021]. В монографии описаны менталитет и национальный характер русского и киргизского народов, определены доминантные черты национального характера в коммуникативном поведении русских и киргизов, охарактеризовано вербальное и невербальное коммуникативное поведение этих народов, описаны коммуникативные табу и коммуникативные нормы в паремиях, дана характеристика гендерного коммуникативного поведения русского и киргизского народов. В монографии представлены две модели описания русского и киргизского коммуникативного поведения: ситуативная и параметрическая, – при этом последняя осуществлена в двух вариантах – содержательном, дающем развернутую характеристику всех факторов, параметров и коммуникативных признаков с указанием ситуаций их реализации, и формализованном, предполагающем только краткую характеристику факторов и параметров с помощью стандартного метаязыка описания.

В соавторстве с Ю.Е. Прохоровым И.А. Стернин выпустил выдержавшую уже шесть изданий монографию «Русские: коммуникативное поведение» [Прохоров, Стернин 2002–2021]. В монографии описаны основные коммуникативно-релевантные черты русского менталитета, представлена ситуативная модель описания русского коммуникативного поведения – как вербального, так и невербального, а также содержательная и формальная параметрическая модель. Также представлено параметрическое описание русского коммуникативного поведения в сопоставлении с коммуникативным поведением отдельных народов: русское и американское коммуникативное поведение; русское, английское и немецкое коммуникативное поведение, – описан опыт контрастивного описания русского невербального коммуникативного поведения (физический контакт и дистанция в коммуникативном поведении) на фоне финского, датского, немецкого и польского.

Изучению коммуникативного поведения других народов посвящены многочисленные сборники, в которых Иосиф Абрамович выступил в качестве автора и научного редактора:

- Русское и финское коммуникативное поведение / под ред. И.А. Стернина. Воронеж, 2000, 2002, 2004, 2006, 2007, 2008.
- Русское и китайское коммуникативное поведение / под ред. И.А. Стернина. Воронеж: Истоки, 2002.
- Русское и немецкое коммуникативное поведение / под ред. И.А. Стернина, Х. Эккерта. Воронеж, 2002.
- Русское и французское коммуникативное поведение / под ред. И.А. Стернина, Р.А. Ермаковой. Воронеж: Истоки, 2002.

- Коммуникативное поведение славянских народов / под ред. И.А. Стернина. Воронеж: Истоки, 2004, 2006.

- Русское, литовское, эстонское и латышское коммуникативное поведение / под ред. И.А. Стернина. Воронеж: Истоки, 2007.

Отдельным направлением исследований И.А. Стернина стало изучение профессионального и возрастного коммуникативного поведения. Отметим, в частности, совместную с Е.Ю. Лазуренко и М.С. Саломатиной монографию И.А. Стернина «Профессиональная коммуникативная личность» [Лазуренко, Саломатина, Стернин 2007], в которой на основе подробного рассмотрения коммуникативных личностей филолога, руководителя и телевизионного ведущего обосновано существование профессионального коммуникативного поведения как вида коммуникативного поведения человека, под которым понимается совокупность типовых дифференциальных особенностей речевой деятельности представителей определенной профессии [Лазуренко, Саломатина, Стернин 2007: 176].

Особый интерес представляет подготовленная под руководством Иосифа Абрамовича коллективная монография, посвященная академическому общению в разных странах мира [Академическое общение 2010]. В монографии подробно рассмотрены особенности академического общения в США, Финляндии, Германии, Италии, Франции, Англии, Польше и Литве. Описаны научное и педагогическое общение, особенности защиты диссертаций, общение в школах и вузах, коммуникативное поведение студентов и преподавателей.

В монографии И.А. Стернина и Н.А. Лемяскиной [Лемяскина, Стернин 2000] определены теоретические основы описания возрастного коммуникативного поведения, в рамках аспектной модели осуществлено описание коммуникативного поведения первоклассника по четырем аспектам: продуктивному – отражающему коммуникативную практику ребенка, рецептивному – связанному с особенностями восприятия ребенком собственной коммуникативной практики и коммуникативной практики других людей, реактивному – отражающему особенности реагирования ребенка на те или иные коммуникативные действия окружающих и нормативному – отражающему отношение ребенка к нормам речи и поведения. Монография основана на экспериментальном материале, в общей сложности описано двадцать девять факторов и восемьдесят два параметра, в рамках которых выделен сто сорок один коммуникативный признак коммуникативного поведения ребенка.

Еще одна монография И.А. Стернина в соавторстве с Е.Б. Чернышовой [Чернышова, Стернин 2004] посвящена описанию коммуникативного поведения дошкольника. В монографии рассматриваются актуальные проблемы теории и методики описания коммуникативного поведения, предлагается модель описания коммуникативного поведения дошкольника и содержится практическое описание коммуникативного поведения стар-

шего дошкольника, подготовленное на экспериментальном материале. Результаты проведенного исследования подтвердили тот факт, что в коммуникативном мышлении дошкольника идет процесс категоризации, при этом формирующиеся коммуникативные категории в своем большинстве имеют яркие возрастные особенности, а некоторые пока не представлены в детском коммуникативном сознании.

Изучению особенностей возрастного коммуникативного поведения посвящен и выпущенный Иосифом Абрамовичем в 2003 г. в качестве научного редактора одноименный сборник [Возрастное коммуникативное поведение 2003], в котором представлено описание коммуникативного поведения и языкового сознания разных возрастных групп, а также рассматриваются проблемы формирования коммуникативного поведения.

Среди работ Иосифа Абрамовича по коммуникативному поведению следует упомянуть также его многочисленные статьи в издаваемых им с 2003 по 2014 г. сборниках серии «Коммуникативные исследования» (Воронеж, издательство «Истоки»).

Следует отметить также, что под руководством Иосифа Абрамовича защищено десять кандидатских: К.М. Шилихиной, Н.А. Лемяскиной (обе – 1999), С.В. Меликян (2000), Е.Б. Чернышовой (2001), Е.К. Поляковой (2003), Е.Ю. Гетте (2004), М.А. Стрельниковой, М.С. Саломатиной (обе – 2005), Е.Ю. Лазуренко (2006), Л.Н. Дьяковой (2007) – две докторские – Н.А. Лемяскиной (2004) и Л.В. Куликовой (2006) – диссертации, посвященные различным проблемам коммуникативного поведения. Еще одна кандидатская диссертация А.С. Куркиной, также выполненная под руководством И.А. Стернина и посвященная интереснейшей проблеме реконструкции коммуникативной личности русского писателя на примере вербального и невербального поведения А.П. Чехова, была принята к защите уже после кончины Иосифа Абрамовича и будет защищаться в сентябре 2022 г. Таким образом, исследования коммуникативного поведения, инициированные И.А. Стерниным, продолжаются.

Список литературы

- Академическое общение / науч. ред. И.А. Стернин. Воронеж: Истоки, 2010. 194 с.
- Американское коммуникативное поведение / под ред. И.А. Стернина, М.А. Стерниной. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001. 224 с.
- Возрастное коммуникативное поведение: сб. науч. тр. / науч. ред. И.А. Стернин, К.Ф. Седов. Воронеж: Истоки, 2003. 252 с.
- Камбаралиева У.Д., Стернин И.А. Русское и киргизское коммуникативное поведение. Воронеж: РИТМ, 2021. 216 с.
- Лазуренко Е.Ю., Саломатина М.С., Стернин И.А. Профессиональная коммуникативная личность. Воронеж: Истоки, 2007. 194 с.
- Лемяскина Н.А., Стернин И.А. Коммуникативное поведение младшего школьника. Воронеж, 2000. 201 с.

- Очерк американского коммуникативного поведения / под ред. И.А. Стернина, М.А. Стерниной. Воронеж: Истоки, 2001. 209 с.
- Прохоров Ю.Е., Стернин И.А. Русские: коммуникативное поведение. 1–6-е изд. М.: Флинта: Наука, 2002–2021. 238 с.
- Стернин И.А. Модели описания коммуникативного поведения. Воронеж: Гарант, 2000. 27 с.; 2-е изд., испр. 2015. 52 с. URL: http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Kommunikativnoe_povedenie_narodov_mira/Modeli_opisanija_kommunikativnogo_povedenija.pdf (дата обращения: 27.06.2022).
- Стернин И.А. О понятии коммуникативного поведения // *Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung*. Halle, 1989. С. 279–282.
- Стернин И.А., Гришаева Л.И., Стернина М.А. Специфика деятельности коммуникантов в межкультурной среде. Воронеж: Научная книга, 2009. 262 с.
- Стернин И.А., Ларина Т.В., Стернина М.А. Очерк английского коммуникативного поведения. Воронеж: Истоки, 2003. 185 с.
- Стернина М.А., Стернин И.А. Сопоставление как лингвистическая методология. Воронеж: Ритм, 2021. 215 с.
- Чернышова Е.Б., Стернин И.А. Коммуникативное поведение дошкольника. Воронеж: Истоки, 2004. 210 с.
- Sternina M., Sternin I. Russian and American Communicative Behavior. Voronezh: Istoki Publishing House, 2003. 94 p.

References

- Chernyshova, E.B., Sternin, I.A. (2004), *Kommunikativnoe povedenie doskol'nika* [Communicative behavior of a preschooler], Voronezh, Istoki publ., 210 p. (in Russian).
- Kambaraliev, U.D., Sternin, I.A. (2021), *Russkoe i kirgizskoe kommunikativnoe povedenie* [Russian and Kyrgyz communicative behavior], Voronezh, RITM publ., 216 p. (in Russian).
- Lazurenko, E.Yu., Salomatina, M.S., Sternin, I.A. (2007), *Professional'naya kommunikativnaya lichnost'* [Professional communicative personality], Voronezh, Istoki publ., 194 p. (in Russian).
- Lemyaskina, N.A., Sternin, I.A. (2000), *Kommunikativnoe povedenie mladshego shkol'nika* [Communicative behavior of a junior pupil], Voronezh, 201 p. (in Russian).
- Prokhorov, Yu.E., Sternin, I.A. (2002-2021), *Russkie: kommunikativnoe povedenie* [Russians: communicative behavior], 1st – 6th ed., Moscow, Flinta publ., Nauka publ., 238 p. (in Russian).
- Sternin, I.A. (ed.) (2010), *Akademicheskoe obshchenie* [Academic communication], Voronezh, Istoki publ., 194 p. (in Russian).
- Sternin, I.A. (2000), *Modeli opisaniya kommunikativnogo povedeniya* [Models of the description of communicative behavior], Voronezh, Garant publ., 27 p.; (2015) 2nd ed., 52 p., available at: http://sterninia.ru/files/757/4_Izbrannye_nauchnye_publicacii/Kommunikativnoe_povedenie_narodov_mira/Modeli_opisanija_kommunikativnogo_povedenija.pdf (accessed: June 27, 2022). (in Russian).
- Sternin, I.A. (1989), О понятии коммуникативного поведения [On the concept of communicative behavior]. *Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung*, Halle, 1989, pp. 279-282. (in Russian).

- Sternin, I.A., Grishaeva, L.I., Sternina, M.A. (2009), *Spetsifika deyatel'nosti kommunikantov v mezhkul'turnoi srede* [The specifics of the activity of communicants in an intercultural environment], Voronezh, Nauchnaya kniga publ., 262 p. (in Russian).
- Sternin, I.A., Larina, T.V., Sternina, M.A. (2003), *Ocherk angliiskogo kommunikativnogo povedeniya* [An essay on English communicative behavior], Voronezh, Istoki publ., 185 p. (in Russian).
- Sternin, I.A., Sedov, K.F. (2003), *Vozrastnoe kommunikativnoe povedenie* [Age-related communicative behavior], Collection of scientific papers, Voronezh, Istoki publ., 252 p. (in Russian).
- Sternin, I.A., Sternina, M.A. (eds.) (2001a), *Amerikanskoe kommunikativnoe povedenie* [American communicative behavior], Voronezh, Voronezh State University publ., 224 p. (in Russian).
- Sternin, I.A., Sternina, M.A. (eds.) (2001b), *Ocherk amerikanskogo kommunikativnogo povedeniya* [An essay on American communicative behavior], Voronezh, Istoki publ., 209 p. (in Russian).
- Sternina, M.A., Sternin, I.A. (2021), *Sopostavlenie kak lingvisticheskaya metodologiya* [Comparison as a linguistic methodology], Voronezh, RITM publ., 215 p. (in Russian).
- Sternina, M., Sternin, I. (2003), *Russian and American Communicative Behavior*, Voronezh, Istoki publ., 94 p.

STUDIES OF COMMUNICATIVE BEHAVIOR IN THE WORKS OF I.A. STERNIN

M.A. Sternina

Voronezh State University (Voronezh, Russia)

Abstract: The paper discusses the research of communicative behavior in the works of Iosif Abramovich Sternin. The term "communicative behavior" was introduced into linguistic usage by I.A. Sternin. Communicative behavior is defined as a system of norms and traditions of communication between peoples, social, age, gender and professional groups as well as individuals. Norms are defined as mandatory and include speech etiquette (greeting formulas, farewells, politeness formulas), as well as taboos. Traditions are understood as what is customary said in a particular communicative situation. I.A. Sternin developed principles and models for describing communicative behavior, as well as the terminological apparatus of such a description. I.A. Sternin studied, described and supervised the research of the communicative behavior of Russians, Englishmen, Americans, Kyrgyz, Germans, Finns, Chinese, French, Baltic and Slavic peoples, conducted research on professional and age-related communicative behavior, as well as research on the reconstruction of the linguistic personality of figures of the past.

Key words: I.A. Sternin, communicative behavior, principle of describing communicative behavior, model of describing communicative behavior, professional communicative behavior, age-related communicative behavior.

For citation:

Sternina, M.A. (2022), Studies of communicative behavior in the works of I.A. Sternin. *Communication Studies (Russia)*, Vol. 9, no. 3, pp. 517-528. DOI: 10.24147/2413-6182.2022.9(3).517-528.

About the author:

Sternina, Marina Abramovna, Prof., Head of the Department of English Language for Natural Sciences Faculties

Corresponding author:

Postal address: 1, Universitetskaya pl., Voronezh, 394006, Russia

E-mail: sternina@vmail.ru

Received: June 30, 2022

Revised: July 7, 2022

Accepted: July 11, 2022

Раздел II

**СОВРЕМЕННЫЕ
ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ**





Part II

MODERN DISCOURSE PRACTICES

РИТОРИКА: АКТУАЛЬНОЕ СЛОВО В КОММУНИКАТИВНОЙ СИТУАЦИИ ТЕКУЩЕГО ВРЕМЕНИ

И.Т. Вепрева¹, Н.А. Купина²

^{1,2} *Уральский федеральный университет
имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (Екатеринбург, Россия)*

Аннотация: На материале корпуса высказываний, зафиксированных в базе данных «Интегрум» (<https://www.integrum.ru>), исследуются актуальные смыслы лексем *риторика*, диагностирующие коммуникативную ситуацию текущего времени (хронологические рамки выборки: 2021 – первая половина 2022 г.). Анализ проводится с опорой на труды И.А. Стернина в области лексикологии и теории коммуникации. Установлено, что воспринимаемое российским сообществом различие между риторикой как фундаментальной наукой и лжериторикой, или манипулятивными технологиями речевого влияния, свидетельствует о непреходящей значимости русских, классических прежде всего, риторик. Сохраняется зафиксированное толковыми словарями русского языка первичное системное значение анализируемого слова – «наука об ораторском искусстве». Коммуникативно релевантные актуальные смыслы позволили уточнить сформированное вторичное значение: *риторика* – «мало-содержательная публичная речь, характеризующаяся чрезмерной жесткостью и агрессивностью». Рефлексивно-оценивающее восприятие публичной речи с учетом сферы ее функционирования, ментального своеобразия, наличия / отсутствия стратегической установки говорящего позволяет зафиксировать болевые точки коммуникативной ситуации текущего времени.

Ключевые слова: риторика, системное значение, актуальный смысл, коммуникация, агрессия.

Для цитирования:

Вепрева И.Т., Купина Н.А. Риторика: актуальное слово в коммуникативной ситуации текущего времени // Коммуникативные исследования. 2022. Т. 9. № 3. С. 531–546. DOI: 10.24147/2413-6182.2022.9(3).531-546.

Сведения об авторах:

¹ **Вепрева Ирина Трофимовна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации

ORCID: 0000-0002-2230-1985

² **Купина Наталия Александровна**, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации
ORCID: 0000-0002-4154-7323

Контактная информация:

^{1,2} Почтовый адрес: 620000, Россия, Екатеринбург, пр. Ленина, 51

¹ E-mail: irina_vepreva@mail.ru

² E-mail: natalia_kupina@mail.ru

Дата поступления статьи: 01.06.2022

Дата рецензирования: 28.06.2022

Дата принятия в печать: 11.07.2022

1. Введение

Имя Иосифа Абрамовича Стернина для авторов статьи по-особому дорого. Нас связывала многолетняя дружба и плодотворное научное сотрудничество. Он был постоянным участником наших конференций; мы ездили к нему в Воронеж. Иосиф Абрамович часто оппонировал кандидатские диссертации наших аспирантов. По работам И.А. Стернина мы сверяли ход собственных научных поисков, всегда восхищаясь его профессиональной зоркостью, полиглотизмом, эрудицией, нестандартностью мышления. Трудно переоценить доброту, душевную щедрость Иосифа Абрамовича, другоцентризм и толерантность.

В статье выявляются особенности функционирования в речи актуального слова *риторика*. Анализ проводится с опорой на труды профессора И.А. Стернина в области лексикологии и теории коммуникации. Неоспорим вклад ученого в изучение структуры лексического значения слова (см.: [Стернин 1979; Попова, Стернин 1984] и др.). Понимание слова как единицы лексической системы языка, строгий системно-структурный подход позволили автору конкретизировать типологию «минимальных семантических признаков – сем» [Попова, Стернин 1984: 37, 39–60]. Обобщая достижения структурной семасиологии, исследователь совершенствует методику компонентного анализа: в структуре лексического значения он предлагает выделять «более крупные семантические элементы» [Стернин 1979: 3] и последовательно рассматривает денотативный [Стернин 1979: 45–89], коннотативный [Стернин 1979: 89–129], эмпирический [Стернин 1979: 129–143] компоненты, «которые непосредственно связаны с отражением языковой действительности» [Стернин 1979: 3]. Отражательная концепция лексического значения лежит в основе подхода интегрального, который «позволяет учесть в единой теории значения все семантические признаки, реально проявляющиеся или могущие проявиться в самых различных контекстах» [Стернин 1979: 146].

Единая теория значения предполагает выявление соотношения системного значения и контекстуального смысла (см.: [Стернин 1978]), являющегося «одной из возможных актуализаций значения в конкретном коммуникативном акте, которая подчинена актуальной задаче» [Стернин 1985: 100]. Новаторство разработанной Стерниным теории значения состоит в ее коммуникативной направленности. В процессе речевого общения, как следует из предпринятых им многочисленных исследований языкового материала, «реализуется лишь коммуникативно релевантная часть значения» [Стернин 1985: 34]. Необходимо подчеркнуть, что в трудах по теории коммуникации И.А. Стерниным систематизирован понятийный аппарат коммуникативистики; описаны национально-специфические особенности коммуникативного поведения не только русских, но и американцев, англичан, немцев, финнов; обобщены идеи и методы коммуникативной составляющей лингвострановедения (см.: [Стернин 2001: 13–14; 2002; Прохоров, Стернин 2006: 10–55] и др.). Значителен вклад ученого в решение проблемы разграничения языкового, коммуникативного и когнитивного сознания [Стернин 2003]. В последние годы излюбленным предметом его исследований становится психолингвистическая сторона значения слова [Стернин 2017; Психолингвистический толковый словарь русского языка 2019].

Авторы статьи отталкиваются от выдвинутой И.А. Стерниным идеи понимания значения как «отражательной категории» [Стернин 1985: 15]. Целевая установка настоящего исследования связана с выявлением отражающих современное состояние публичной речевой коммуникации актуальных смыслов злободневной лексемы *риторика*. Языковой материал – извлеченные из электронной базы данных «Интегрум» (<https://www.integrum.ru>) высказывания, включающие слово *риторика*. Хронологические рамки: 2021 – первая половина 2022 г. Необходимо отметить, что семантика лексемы *риторика* непосредственно связана с речевой коммуникацией, а оценка состояния коммуникативной реальности, как можно предположить, реализуется в избранном для исследования материале. Основные критерии выделения актуальных слов «текущего момента» [Шмелева 1993] систематизированы в специальном издании [Вепрева, Купина 2021].

2. Актуальность первичного значения лексемы *риторика* в контексте текущего времени

Первичное значение анализируемого слова, как свидетельствуют толковые словари русского языка, сохраняется: *риторика* – «В античности и в последующие времена: теория и искусство красноречия < греч. >» [Крысин 2005: 678]. Русский аналог *красноречие* акцентирует ментально-специфическое отношение к ораторской речи как эстетическому объекту. Ср.: *риторика* – «наука красноречия, изящесловие» [Даль 1980: 97]. В языковой картине мира, понимаемой как «представление о действительности,

отраженное в языковых знаках и их значениях – языковое членение мира, языковое упорядочение предметов и явлений, заложенное в системных значениях слов, информация о мире» [Прохоров, Стернин 2006: 95], закреплено противопоставление красоты истинной и *красивости* – «чисто внешней красоты, украшении с притязанием на красоту» [ТСРЯ 2008: 375]. Коммуникативное поведение говорящего, в соответствии с нормами национальной культуры, должно отличаться искренностью, правдивостью, открытостью, естественной красотой. Не позволительны фальшь, притворство, театральность. Аксиологический потенциал языкового знака *красноречие*, базирующийся на живой внутренней форме, открывает возможность толкования теоретических основ риторики и как объективных, вытекающих из законов производства и исполнения воздействующей речи, и как манипулятивных, внедряющих непозволительные уловки. Последнее в значительной мере мотивирует осуществленное советской государственной идеологией вытеснение риторики из пространства гуманитарных наук. Возрождение русской риторики происходит на рубеже XX и XXI вв.

В толковых словарях русского языка первичное значение лексемы *риторика* формулируется с помощью идентификаторов *теория*, *наука*. Уточнитель *красноречие* используется нерегулярно. Ср.: *риторика* – «теория ораторского искусства, красноречия (науч.)» [ТСУ 1939: 1362–1363]; «теория красноречия, наука об ораторском искусстве» [МАС 1983: 680]; «теория ораторского искусства» [Ожегов, Шведова 2006: 680]; «наука об ораторском искусстве» [ТСРЯ 2008: 834].

В высказываниях текущего времени первичное значение реализуется при поддержке «классифицирующего предиката» [Арутюнова 1999: 8]. Например: *Это у иных журналистов и политиков речь оппонентов называется «риторикой» – синонимом празднословия и лжеречия, но риторика – наука и искусство убедительной, подлинно украшенной, а лучше сказать, совершенной речи. Честно говоря, не хочется растекаться мыслью по журнальному листу в рассказе о риторике, нужной не только каждому священнику как служителю слова, но и каждому гражданину* (Журнал Московской патриархии. 15.11.2021).

Риторика воспринимается как практически полезное учение об ораторской речи, противопоставленное технологиям лжи. Выделяется необходимая во всех сферах коммуникации аргументативная составляющая классической риторики: *«Искусство находить способы убеждения» и есть предмет риторики, по Аристотелю. Очевидно, что риторике нужно учиться каждому, потому что речь – инструмент управления и организации нашей жизни во всех сферах: от семьи до СМИ, от политики и суда до школы и Церкви* (РБК. 01.10.2021).

Выбор и разработка темы не исключают, а диктуют ее эмоционально-оценочное наполнение: *Всё как в старинной риторике: начать надо с*

темы... А дальше – оценка, и она вдохновляет... (Журнал Московской патриархии. 15.11.2021).

Как свидетельствует проанализированный языковой материал, источниками знаний об объективных законах и правилах речи остаются русские риторика. В высказываниях упоминаются названия фундаментальных трудов, а также их авторы: *Примеры в речи Патриарха заставляют вспомнить «Риторику» Ломоносова, который призывал учить, «удовольствуя речь примерами»* (Журнал Московской патриархии. 15.11.2021). Приводятся не утратившие актуальности суждения отечественных авторов фундаментальных научных исследований: *«Основания красноречия суть страсти» – такими словами начинал книгу «Правила высшего красноречия Михаил Михайлович Сперанский в 1792 году, будучи профессором философии и риторики и готовясь к карьере великого государственного деятеля* (Журнал Московской патриархии. 15.11.2021).

Сопутствующее метонимическое значение слова – ‘учебный предмет, включенный в образовательную программу’: *На всех этапах наряду с обучением чтению, письму, счету, литературе, рисованию, риторике, знанию законодательства велось обучение физической культуре* (Военно-промышленный курьер. 23.03.2021); *Начиная с 1745 года в семинарии вводятся курсы риторики и пиитики (стихосложения), начинается преподавание философии* (Журнал Московской патриархии. 15.11.2021).

Зарубежными исследователями неизменно подчеркивается преемственность современной риторики, призванной обучать студентов основам коммуникации и разработке аргументации, и ее связь с классической риторикой, что проявляется в термине «риторика и композиция» (rhetoric and composition) [Lynn 2010; Malenczyk et al. 2018], который используется в США для обозначения этой дисциплины со второй половины XX века в применении к высшему образованию.

Таким образом, речевая действительность подтверждает объективность лексикографической интерпретации: основным в семантической структуре слова *риторика* остается первичное системное значение, отражающее «общественно достигнутое знание о предмете» [Стернин 1985: 26]. Предметом, т. е. обозначаемым, в данном случае является наука об ораторском искусстве, теоретические положения которой изложены в классических трудах. Учебный курс риторики должен в полной мере отражать объективные законы производства образцовой речи. Состояние речевой коммуникации текущего времени выдвигает важную для гражданского общества стратегическую задачу формирования риторических практик, способствующих созданию тематически определенной, убедительной, выразительной речи. За пределами пространства гуманитарных наук остается лжериторика, разрабатывающая обманные речевые технологии.

3. Слово *риторика* как инструмент диагностики публичной речевой коммуникации

Выделим вторичное значение анализируемого слова, регулярно отмечаемое толковыми словарями: *риторика* – «книжн., неодобр., перен. Напыщенная речь, в которой красивые фразы и слова скрывают ее бессодержательность» [ТСУ 1939: 1363]. Отрицательная аксиологическая маркированность связана с отсутствием тематической определенности, злоупотреблением красотами. Слово в данном значении толкуется как интенсив-экспрессив: «Излишняя приподнятость изложения, напыщенность» [МАС 1983: 719]. Помета *перен.* в отмеченном словаре отсутствует. Негативную оценку поддерживает использованный в словарной статье иллюстративный контекст: *Эта верность фальшивая от начала до конца. В ней много риторики, но нет логики* (Чехов). В зеркале языка отражается основанное на наблюдении обобщение: злоупотребление пафосом наносит ущерб логике. Ср.: *риторика* – «(перен.) Напыщенная и бессодержательная речь» [Ожегов, Шведова 2006: 680] (то же: [ТСРЯ 2008: 834]).

Поскольку «актуальный смысл знака есть коммуникативно релевантная часть значения» [Стернин 1979: 11], обратим внимание на реализацию соответствующих компонентов. Во всех случаях значимой является связь с денотатом: *риторика* – это речь. Объектом непосредственного коллективного восприятия является ораторская речь – *рассчитанная на публику риторика* (АиФ. 29.09.2021). В высказываниях выделяются разновидности публичной речи в зависимости от сферы ее использования. Приведем соответствующие сочетания с опорным словом *риторика* (далее – *р.*): *политическая р., парламентская р., дипломатическая р., юридическая р., экономическая р., экологическая р.* Акцентируется национальное своеобразие речи: *русская р., американская р., китайская риторика* и др. Именные сочетания выделяют «типичную коммуникативную стратегию» [Иссерс 2012], лежащую в основе публичной речи: *р. Кремля, р. Белого Дома, р. Запада*. В границах подобных сочетаний употребляется личное имя собственное. Если это имя не является общеизвестным, в высказывание вводится уточнение. Ср.: *Стоит напомнить, что в предвыборной риторике Джо Байдена было много зеленого* (Газпром. 15.06.2021); *Строгая и холодная риторика президента Международного олимпийского комитета (МОК) Томаса Баха...* (Коммерсантъ. 19.02.2022).

Качества публичной речи, в том числе ее уместность, убедительность, оцениваются в контексте реального времени и ситуации испытания: *Власти Германии ужесточили риторике, чтобы заверить избирателей в том, что ситуация находится под контролем* (РБК. 14.12.2021). В речевой оборот вводится сочетание *текущая риторика*. Проживаемое время воспринимается как *век риторики и телевизионных баталлий* (Знамя. 15.07.2021). Характер речи, ориентированный на целевого адресата, зависит от ситуа-

ции момента. Прогнозируется мена реализации в речи интенционального начала в связи с изменением ситуации. При этом риторика трактуется как инструмент влияния на ситуацию: *Если **текущая риторика** между Западом и РФ затихнет, то индекс Мосбиржи вполне может протестировать исторические пики. ...Реалистический вариант развития ситуации при сохранении текущей **риторики** с Западом предполагает довольно скорое возвращение рынка к уровням начала года* (Известия. 19.01.2022). Еще один пример: *В случае ослабления рубля и сохранения повышенных инфляционных ожиданий ЦБ «сохранит ястребиную **риторику** и выразит готовность рассмотреть возможность еще одного повышения», считают аналитики «Ренессанс Капитала»* (РБК. 22.01.2021). Специфика текущей риторики осмысливается в контексте сопоставления с событийным прошлым временем: *Если добавить сюда **риторику** в связи с последними событиями на Украине, то, по мнению многих экспертов, всё это напоминает Карибский кризис, когда мир стоял на пороге ядерной войны* (Известия. 13.04.2021); *Как заявил политолог Виктор Мизин, отношения между нашими странами дошли сегодня **до риторики** худшей, чем в холодную войну* (Известия. 01.07.2021).

Дидактическую функцию выполняют высказывания, включенные в давнопрошедшее, но не прошедшее для людей мыслящих время: *Когда на рубеже XVIII–XIX веков понятие «свобода» стало важнейшим в политической **риторике**, оно применялось со столь большим зарядом универсализма, что не всегда была заметна его фактическая действительность лишь в достаточно узкой, хотя и важной сфере чисто политического и религиозного...* (Знамя. 15.11.2021). Уроки риторики позволяют зафиксировать сам факт изменения актуального коммуникативного пространства: *Резко поменялась **риторика** российских дипломатов* (Военно-промышленный курьер. 01.06.2021); ***Риторика** в отношении Луны, кажется, начала меняться* (Профиль. 05.04.2021). Изменения происходят в выражении эмоционально-оценочного отношения автора речи к действительности и адресату. Мена модальности влечет за собой ожидаемые и не ожидаемые адресатом последствия: *Немецкий журналист Бауэр заявил о резкой смене **риторики** ФРГ по членству Украины в НАТО* (Ежедневные Новости Владивостока. 08.01.2022); *ПСК в большинстве сегментов не успел отреагировать на изменение **риторики** Центробанка* (РБК. 22.04.2021). Наблюдаемые в реальном времени сдвиги, если они касаются выступлений лидера, нередко воспринимаются как обусловленные эгоцентризмом: *...господин Зеленский, приходивший к власти с миролюбивой **риторикой**, меняет подход на полностью противоположный, чтобы ее удержать* (Коммерсант. 15.05.2021); *Пытаясь вернуть былую популярность, Зеленский всё больше становится заложником националистической **риторики*** (АиФ. 19.05.2021). Нарушение главой государства норм, принципов морали чревато изменением отношения к нему граждан.

В контексте межкультурной коммуникации целесообразными признаются такие изменения риторики, которые приведут к достижению позитивных практических результатов: *По словам министра РФ по развитию Дальнего Востока и Арктики Алексея Чекункова, крайне важно перевести **риторику** и дух международной кооперации и международного сотрудничества по развитию Арктики в максимально конструктивное русло* (БОСС. 17.07.2021).

Механизмы обратной связи, формирующие кооперативную коммуникацию, предполагают наличие обязательной информационной составляющей ораторской речи, следовательно, ее содержательность, тематическую определенность и необходимые для адресата разъяснения, обеспечивающие ясность и точность изложения. Между тем корпус проанализированных высказываний свидетельствует о дефиците информационного стержня речи. Если рассмотреть коммуникативно релевантные компоненты вторичного значения, реализованные в составе высказываний, с точки зрения риторического канона, включающего логос, этос, пафос и предполагающего наличие в речи мыслительного начала и средств убеждения, следует признать, что актуальные смыслы слова *риторика* диагностируют ущербность логоса. Лишь в отдельных высказываниях содержится формулировка темы, составляющей содержательное ядро публичных выступлений, в которых развивается социально значимая мысль: *А борьба с бедностью и надежды на ее полную ликвидацию остаются важной частью российской государственной **риторики*** (Профиль. 04.05.2021); *Тема борьбы с олигархами довольно активно в украинской политической **риторике**, в частности предвыборной, однако едва ли не впервые ей публично уделяет столько внимания действующий президент, отмечает эксперт украинского Центра Разумкова Алексей Разумный* (РБК. 15.06.2021); *Известная своей эмоциональной **риторикой** Бербок сделала акцент на теме исторической ответственности Германии перед Россией* (Известия. 20.01.2022). Ощущается дефицит в изобретении мысли и, следовательно, темы (первый этап подготовки риторически организованной речи), а также в нестандартном словесном оформлении мысли (этап третий): *Новый вариант горбачевской **риторики** по поводу «социализма с человеческим лицом»* (АиФ. 06.10.2021).

Общественная потребность в подлинно информационной публичной речи ощущается в появлении грамматически неправильных сочетаний (*риторика* + форма существительного в предл. падеже с предлогом *о* / *обо*): *Риторика об угрозе большой войны – это одно, а настоящий конфликт – совсем другое* (АиФ. 19.05.2021); *Пример стран Европы однозначно продемонстрировал, что вся **риторика об отказе** от нефти, газа и угля ведет к проблемам с энергоснабжением и росту цен на те же самые энергоносители* (Армейский сборник. 15.04.2021); *Визиты Сергея Лаврова в Китай и Индию стали ответом на **риторику об изоляции** России* (Российская газета. 4.04.2022).

В границах отмеченных предложно-падежных сочетаний подчеркивается зависимость выбора темы от запросов общества в каждый данный момент времени: *Байден начал свой президентский срок в очень прагматическом ключе, жестком отстаивании национальных интересов, теперь он должен сбалансировать такой подход **риторикой о демократии** и правах человека и их поддержкой в глобальном масштабе* (РБК. 26.11.2021).

Реже употребляется свидетельствующее об отсутствии логического развития темы грамматически неправильное словосочетание: *риторика + форма существительного в род. падеже с предлогом по поводу: Упражняться сегодня **в опасной риторике по поводу** возможного появления в некоем будущем **атомных бомб** у Тегерана на фоне модернизации ядерного центра в Димоне много ума не надо* (Военно-промышленный курьер. 06.04.2021). Выражается скрытая мысль о чрезмерной экспрессивности, которая полностью или частично поглощает необходимую информативность публичной речи.

Ставшая привычной бессодержательность публичной речи, отсутствие точной формулировки темы, ее оригинального освещения говорящим мотивируют употребление атрибутивного словосочетания *пустая риторика: В долгосрочной перспективе Москва, памятуя о предыдущем негативном опыте, может удовлетвориться лишь юридически обязывающими международными соглашениями, но не **пустой риторикой*** (Известия. 18.06.2021). Неприятие зыбкости, сопровождающей мыслительную составляющую речи, передается с помощью метафоры: *Перед нами модернистская **риторика блуждания в тумане*** (Знамя. 15.02.2022).

Чтобы выявить более детализированную характеристику современной публичной речи с позиций коллективного адресата, используем одно из теоретических положений И.А. Стернина, в соответствии с которым «прибавление к знаку определения» придает «слову новый смысл» [Стернин 1979: 117]. Высказывания, включающие формулу «оценочное прилагательное + опорное слово *риторика*» (далее также – *р.*), выступают в функции рефлексивов [Вепрева 2002: 76]. Выделим типичные характеристики: *жесткая р., ястребиная р., оголтелая р., агрессивная р., непримиримая р., разительная р., воинственная р., конфронтационная р., враждебная р., экстремистская р., демагогическая р., антироссийская р., русофобская р.* Обобщенно-оценочные словосочетания: *негативная р., резкая р., неприятная р.* Например: *Давайте акцентируем немного отношения с коллективным Западом и тем самым взаимоотношения с США – сложный период, **неприятная риторика**...* (Известия. 15.06.2021).

Наиболее частотными являются свидетельствующие об отсутствии коммуникативной толерантности [Стернин 2005] словосочетания *жесткая / агрессивная риторика: **Риторика ЦБ остается очень жесткой*** (РБК. 18.06.2021); *Президент Соединенных Штатов Джозеф Байден применяет в отношении России **жесткую риторик***

ние от проблем в американской экономике, считают в Китае (Комсомольская правда. 14.04.2022); Не останавливают японцев от **агрессивной риторики** и жесткие ответы нашего министерства иностранных дел (Российская газета. 09.03.2022); Всё это – наглядное свидетельство **агрессивной риторики** альянса (Красный путь (Омск). 27.04.2022).

Всплеск ожесточенности изображается метафорически. В текстах СМИ употребляются «мотивированные метафоры... эксплицитно связывающие метафорическое значение с исходным» [Скляревская 2004: 53], диагностирующие возрастание резкости, безоговорочность позиции оратора. Например: *Всё новые высказывания американских дипломатов и чиновников не только не снижают, а **повышают градус риторики*** (Коммерсантъ. 04.02.2022). Излишняя категоричность воспринимается как ментально-специфическое качество публичной речи: *...**жесткая риторика** – это вообще проявление отчасти общей американской культуры* (Известия. 17.06.2021).

Неприятие жесткости публичных выступлений, как правило, мотивируется тем, что она раскачивает ситуацию, нагнетает истерию. Лишь в отдельных случаях фиксируется эффективность жесткой риторики, например в финансовой и медицинской сферах: *«**Ястребиная**» риторика говорит о желании обеспечить большее повышение ставок в ближайшем будущем, пишет в обзоре аналитик Citibank Иван Чакаров* (РБК. 18.06.2021); *В пользу жесткого решения говорит и **риторика** самого Банка России. Но они не исключают, что ЦБ сохранит **ястребиную риторiku** и выразит готовность рассмотреть возможность еще одного повышения* (РБК. 14.12.2021). Отношение к максимально резкой критике, как показывает материал, часто сопровождается ссылкой на авторитетное мнение: *В ВШЭ подтверждают работоспособность в России **жесткой карантинной риторики*** (Коммерсантъ. 08.12.2021). Антонимичное сочетание употребляется точно. За исследуемый период в СМИ представлен 31 контекст словосочетания *мягкая риторика*, ср.: 724 контекста с сочетаниями *агрессивная* (441) / *жесткая* (275) / *ястребиная* (18) *риторика*.

Публичная речь воспринимается сегодня как по преимуществу агрессивно-обвинительная. Обобщение современных исследований по речевой агрессии [Комалова 2015], нарушающей универсальные этические нормы коммуникации, позволяет выделить такие признаки агрессивного речевого поведения, как интенциональность, направленность на «коммуникативное подчинение адресата, осуществление коммуникативного давления на него» [Черкасова 2011: 33–34], бескомпромиссность, враждебность. Речевая агрессия связывается с социально-политической обстановкой: *Действительно, с момента прихода новых постмайданных властей участилась **агрессивная националистическая риторика*** (Известия. 21.03.2022). Агрессивная риторика, в свою очередь, формирует социальную тревожность и одновременно – готовность общества к активиза-

ции военных приготовлений: *Прежде всего – это создание в украинском обществе атмосферы страха, агрессивная риторика, потакание неонацистам, милитаризация страны* (БОСС. 20.10.2021).

Выделяются отдельные грани агрессивной риторики: *Распространение дезинформации, экстремистской риторики и панических настроений могут привести к значительным негативным последствиям и в офлайне* (РБК. 02.09.2021); *Воинственная риторика Запада разрушает экономику Украины* (АиФ. 16.02.2022); *И градус враждебной риторики в последние годы едва ли не выше, чем когда-либо* (АиФ. 22.09.2021); *Ограничительные меры в отношении нашей страны, антироссийская риторика и информационные атаки против России – проявление недоразвитости Запада* (БОСС. 25.02.2022).

В коммуникативной ситуации текущего времени публичная речь осознаётся как излишне жесткая, бескомпромиссная, крайне агрессивная. Констатирующее высказывание: *Сегодня востребована исключительно агрессивная, предельно жесткая риторика* (АиФ. 01.12.2021).

Нельзя не обратить внимания на то, что публичная речь, по данным корпуса высказываний, перестала осознаваться как «изыщесловие». Специально не выделяется ее эстетическая функция, которую вытесняет стратегическая установка на практический результат. Показательно, что словосочетание *возвышенная риторика* является редким и в контексте получает добавку ‘неискренняя, рассчитанная на выгоду’: *У людей растет понимание того, что власть использует возвышенную политическую риторiku в своих интересах* (АиФ. 22.09.2021).

Если оттолкнуться от положения И.А. Стернина о том, что каждый лексико-семантический вариант выступает как обобщение контекстуального употребления слова [Стернин 1978], можно сформулировать следующий вывод: в текущем узусе формируется еще одно вторичное значение слова *риторика* – «малосодержательная публичная речь, характеризующаяся чрезмерной жесткостью и агрессивностью».

4. Заключение

Научное наследие И.А. Стернина требует углубленного изучения и обобщения. Разработанная в его трудах коммуникативно-ориентированная концепция лексического значения позволяет объективно описать семантическую структуру слова, зафиксировать коммуникативно значимые компоненты значения, позволяющие выявить специфику речевого взаимодействия в ситуативном контексте. Опора на идеи И.А. Стернина способствовала выявлению особенностей функционирования в речи слова *риторика*. В ходе анализа подтверждено сохранение первичного системного значения, установлено наведенное текущей коммуникативной ситуацией развитие нового вторичного значения.

Актуализация в высказываниях коммуникативно релевантных компонентов сформировавшегося вторичного значения анализируемого сло-

ва позволяет составить представление о сложившемся в языковом сознании россиян восприятии риторики как инструмента направленного воздействия на коллективного адресата. Актуальные смыслы лексемы *риторика* позволяют диагностировать общее состояние речевой коммуникации, зафиксировать ее болевые точки: догматичность, воинственность, бескомпромиссность, агрессивность, отсутствие оригинальной мысли.

Гражданское общество сегодня испытывает потребность в оздоровлении внутрикультурной и межкультурной коммуникации, внедрении в публичную речь эффективных средств и приемов коммуникативной толерантности.

Список литературы

- Арутюнова Н.Д.* Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 895 с.
- Вепрева И.Т.* Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. Екатеринбург: Изд-во Ур. ун-та, 2002. 380 с.
- Вепрева И.Т., Купина Н.А.* Злободневные слова на шкале времени. Екатеринбург: Изд-во Ур. ун-та, 2021. 314 с.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Русский язык, 1980. Т. 4. 683 с.
- Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: ЛКИ, 2012. 304 с.
- Комалова Л.Р.* Язык и речевая агрессия: аналит. обзор / отв. ред. Э.Б. Яковлева. М., 2015. 75 с.
- Крысин Л.П.* Толковый словарь иноязычных слов. М.: Эксмо, 2005. 994 с.
- МАС – Словарь русского языка: в 4 т. / под ред. А.П. Евгеньевой.* М.: Русский язык, 1983. Т. 3. 741 с.
- Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М.: ИТИ Технологии, 2006. 944 с.
- Попова З.Д., Стернин И.А.* Лексическая система языка: учеб. пособие. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1984. 147 с.
- Прохоров Ю.Е., Стернин И.А.* Русские: коммуникативное поведение. М.: Флинта: Наука, 2006. 328 с.
- Психолингвистический толковый словарь русского языка / науч. ред. И.А. Стернин, А.В. Рудакова. Воронеж: РИТМ, 2019. Вып. 10/1: Гендерные значения (с комментариями). 176 с.
- Скляревская Г.Н.* Метафора в системе языка. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2004. 116 с.
- Стернин И.А.* Лексикографическое представление психолингвистического значения слова // Вестник Российского университета дружбы народов. Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2017. Т. 15, № 2. С. 204–214. DOI: 10.22363/2313-2264-2017-15-2-204-214.
- Стернин И.А.* Толерантность и коммуникация // Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: коллектив. моногр / отв. ред. Н.А. Купина, М.Б. Хомяков. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2005. С. 324–337.
- Стернин И.А.* Языковое, коммуникативное и когнитивное сознание: проблема разграничения // Языковое сознание: устоявшееся и спорное: XIV междунар.

симп. по психолингвистике и теории коммуникации (Москва, 29–31 мая 2003 г.). М.: Ин-т языкознания, 2003. С. 264–265.

Стернин И.А. Коммуникативное сознание, коммуникативное поведение и межкультурная коммуникация // Межкультурная коммуникация и проблемы национальной идентичности: сб. науч. тр. / ред. Л.И. Гришаева, Т.Г. Струкова. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2002. С. 21–28.

Стернин И.А. Проблемы описания национального коммуникативного поведения // Американское коммуникативное поведение / под ред. И.А. Стернина, М.А. Стерниной. Воронеж: ВТУ-МИОН, 2001. С. 10–24.

Стернин И.А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1985. 149 с.

Стернин И.А. Системное значение слова и его реализация в речи // Экспрессивность на разных уровнях языка. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 1984. С. 66–73.

Стернин И.А. Проблемы анализа структуры значения слова: моногр. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1979. 156 с.

Стернин И.А. Системное значение как обобщение контекстуального употребления слова // Функционирование языковых единиц в контексте. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1978. С. 16–20.

ТСРЯ – Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М.: Азбуковник, 2008. 1175 с.

ТСУ – Толковый словарь русского языка: в 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1939. Т. 3. 1423 с.

Черкасова М.Н. Речевые формы агрессии в текстах СМИ. Ростов н/Д.: Рост. гос. ун-т путей сообщения, 2011. 123 с.

Шмелева Т.В. Ключевые слова текущего момента // Collegium. 1993. № 1. С. 33–41.

Malenczyk R., Miller-Cochran S., Wardle E., Yancey K. Composition, Rhetoric and Disciplinarity. Colorado State University: Utah State University Press, 2018. 360 p.

Lynn S. Rhetoric and Composition: An Introduction. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 330 p.

References

Arutyunova, N.D. (1999), *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the human world], Moscow, Yazyki russkoi kul'tury publ., 895 p. (in Russian).

Cherkasova, M.N. (2011), *Rechevye formy agressii v tekstakh SMI* [Speech forms of aggression in media texts], Rostov-on-Don, Rostov State Transport University publ., 123 p. (in Russian).

Dal', V.I. (1980), *Explanatory dictionary of the living Great Russian language*, in 4 volumes, Moscow, Russkii yazyk publ., Vol. 4, 683 p. (in Russian).

Evgen'eva, A.P. (ed.) (1983), *Dictionary of the Russian language*, in 4 volumes, Moscow, Russkii yazyk publ., Vol. 3, 741 p. (in Russian).

Issers, O.S. (2012), *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoi rechi* [Communicative strategies and tactics of Russian speech], Moscow, LKI publ., 304 p. (in Russian).

Komalova, L.R. (2015), *Yazyk i rechevaya agressiya* [Language and speech aggression], An analytical review, ed. by E.B. Yakovleva, Moscow, 75 p. (in Russian).

- Krysin, L.P. (2005), *Explanatory dictionary of foreign words*, Moscow, Eksmo publ., 994 p. (in Russian).
- Lynn, S. (2010), *Rhetoric and Composition: An Introduction*, Cambridge, Cambridge University Press, 330 p.
- Malenczyk, R., Miller-Cochran, S., Wardle, E., Yancey, K. (2018), *Composition, Rhetoric and Disciplinarity*, Colorado State University publ., Utah State University Press, 360 p.
- Ozhegov, S.I., Shvedova N.Yu. (2006), *Explanatory dictionary of the Russian language*, Moscow, ITI Tekhnologii publ., 944 p. (in Russian).
- Popova, Z.D., Sternin, I.A. (1984), *Leksicheskaya sistema yazyka* [Lexical system of the language], study guide, Voronezh, Voronezh University publ., 147 p. (in Russian).
- Prohorov, Yu.E., Sternin, I.A. (2006), *Russkie: kommunikativnoe povedenie* [Russians: communicative behavior], Moscow, Flinta publ., Nauka publ., 328 p. (in Russian).
- Shmeleva, T.V. (1993), Klyuchevye slova tekushchego momenta [Keywords of the current moment]. *Collegium*, no. 1, pp. 33-41. (in Russian).
- Shvedova, N.Yu. (ed.) (2008), *Explanatory dictionary of the Russian language with the inclusion of information about the origin of words*, Moscow, Azbukovnik publ., 1175 p. (in Russian).
- Sklyarevskaya, G.N. (2004), *Metafora v sisteme yazyka* [Metaphor in the language system], St. Petersburg, Philological Department of St. Petersburg University publ., 116 p. (in Russian).
- Sternin, J.A. (2017), Lexicographic representation of psycholinguistic meaning of the word. *RUDN Journal of Russian and Foreign Languages Research and Teaching*, Vol. 15, no. 2, pp. 204-214. DOI: 10.22363/2313-2264-2017-15-2-204-214. (in Russian).
- Sternin, I.A. (2005), Tolerantnost' i kommunikatsiya [Tolerance and communication]. Kupina, N.A., Khomyakov, M.B. (eds.) *Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti* [Philosophical and linguoculturological problems of tolerance], Collective Monograph, Moscow, OLMA-PRESS publ., pp. 324-337. (in Russian).
- Sternin, I.A. (2003), Yazykovoe, kommunikativnoe i kognitivnoe soznanie: problema razgranicheniya [Linguistic, communicative and cognitive consciousness: the problem of differentiation]. *Yazykovoe soznanie: ustoyavsheesya i spornoe* [Linguistic Consciousness: Established and Controversial], XIV International Symposium on Psycholinguistics and Communication Theory (Moscow, May 29-31, 2003), Moscow, Institute of Linguistics publ., pp. 264-265. (in Russian).
- Sternin, I.A. (2002), Kommunikativnoe soznanie, kommunikativnoe povedenie i mezhkul'turnaya kommunikatsiya [Communicative consciousness, communicative behavior and intercultural communication]. Grishaeva, L.I., Strukova, T.G. (eds.) *Mezhkul'turnaya kommunikatsiya i problemy natsional'noi identichnosti* [Intercultural communication and problems of national identity], Voronezh, Voronezh University publ., pp. 21-28. (in Russian).
- Sternin, I.A. (2001), Problemy opisaniya natsional'nogo kommunikativnogo povedeniya [Problems of describing national communicative behavior]. Sternin, I.A., Sternina, M.A. (eds.) *Amerikanskoe kommunikativnoe povedenie* [American communicative behavior], Voronezh, VTU-MION publ., pp. 10-24. (in Russian).

- Sternin, I.A. (1985), *Leksicheskoe znachenie slova v rechi* [Lexical meaning of a word in speech], Voronezh, Voronezh University publ., 149 p. (in Russian).
- Sternin, I.A. (1984), *Sistemnoe znachenie slova i ego realizatsiya v rechi* [The systemic meaning of a word and its implementation in speech]. *Ekspressivnost' na raznykh urovnyakh yazyka* [Expressiveness at different levels of language], Novosibirsk, Novosibirsk State University publ., pp. 66-73. (in Russian).
- Sternin, I.A. (1979), *Problemy analiza struktury znacheniya slova* [Problems of analyzing the structure of the meaning of the word], Monograph, Voronezh, Voronezh University publ., 156 p. (in Russian).
- Sternin, I.A. (1978), *Sistemnoe znachenie kak obobshchenie kontekstual'nogo upotrebleniya slova* [Systemic meaning as a generalization of the contextual use of a word]. *Funktsionirovanie yazykovykh edinits v kontekste* [Functioning of linguistic units in context], Voronezh, Voronezh University publ., pp. 16-20. (in Russian).
- Sternin, I.A., Rudakova, A.V. (eds.) (2019), *Psycholinguistic explanatory dictionary of the Russian language*, Iss. 10/1: Gender values (with comments), Voronezh, RITM publ., 176 p. (in Russian).
- Ushakov, D.N. (ed.) (1939), *Explanatory dictionary of the Russian language*, in 4 volumes, Moscow, State publishing house of foreign and national dictionaries, Vol. 3, 1423 p. (in Russian).
- Vepreva, I.T. (2002), *Yazykovaya refleksiya v postsovetskuyu epokhu* [Language reflection in the post-Soviet era], Yekaterinburg, Ural University publ., 380 p. (in Russian).
- Vepreva, I.T., Kupina, N.A. (2021), *Zlobodnevnye slova na shkale vremeni* [Topical words on the timeline], Yekaterinburg, Ural University publ., 314 p. (in Russian).

**RHETORIC: ACTUAL WORD
IN COMMUNICATION SITUATION AT CURRENT TIME**

I.T. Vepreva¹, N.A. Kupina²

^{1,2} *Ural Federal University named after first President of Russia B.N. Yeltsin
(Yekaterinburg, Russia)*

Abstract: Based on the corpus of statements recorded in the Integrum database (<https://www.integrum.ru>), the article examines the actual meanings of the *rhetoric* lexeme, diagnosing the communicative situation at the current time (the chronological frame of the sample: 2021 – the first half of 2022). The analysis is based on the I.A. Sternin's works in the field of lexicology and communication theory. It has been established that the difference between rhetoric as a fundamental science and false rhetoric, or manipulative technologies of speech influence perceived by the Russian community, testifies to the enduring importance of the Russian, first of all, classical rhetoric. There preserved the primary systemic meaning of the analyzed word, fixed by the explanatory dictionaries of the Russian language, "the Science of Oratory". Communicatively relevant actual meanings make it possible to clarify the formed secondary meaning: rhetoric is "insubstantial public speech, characterized by excessive rigidity and aggressiveness." The reflexively evaluating perception of public speech, taking into ac-

count the scope of its functioning, mental originality, the presence / absence of the speaker's strategic attitude, allows fixing the pain points of the communicative situation at the current time.

Key words: rhetoric, systemic meaning, actual meaning, communication, aggression.

For citation:

Vepreva, I.T., Kupina, N.A. (2022), *Rhetoric: actual word in communication situation at current time. Communication Studies (Russia)*, Vol. 9, no. 3, pp. 531-546. DOI: 10.24147/2413-6182.2022.9(3).531-546. (in Russian).

About the authors:

¹ **Vepreva, Irina Trofimovna**, Prof., Professor of the Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication

ORCID: 0000-0002-2230-1985

² **Kupina, Natalia Aleksandrovna**, Prof., Professor of the Department of Russian Language, General Linguistics and Speech Communication

ORCID: 0000-0002-4154-7323

Corresponding authors:

^{1,2} Postal address: 51, Lenina ul., Yekaterinburg, 620000, Russia

¹ E-mail: irina_vepreva@mail.ru

² E-mail: nanalia_kupina@mail.ru

Received: June 1, 2022

Revised: June 28, 2022

Accepted: July 11, 2022

ПОЛЕВОЕ И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ В СВЕТЕ КОНЦЕПЦИИ И.А. СТЕРНИНА

О.С. Иссерс

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск, Россия)

Аннотация: Рассматриваются принципы и модели описания коммуникативного поведения, разработанные И.А. Стерниным, выдающимся специалистом в области коммуникативных исследований. В основу концепции И.А. Стернина положен ряд принципов, которые могут использоваться для изучения специфики общения конкретного народа, группы или личности, а также для контрастивного анализа. И.А. Стернин предложил три модели описания коммуникативного поведения: ситуативную, аспектную и параметрическую. Комплексное применение указанных приемов продемонстрировано на примере двух исследований – полевого и экспериментального. В фокусе первого исследования находится коммуникативное поведение староверов, проживающих в современной Бразилии в условиях инокультурного окружения. Материал собран автором в полевой экспедиции методом опроса и включенного наблюдения. Рассматриваются особенности коммуникативного поведения, которые определяются, с одной стороны, профессиональными нормами, а с другой – условиями проживания в инокультурной среде. В числе обсуждаемых проблем – тактики самоидентификации и самопрезентации, осмысление категории «свои – чужие», табуированные темы и др. Автор приходит к выводу, что в коммуникативном поведении преобладают не прямые, а косвенные способы выражения конфликтогенных интенций (смягченная критика, уход от оценки, эвфемизация). По отношению к доминирующему этносу эксплицируется установка на кооперативные взаимоотношения. Второе исследование проведено на материале анкетирования представителей двух национальных культур – американцев и русскоязычных студентов, обучающихся в США, но воспитанных в семьях эмигрантов из России. На основе анализа анкет был сделан ряд выводов о сходстве и отличиях американского и русского коммуникативного поведения в выбранных для изучения аспектах. Сделан вывод об актуальности исследовательских принципов и процедур, предложенных в концепции И.А. Стернина, для проведения полевых и экспериментальных исследований на разнообразном материале.

Ключевые слова: коммуникативное поведение, И.А. Стернин, модель описания коммуникативного поведения, староверы, методы коммуникативных исследований.

Для цитирования:

Иссерс О.С. Полевое и экспериментальное исследования коммуникативного поведения в свете концепции И.А. Стернина // Коммуникативные исследования. 2022. Т. 9. № 3. С. 547–563. DOI: 10.24147/2413-6182.2022.9(3).547-563.

Сведения об авторе:

Иссерс Оксана Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, декан факультета филологии и медиакоммуникации

ORCID: 0000-0003-4027-6346

Контактная информация:

Почтовый адрес: 644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а

E-mail: isserso@mail.ru

Финансирование:

Исследование проведено при финансовой поддержке гранта Санкт-Петербургского государственного университета (проект № 75254082 «Моделирование коммуникативного поведения жителей российского мегаполиса в социально-речевом и прагматическом аспектах с привлечением методов искусственного интеллекта»)

Дата поступления статьи: 01.07.2022

Дата рецензирования: 09.07.2022

Дата принятия в печать: 11.07.2022

1. Введение

Проблемы коммуникации и специфики национального коммуникативного поведения интересовали И.А. Стернина на протяжении всей его научной деятельности. Термин «коммуникативное поведение» был им впервые использован в 1989 г. в работе «О понятии коммуникативного поведения», опубликованной в Галле (ГДР) [Стернин 1989]. Там же в 1991 г. вышел «Очерк русского коммуникативного поведения», в котором автор представил методiku системного описания коммуникативного поведения в рамках отдельной национальной культуры [Стернин 1991]. В основу концепции И.А. Стернина положен ряд принципов описания коммуникативного поведения народа, группы или личности, среди которых наибольшую значимость имеет принцип системности. Он реализуется в модели описания коммуникативного поведения, которая включает вербальный и невербальный компоненты, а также социальный символизм. Принцип контрастивности предполагает сравнение определенных признаков коммуникативного поведения народа или группы по выделенным параметрам и выявление национальной специфики той или иной коммуникативной культуры. Основываясь на этом подходе, И.А. Стернин провел ряд контрастивных исследований на материале сравнения, с одной стороны,

русского, а с другой стороны – финского, американского, английского, китайского, французского, немецкого и других типов коммуникативного поведения (об этом см.: [Стернин 2008: 127]). В работах И.А. Стернина рассматриваются методы и приемы описания коммуникативного поведения представителей конкретной лингвокультуры, а также источники материала для изучения национального коммуникативного поведения [Стернин 2008: 116–125]. Особый интерес для нашего исследования представляет методика устного интервьюирования и модели описания коммуникативного поведения.

Как отмечает И.А. Стернин, методика интервьюирования наиболее эффективна при работе с инокультурными информантами, так как «гетерокультурные информанты с трудом отвечают на вопросы об общении своего народа – нет привычки наблюдать за ним и тем более анализировать и вербализовать свои наблюдения. [...] С гетерокультурными информантами эффективнее работать в форме беседы в малой группе, они часто уточняют и дополняют друг друга» [Стернин 2008: 121].

И.А. Стернин предложил три модели описания коммуникативного поведения: ситуативную, аспектную и параметрическую. Ситуативная модель предполагает описание коммуникативного поведения в рамках стандартных коммуникативных ситуаций. В аспектной модели фокус внимания задается выделенным исследователем априори аспектом. Параметрическая модель коммуникативного поведения дает возможность на основе заданной исследователем совокупности факторов, параметров и признаков описать поведение любого народа [Стернин 2008: 125]. Указанные подходы к описанию национально-культурной специфики коммуникации были использованы нами комплексно в исследованиях коммуникативного поведения староверов, проживающих в инокультурном окружении в Бразилии, и американского коммуникативного поведения.

2. Проблема описания национального коммуникативного поведения и коммуникативных норм

Нормы коммуникативного поведения являются важной регулятивной составляющей любой социальной группы. Они формируются в недрах национальной культуры, вынашиваются веками речевого общения и осмысливаются в социуме в качестве наиболее приемлемых, образцовых [Матвеева 2007: 112]. Однако при их выявлении исследователь сталкивается с тем, что систематизация фактов, касающихся специфики коммуникации в конкретном социуме, оказывается на практике весьма проблематична. Научная традиция подобных описаний находится в стадии формирования, требуют совершенствования методы и приемы изучения коммуникативного поведения, которое оказывается в фокусе интереса различных наук (см.: [Стернин 1989; Halvorson, Issers, Tollefson 2004; Андреева 2005; Павленко, Таглин 2005; Стефаненко 2006; Мацумото 2008] и др.).

Изучение коммуникативного поведения наталкивается на значительные трудности, поскольку вопрос о единстве мышления и поведения конкретного социума относится к традиционно дискуссионным. Территориальная, этническая, конфессиональная, культурная дифференциация общества весьма велика, и выделить общие нормы, признаки, характеристики, черты оказывается весьма затруднительно (см.: [Стернин 1989, 1996; Белик 2001] и др.). Описывать коммуникативное поведение народа сложно также потому, что оно проявляется в поступках и речи отдельных личностей, а их контакт с наблюдателем и исследователем во многом случаен. В то же время исследователи, не умаляя сложности проблемы, считают возможным получение достаточно обобщенного описания характера и поведения этнической группы, поскольку признают ее относительную гомогенность. Ее члены могут казаться очень непохожими друг на друга, но если сравнить их как группу, например, с группой другой национальности, то станет понятно, что определенные образцы поведения наиболее характерны для одних, в то время как иные – для других [Белик 2001; Андреева 2004; Martin, Nakayama 2004; Мацумото 2008].

Изучение речевого поведения в аспекте принятых в сообществе коммуникативных норм целесообразно начать с тех ситуаций взаимодействия, которые наиболее ярко репрезентируют этнический, этический, культурологический компоненты группового сознания. В этом случае продуктивной оказывается ситуативная модель описания, предложенная И.А. Стерниным. Описание типовых стратегий и тактик, маркированных по ситуативным параметрам, позволяет составить представление о специфике коммуникативного поведения рассматриваемой группы в целом.

В связи со сказанным анализ целесообразно сфокусировать на доминантных стратегиях коммуникативного поведения, поскольку именно доминантные черты, т. е. наиболее яркие, проявляющиеся в большинстве ситуаций общения членов изучаемого социума, могут быть выделены с достаточной достоверностью. Это может быть обнаружено по тематическому репертуару и коммуникативным табу, по специфике речевых актов, по соотношению эксплицитных и имплицитных компонентов, речевым стратегиям и т. д. (обзор исследований этих факторов см.: [Мацумото 2008]).

Ниже представлены два исследования, полевое и экспериментальное, базирующиеся на подходе и методах описания коммуникативного поведения, предложенных в концепции И.А. Стернина.

3. Изучение коммуникативного поведения староверов, проживающих в Бразилии

В социальной психологии и антропологии не раз отмечалась значимость этноса как стабильного сообщества, которое обеспечивает для индивида ценностно-ориентационную и защитную функции. Однако этнос – не единственная группа, принадлежность к которой индивидуум осознаёт как опору в жизни. Имеются социальные группы, которые лучше, чем со-

временные этносы, регулируют и упорядочивают жизнь и всю деятельность человека от рождения до смерти [Стефаненко 2006]. Культуры таких групп ориентированы на предков и традиции. Американский этнолог Маргарет Мид назвала их постфигуративными. По ее мнению, постфигуративная культура – «это такая культура, где каждое изменение протекает настолько медленно и незаметно, что деда, держа на руках новорожденных внуков, не могут представить для них никакого другого будущего, отличного от их собственного прошлого. [...]» Ответы на вопросы «Кто я? Какова суть моей жизни как представителя моей культуры? Как я должен говорить, двигаться, есть, спать, любить, зарабатывать на жизнь, встречать смерть?» – считаются предрешенными» [Мид 1988: 322–325].

В отличие от описанных выше, в других культурах (кофигуративных, по М. Мид) моделью поведения для людей оказывается поведение их современников. На примере анализа жизни иммигрантов М. Мид показывает, что новые условия проживания обуславливают новые методы воспитания. В этой ситуации референтными, значимыми для младшего поколения являются не взрослые, в том числе родители, а сверстники [Мид 1988: 342]. Но при этом разрыва поколений всё же не происходит, поскольку всегда остаются слои культуры, позволяющие человеку осознавать свою принадлежность к этнической, конфессиональной общности. Как отмечают исследователи, всё больше людей стремятся преодолеть оторванность от своих корней, склонны искать поддержку и защиту в стабильных ценностях предков [Росс, Нисбетт 1999: 326].

Перечисленные выше причины определяют исследовательский интерес к относительно закрытым сообществам, которые на протяжении столетий сохраняют не только язык, но и религию и обычаи предков, ориентируются на коммуникативные нормы, усвоенные «с молоком матери». Главным образом эти традиции поддерживаются в условиях внутрикультурной коммуникации, но они транслируются и в ситуациях межкультурного общения. К таким этнически и конфессионально ограниченным группам относятся русские староверы, пережившие ряд переселений с исторической родины и оказавшиеся в середине прошлого века в США, Австралии, Новой Зеландии, Латинской Америке (Бразилия, Аргентина, Уругвай, Боливия) [Русские старообрядцы 2008; Rownowa 2010; Ровнова 2022].

Старообрядцы Южной Америки, проживающие в Аргентине, Боливии, Бразилии и Уругвае, относятся к беспоповскому часовенному согласию. Они связаны тесными конфессиональными и родственными связями друг с другом, а также со старообрядцами Северной Америки и Австралии. Бразилия стала страной, принявшей наибольшее число старообрядцев-эмигрантов в конце 1940-х – 1950-х гг. (подробнее об истории их переселения см.: [Ровнова 2022: 26–28]).

В коммуникативном поведении староверов, проживающих в инокультурном окружении, сохраняются традиции, сложившиеся под влия-

нием религиозной этики. Их изучение позволяет обнаружить не только свойственные данной культуре социальный опыт и историческую память, но и неcodифицированные нормы речевого поведения.

3.1. Методика сбора и описания материала

Материалы исследования получены в ходе комплексной экспедиции «Язык, певческая культура, экономическая деятельность старообрядцев Южной Америки (Бразилия)», состоявшейся в 2010 г. при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)¹. Проводилась ручная и магнитофонная запись бесед с информантами. Впоследствии выполнена паспортизация и частичная расшифровка с учетом поставленных задач.

Семейный уклад и языковая ситуация в старообрядческих общинах Южной Америки подробно описаны в работах О.Г. Ровновой ([Ровнова 2010, 2022] и др.). Ею отмечены такие качества старообрядцев, как доброжелательность, приветливость, гостеприимство, искренность, что находит проявление и в общении с «чужими», несмотря на традиционную закрытость сообщества. «Что человек приехал – мы должны его принять всё равно: человек есть человек» (цит. по: [Ровнова 2022: 33]).

Немалый интерес в аспекте рассматриваемой проблематики представляют наблюдения за коммуникативным поведением лингвокультурной общности старообрядцев Горного Алтая [Никонова, Толстых, Куликова 2014]. Так, Л.И. Толстых анализирует нормы речевого поведения, закрепленные в пословицах и поговорках старообрядцев Уймонской долины: по ним можно судить о требованиях к речи, отношении народа к красноречию, об этических нормах общения, особенностях речевого поведения в определенных коммуникативных ситуациях и др. Исследователь отмечает, что в старообрядческой общине существуют общие правила коммуникативного поведения – вежливость, сдержанность, умеренность, – но помимо них есть особенности, характеризующие ту или иную лингвокультурную общность, что и отражается в системе паремий старообрядцев Уймонской долины. Так, по мнению Л.И. Толстых, особенностью их речевого поведения является то, что в нем нет жесткой системы правил. На это указывает наиболее распространенная форма пословиц – наставления [Никонова, Толстых, Куликова 2014: 60–62].

Коммуникативное поведение старообрядцев в условиях инокультурного окружения еще не было предметом научного осмысления.

В целях проведения направленного наблюдения по методике ситуативной модели И.А. Стернина был разработан опросный лист для интервьюирования информантов. Однако в ходе опроса исследователь нередко сталкивался с тем, что староверы не всегда благожелательно относятся к организованным по плану формализованным расспросам, что обусловлено закрытостью сообщества, настороженностью по отношению к

¹ Использован материал первой публикации: [Иссерс 2012].

«ученым». Более эффективным в плане получения информации являлось непринужденное общение, когда актуальные для исследования вопросы были включены в разговор в рамках свободной беседы. Поэтому их последовательность, полнота ответов и формулировка варьировались. Тем не менее содержание беседы контролировалось исследователем в рамках поставленных задач. В частности, обсуждались следующие аспекты коммуникативного поведения: речевой этикет (обращения, контактоустанавливающие фразы, поведение в типовых этикетных ситуациях); речевые табу, допустимость бранной лексики; тематические табу (применительно к разным группам – мужчинам, женщинам, детям); речевые стратегии (убеждение, стимуляция поощрением / наказанием, утешение); такт и тактичность (в частности, допустимость отрицательной оценки поведения детей, членов семьи, знакомых и «чужих»); стратегия самопрезентации (самоназывание и др.); способы выражения отрицательных / положительных эмоций; баланс между искренностью и тактом; экспликация в речи отношения к «чужим».

После окончания беседы исследователь заполнял опросный лист по памяти, контролируя себя по магнитофонным записям. При этом в интервью с конкретными информантами не все запланированные для обсуждения темы оказывались реализованными в силу ряда коммуникативных причин: разговоры имели разную продолжительность и ситуативную логику, информант мог уклониться от ответа, разговор на предложенную тему не вписывался в общее развитие диалога и т. д. Таким образом, репрезентативность выборки по каждому из пунктов может отличаться.

3.2. Результаты и обсуждение

Наибольший интерес в аспекте выявления коммуникативных особенностей представляют речевые стратегии и тактики в **ситуациях коммуникативного риска**. К ним относится поведение в конфликтогенных ситуациях (критика, обвинение и оправдание, оценка «чужих» через призму своей культуры и т. д.), которые наиболее ярко демонстрируют специфику коммуникативных норм исследуемой группы. Так, наблюдения показали, что в общении староверов с малознакомыми людьми (в частности, членами экспедиции), несмотря на закрытость старообрядцев, присутствует критика «своих» – в частности, близких и дальних родственников, единоверцев. Ее диапазон охватывает не только случаи негативно оцениваемого поведения в конкретных ситуациях, но и общие правила жизни:

- (О харбинцах) *Они охотились большинство, а землю работать не любят.* (С. И.)¹
- *Русские девушки невежливые, здесь их называют бруто – грубые, необразованные.* (С. И., сравнивая русских и бразильских девушек.)

¹ Здесь и далее данные об информантах представлены инициалами.

• (О сыне) *Он стал миллионер. В Бога не верит, бразильянин стал. Постов не держит, в молельню не ходит. Другой есть такой же... ..Со мной проработал 4 года, а потом... поведенье маненько запутанно... С шурином обокрал казну.* (С. И.)

• (О муже сестры) *А он-то пьяница, выпивоха.* (Ф. К.)

Однако критика своих допускается до определенного предела и может блокироваться самими участниками беседы: *Ты что про сноху-то так! Грех же.* (Ф. А.)

Концепт греха, являющийся одним из базовых в структуре сознания староверов, актуален и для оценки ситуации критики: *Я не хочу говорить то, что нету. Что правда, то не грех. Неужели человек не имеет кредиту на слово? Нет надежды на этого человека.* (П. И.)

Урегулирование конфликтной ситуации – межконфессионального брака (речь идет о браке сына с бразильской девушкой) – также основывается на фактах, а не на эмоциях, с явной установкой на поиски компромисса. Рассказывая об отношениях со снохами-бразильянками, информант замечает: *Есть проблемы, но их как-нибудь утопчешь, уладишь.* (К. Р.)

В характеристике коммуникативного поведения одной из задач являлось изучение **стратегии самопрезентации** членов старообрядческой общины. В этом плане интерес представляют женские речевые тактики, репрезентирующие заниженную самооценку:

• *Живу-то как-то все с ошибками.* (Е. И.)

• *Такая я страшная была, такая рябая.* (Ф. А.)

• *Я вообще такая никчemuшная... Никогда не умею ничо говорить, не помню.* (Ф. А.)

К стратегии самопрезентации можно отнести частотную в коммуникативном поведении староверов самоиронию. В собранном материале она чаще была представлена в мужском речевом поведении:

• *Я тоже такой фанатик... один из искателей.* (С. И.)

• *Я 6 лет азбуку учил, а внуки мои за один год.* (Д. Р.)

• *Я много девочек искал... Одних заденешь, других заденешь... У меня такой вкус характера. В разговоре тоже... я болтоязыкий <...> Что попало говорю.* (К. Р.)

Дополнительную информацию о стратегии самопрезентации дают наблюдения за **речевыми тактиками извинения** – прямого и косвенного:

• Участники экспедиции – пожилой женщине – хозяйке: – *А мы вам подарок привезли! (Дарят платок.)*

– *Да я его не заслужила. Стол не накрывала, не угощала...* (Е. И.)

• (Хозяйка накрывает обильное угощение) – *Извините, я готовить не умею.* (Е. П.)

• (Хозяева задержались с обедом) – *Мы сегодня вас иззаморим!* (О. О.)

• *Вы извините. Я плохо говорю по-русски.* (Е. Н.)

• (О правильности речи) *Я уже наверно спутался несколько раз.* (И. К.)

В беседах со староверами обнаруживается осмысление принципов и правил общения применительно к передаче опыта родителей детям. Коммуникативные нормы поведения основаны на принципах вероучения и народной этики:

- (Детей обучают поведению за столом) *Разговаривать за столом не должно, хохотать нельзя, ногами болтать нельзя. Это что беса качаете.* (Ф. О.)

- *Даже если он тебе ненавистен, обидеть нельзя. Обойтись по-человечески надо.* (В. К.)

- *Главное в разговоре – чтобы человечество было.* (К. Р.)

Этика староверов не позволяет обсуждать чужие грехи, и это проявляется, в частности, в тактике ухода от оценки чужих проступков, например при обсуждении ситуации, когда муж ушел от жены: *Как говорится в Писании, глубина морская.* (О. О.)

Ссылка на Писание нередко является частным приемом убеждения и экспликации норм поведения, например о раннем замужестве: *Если подходят, то не додержи, отдай. А если не подходят, то... Так в Писании сказано.* (К. Р.)

Проживание староверов в инокультурном окружении в значительной степени определяет интерес к самоидентификации, которая обнаруживается как в прямых номинациях (*я русский, у меня кровь русская, мы русские бразильяне, мы по-староверски*), так и в косвенных приемах самоподачи: *Я запустил политику, что я еду в Россию. Лично еду, своевольно, чтобы кормить хлебом русский народ. Я умею это делать... Это родина, это община моих отцов. У меня кровь русская.* (Д. Р.)

Ключевыми для самоидентификации являются понятия крови, веры и языка:

- *Русский человек, кровь русская.* (К. Р.)

- *Они ее (китайнку. – О. И.) окрестили по-своему. Она считается наша, русская.* (Е. П.)

Сохранение русского языка в условиях мощного воздействия иноязычной культуры является важным фактором осознания идентичности старообрядцев [Ровнова 2022: 46–57]. Рефлексия по поводу значимости русского языка является неотъемлемой частью сознания староверов и проявляется как в их собственном выборе речевого кода, так и в регуляции поведения детей:

- *Приедут со школы (внуки. – О. И.) и все по-бразильски. Только толкают языки. Я им: ну-ка, щас же по-русски.* (К. Р.)

- *Внучата говорят по-русски, я ни с кем не говорю по-бразильски.* (Г. К.)

- *Нам кажется <...> не должны все равно свой язык забывать.* (И. К., ее муж.)

- *– А с друзьями говорят по-русски? – Чаще по-бразильски. Их пуще затягивает тот язык. Перескочат, уже разговаривают по-бразильски.* (Г. К.)

• *Меня интересует пуще по-русски научиться. Я где услышу, что книжка русская, занимаю, читаю.* (М. Р.)

Специфическая самоидентификация староверов проявляется в их рассуждениях о новой родине: *Бразилия – самая свободная страна в мире. Мыслию по-русски, но я бразильянин уже давно.* (Д. Р.)

Нормы межкультурного взаимодействия староверов с иными этносами нередко являются предметом их рефлексии: *Если ты им на вред ничо не делал, то все с тобой разговаривают. Я люблю этот народ. В Бразилии жил. С бразильянами тоже. Они все меня любили, и я с ними разговаривал, как с братьями.* (К. Р.)

Агрессия на основе ксенофобии оценивается староверами как факт индивидуального, а не социального поведения: *Бывает какой найдется, что скажет: цыганы идут или что... Здесь мы дома. А куда едем, там на нас смотрят, как на ворон. Просто на одежду смотрят.* (Д. К.)

На этом коммуникативном фоне староверы, побывавшие в России, обращают внимание на речевую агрессию, свойственную, по их мнению, россиянам. Было записано несколько рассказов староверов, посетивших Россию за последние годы, в которых присутствует резко негативная оценка коммуникативного поведения русских. В данном случае, как и в описанных выше, исследователь получает материалы, которые могут быть базой для применения контрастивного принципа анализа коммуникативного поведения, в концепции И.А. Стернина. Например, о продавце киоска: *У нас таких на цепи, как собак, держат, а здесь они торгуют.* (Д. Р.)

Толерантность, свойственная коммуникации с «чужими», проявляется и в отношении веры. На вопрос о различиях их и православной веры последовал ответ: *Тебе не понять – не спрашивай. Тебе объяснять, затронуть надо православных. А я не хочу никого разбирать. Бог разберет, как умрем. К Богу дорога одна, но разные тропинки.* (С. И.)

Следует отметить, что использование метафор для смягчения нежелательного собеседнику ответа – распространенная тактика в речи староверов.

Анализ материалов позволяет определить **тематический репертуар**, типичный для непринужденного общения, а также полностью или частично табуированные темы. К последним можно отнести вопросы веры, секса, деторождения. В разговорах с детьми на тему деторождения, например, популярен миф о том, что детей ловят в речке, поэтому о помощи роженице говорят: *Я ее ребенка ловила* (т. е. участвовала в родовспоможении).

К сфере этических ограничений можно отнести **эвфемизацию** отдельных понятий – умственной отсталости, сексуальных отношений, полноты:

• *У них сын такой, маленько потерянный* (жест рукой у головы). *Недостача...* (Ф. К.)

- *Пожил тут и схлестнулся с этой бразилухой...* (К. Р.)
- (О пополневшей женщине) *Хорошо справилась!* (Ф. А.)

Таким образом, собранные материалы дают возможность определить особенности коммуникативного поведения староверов, которые имеют характер некодифицированных коммуникативных норм. К ним можно отнести типичные для женщин приемы самоподачи с заниженной самооценкой, косвенного упрека, смягченной критики, табуированные темы. Уточнены представления о речевом этикете и категории вежливости, свойственные староверам. Материал позволяет судить о репрезентации в речевом общении категории «свои – чужие» и толерантном отношении к представителям «титальной» нации. В то же время в семейной коммуникации в случаях межконфессиональных браков, как правило, наблюдается доминирование религиозных принципов жизни староверов. В условиях проживания в старообрядческой общине это проявляется в отказе инокультурного партнера от своей веры. С точки зрения сохранения социокультурной идентичности данного сообщества в окружении носителей другого языка и культуры данное положение выглядит вполне закономерным.

4. Сравнительное исследование американского и русского коммуникативного поведения методом анкетирования

Этнокультурная специфика коммуникативного поведения подтверждается многочисленными исследованиями И.А. Стернина. Контрастивное изучение коммуникации может осуществляться в нескольких аспектах. Наиболее разработанным является лингводидактический аспект, связанный с описанием различий в этикете, поведением в стандартных коммуникативных ситуациях, особенностями невербального общения [Chen, Starosta 1998; Dodd 1998; Samovar, Porter 2003; Martin, Nakayama 2004]. Однако интерес к различиям в коммуникативном поведении носителей отдельных лингвокультур этим не ограничивается. В задачи контрастивного эксперимента, проведенного в США в 2003–2004 гг., входило выявление следующих релевантных для контрастивного описания коммуникативного поведения представителей американской и русской культур аспектов: 1) тематика общения, в том числе тематические табу; 2) поведение в культурно значимых ситуациях (прием гостей, общение с иностранцами); 3) возрастные и гендерные особенности коммуникации; 4) манера общения и речевой этикет.

4.1. Метод и материал

Разработка анкеты проходила в два этапа. На первом была сформирована фокус-группа, состоящая из 10 россиян, проживающих в США или приехавших в качестве студентов по обменным программам, и 10 американцев. С участниками этих групп обсуждались вопросы, касающиеся не-

которых особенностей коммуникативного поведения, актуальных для контрастивного исследования. Например:

- *С незнакомыми людьми Вы обычно не говорите: о проблемах со здоровьем, личной жизни, о политике и т. д.?*

- *В общении с незнакомыми людьми (например в транспорте, супермаркете) принято или не принято сделать комплимент, заговорить с чужим ребенком, дать совет, сделать замечание и т. д.?*

- *О чем не принято просить: коллегу – подвезти до дома; дать на время попользоваться какой-то вещью; сделать что-то для Вас попутно (купить, оплатить)?*

На основе бесед с информантами были сделаны общие наблюдения о стилях общения и обычаях каждой лингвокультуры.

На втором этапе на основе контрастивного анализа высказываний информантов о замеченных ими особенностях коммуникативного поведения представителей своей и чужой культуры была разработана анкета.

Анкета включала четыре аспекта, связанных с ситуациями общения и социальными нормами (приличиями): 1) границы любопытства в общении с незнакомыми людьми; 2) общение знакомых людей; 3) учет возрастных и гендерных факторов в общении со знакомыми; 4) этикет и социальные нормы общения, в том числе в социальных сетях.

Анкета из 29 вопросов была предложена 60 англоговорящим студентам Государственного университета Штата Флорида (Florida State University), которые не имели прямого контакта с носителями русского языка и знакомства с русской культурой. Отборочные критерии: респонденты говорили по-английски и были воспитаны родителями-американцами, говорящими по-английски.

Вторая группа информантов была сформирована из русскоязычных молодых людей – студентов американских университетов и колледжей, говорящих по-английски, родившихся в России, воспитанных родителями, говорившими по-русски, что обуславливает их прямое знакомство с русской культурой и языком (46 человек). В общей сложности были опрошены 106 информантов¹.

4.2. Результаты и обсуждение

В качестве примера приведем группу вопросов, ориентированных на выявление границ тематической свободы и тематических табу. В каждой культуре существуют приемлемые и неприемлемые темы, особенно в общении с незнакомыми. В частности, есть несколько тем, неприемлемых в американской культуре: это финансовые вопросы (*Сколько зарабатываешь?*); секс, расовые и религиозные вопросы. О собственных доходах американцы могут сказать: «Эта работа дает мне приличные деньги». За пределами офиса неуместны разговоры о работе, популярные у росси-

¹ Первая публикация результатов исследования: [Halvorson, Issers, Tollefson 2004].

ян. У американцев, работающих в университетах, в кругу коллег неуместны фривольные анекдоты, обсуждение начальства, квалификации коллег, тем более персоналий студентов. Примеры вопросов, которые могут быть восприняты как неуместные, нарушающие границы прайвеси: *Сколько Вы платите за дом? У Вас есть университетский диплом? Вы планируете завести детей? Какую религию Вы исповедуете?*

В первой группе вопросов, нацеленных на выяснение границ любопытства в общении с незнакомыми людьми, студенты обеих групп дали почти одинаковые ответы. Однако вопросы, касающиеся этнической принадлежности, акцента, продемонстрировали различие между двумя культурами. В частности, вопрос: *Откуда у вас такая фамилия / акцент?* – представляется допустимым / приличным 85 % американцев и 50 % русских. Это объясняется, с одной стороны, особенностями формирования американской нации по принципу «плавильного котла», а с другой – возможной пресуппозицией вопроса в русскоязычной аудитории, где не редкость бытовой антисемитизм (*Вы не русский? А не еврей ли Вы?*).

На основе анализа анкет был сделан ряд выводов о сходстве и отличиях американского и русского коммуникативного поведения в выбранных для изучения аспектах (аспектная модель, по И.А. Стернину). Коммуникативные нормы в американской и российской лингвокультурах во многом оказались схожими. Однако обнаружено существенное различие между двумя культурами в следующих областях: а) русские реже, чем американцы, обсуждают свою этническую принадлежность в публичных ситуациях; б) русские более вежливы (осторожны), чем американцы, в ситуациях коммуникативного риска; в) русские более искренни в выражении мнений, чем их американские коллеги.

5. Заключение

Концепция И.А. Стернина, в которой предложены принципы и модели описания коммуникативного поведения, является актуальной для решения разнообразных задач изучения специфики общения представителей различных социальных групп и национальных культур, а также для анализа сходств и различий в коммуникативных культурах и стилях. Разработанные И.А. Стерниным исследовательские принципы и процедуры позволяют провести полевые и экспериментальные исследования на разнообразном материале и построить комплексное описание коммуникативного поведения отдельных социальных групп, народов и этносов.

Список литературы

- Андреева Г.М. Психология социального познания. М.: Аспект Пресс, 2005. 301 с.
Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Аспект Пресс, 2004. 208 с.
Белик А.А. Культура и личность: Психологическая антропология. Этнопсихология. Психология религии. М.: УРСС, 2001. 378 с.

- Иссерс О.С.* Стратегии речевого поведения староверов Бразилии в аспекте профессиональных и коммуникативно-этических норм // Вопросы культуры речи. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2012. С. 344–353.
- Лич Э.* Культура и коммуникация: Логика взаимосвязи символов. М.: Восточная литература, 2001. 141 с.
- Матвеева Т.В.* Коммуникативная стратегия влияния на собеседника в аспекте культуры речи // Вопросы культуры речи. М.: Наука, 2007. Вып. 9 / ред. А.Д. Шмелев. С. 110–126.
- Мацумото Д.* Человек, культура, психология. Удивительные загадки, исследования, открытия. СПб.: Прайм Еврознак, 2008. 688 с.
- Мид М.* Культура и мир детства: избр. произведения. М.: Наука, 1988. 429 с.
- Никонова Т.Н., Толстых Л.И., Куликова Н.А.* Коммуникативная культура старообрядцев Горного Алтая. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2014. 104 с.
- Павленко В.Н., Таглин С.А.* Общая и прикладная этнопсихология. М.: Аспект Пресс, 2005. 483 с.
- Ровнова О.Г.* Старообрядцы Южной Америки: очерки истории, культуры, языка. 2-е изд. М: Издательский дом ЯСК, 2022. 608 с.
- Росс Л., Нисбетт Р.* Человек и ситуация. Перспективы социальной психологии. М.: Аспект Пресс, 1999. 429 с.
- Русские старообрядцы: язык, культура, история: сб. ст. к IV Междунар. съезду славистов / отв. ред. Л.Л. Касаткин. М.: Языки славянских культур, 2008. 608 с.
- Стернин И.А.* Теоретические и прикладные проблемы языкознания: избр. работы. Воронеж: Истоки, 2008. 595 с.
- Стернин И.А.* Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // Этнокультурная специфика языкового сознания. М.: Наука, 1996. С. 97–112.
- Стернин И.А.* Очерк русского коммуникативного поведения. Галле, 1991. 61 с.
- Стернин И.А.* О понятии коммуникативного поведения // Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung. Halle, 1989. С. 279–282.
- Стефаненко Т.Г.* Этнопсихология: учеб. для вузов. М.: Аспект Пресс, 2006. 184 с.
- Chen G.M., Starosta W.J.* Foundations of intercultural communication. Boston: Allyn and Bacon, 1998. 352 p.
- Dodd C.H.* Dynamics of intercultural communication. 5th ed. Boston, Massachusetts: McGraw Hill, 1998. 289 p.
- Halvorson S., Issers O., Tollefson B.* A Cross Cultural Study of American and Russian Proprieties in Communication // The National Communication Association Conference. Chicago, IL, 2004. P. 302–312.
- Martin J.N., Nakayama T.K.* Intercultural communication in contexts. 3rd ed. Boston: McGraw Hill, 2004. 434 p.
- Rownowa O.G.* “Poliglodzi mimo woli”: sytuacja językowa w gminach staroobrzędowców Ameryki Południowej // Staroobrzędowcy za granicą / red. S. Grzybowski, M. Głuszkowski. Toruń: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Mikołaja Kopernika, 2010. S. 156–168.
- Samovar L.A., Porter R.E.* Intercultural communication: A reader. 10th ed. California: Wadsworth, 2003. 483 p.

References

- Andreeva, G.M. (2005), *Psikhologiya sotsial'nogo poznaniya* [Psychology of social cognition], Moscow, Aspekt Press publ., 301 p. (in Russian).
- Andreeva, G.M. (2004), *Sotsial'naya psikhologiya* [Social psychology], Moscow, Aspekt Press publ., 208 p. (in Russian).
- Belik, A.A. (2001), *Kul'tura i lichnost': Psikhologicheskaya antropologiya. Etnopsikhologiya. Psikhologiya religii* [Culture and personality: Psychological anthropology. Ethnopsychology. Psychology of religion], Moscow, URSS publ., 378 p. (in Russian).
- Chen, G.M., Starosta, W.J. (1998), *Foundations of intercultural communication*, Boston, Allyn and Bacon publ., 352 p.
- Dodd, C.H. (1998), *Dynamics of intercultural communication*, 5th ed., Boston, Massachusetts, McGraw Hill publ., 289 p.
- Halvorson, S., Issers, O.S., Tollefson, B. (2004), A Cross Cultural Study of American and Russian Proprieties in Communication. *The National Communication Association Conference*, Chicago, IL, pp. 302-312.
- Issers, O.S. (2012), Strategii rechevogo povedeniya staroverov Brazili v aspekte konfessional'nykh i kommunikativno-eticheskikh norm [Strategies of speech behavior of the Old Believers of Brazil in terms of confessional and communicative-ethical norms]. *Voprosy kul'tury rechi* [Issues of Speech Culture], Moscow, AST-PRESS KNIGA publ., pp. 344-353. (in Russian).
- Kasatkin, L.L. (ed.) (2008), *Russkie staroobryadtsy: yazyk, kul'tura, istoriya* [Russian Old Believers: language, culture, and history], Collected articles of the IV International Congress of Slavists, Moscow, Yazyki slavyanskikh kul'tur publ., 608 p. (in Russian).
- Leach, E.R. (1976), *Culture & communication: the logic by which symbols are connected: an introduction to the use of structuralist analysis in social anthropology*, Cambridge, New York, Cambridge University Press, 105 p.
- Martin, J.N, Nakayama, T.K. (2004), *Intercultural communication in contexts*, 3rd ed., Boston, McGraw Hill publ., 434 p.
- Matsumoto, D. (2008), *Culture and psychology*, St. Petersburg, Praim Evroznak publ., 688 p. (in Russian).
- Matveeva, T.V. (2007), Kommunikativnaya strategiya vliyaniya na sobesednika v aspekte kul'tury rechi [Communicative strategy of influence on the other person in terms of speech culture]. Shmelev, A.D. (ed.) *Voprosy kul'tury rechi* [Issues of Speech Culture], Iss. 9, Moscow, Nauka publ., pp. 110-126. (in Russian).
- Medd, M. (1988), *Kul'tura i mir detstva* [Culture and the world of childhood], selected works, Moscow, Nauka publ., 429 p. (in Russian).
- Nikonova, T.N., Tolstykh, L.I., Kulikova, N.A. (2014), *Kommunikativnaya kul'tura staroobryadtsev Gornogo Altaya* [Communicative culture of the Old Believers of Gorny Altai], Gorno-Altai, Gorny Altai State University publ., 104 p. (in Russian).
- Pavlenko, V.N, Taglin, S.A. (2005), *Obshchaya i prikladnaya etnopsikhologiya* [General and applied ethnopsychology], Moscow, Aspekt Press publ., 483 p. (in Russian).
- Ross, L., Nisbett R.E. (1999), *The person and the situation. Perspectives of social psychology*, Moscow, Aspekt Press publ., 429 p. (in Russian).

- Rovnova, O.G. (2022), *Staroobryadtsy Yuzhnoi Ameriki* [Old Believers of South America], essays on history, culture, and language, 2nd ed., Moscow, YaSK publ., 608 p. (in Russian).
- Rownowa, O.G. (2010), "Poligloci mimo woli": sytuacja językowa w gminach staroobrzędowców Ameryki Południowej. Grzybowski, S., Głuszkowski, M. (eds.) *Staroobrzędowcy za granicą*, Toruń, Nicolaus Copernicus University publ., pp. 156-168. (in Polish).
- Samovar, L.A., Porter, R.E. (2003), *Intercultural communication*, A reader, 10th ed., California, Wadsworth publ., 483 p.
- Stefanenko, T.G. (2006), *Etnopsikhologiya* [Ethnopsychology], Textbook, Moscow, Aspekt Press publ., 184 p. (in Russian).
- Sternin, I.A. (2008), *Teoreticheskie i prikladnye problemy yazykoznanija* [Theoretical and applied problems of linguistics], Selected works, Voronezh, Istoki publ., 595 p. (in Russian).
- Sternin, I.A. (1996), Kommunikativnoe povedenie v strukture natsional'noi kul'tury [Communicative behavior in the structure of national culture]. *Etnokul'turnaya spetsifika yazykovogo soznaniya* [Ethnocultural specificity of linguistic consciousness], Moscow, Nauka publ., pp. 97-112. (in Russian).
- Sternin, I.A. (1991), *Ocherk russkogo kommunikativnogo povedeniya* [Essay on Russian communicative behavior], Halle, 61 p. (in Russian).
- Sternin, I.A. (1989), O ponyatii kommunikativnogo povedeniya [On the concept of communicative behavior]. *Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung*, Halle, pp. 279-282. (in Russian).

FIELD AND EXPERIMENTAL STUDIES OF COMMUNICATIVE BEHAVIOR IN THE LIGHT OF THE PROF. STERNIN'S CONCEPT

O.S. Issers

Dostoevsky Omsk State University (Omsk, Russia)

Abstract: The principles and models for describing communicative behavior developed by I.A. Sternin, an outstanding specialist in the field of communication studies are studied. The concept of I.A. Sternin based on a number of principles can be used to study the specifics of communication of a particular nation, group or individual, as well as for contrastive analysis. I.A. Sternin proposed three models for describing communicative behavior: situational, aspectual, and parametric. The complex application of these techniques is demonstrated on the example of two researches – in the field and experimental. The focus of the first research is the communicative behavior of the Old Believers living in modern Brazil in a foreign cultural environment. The material was collected by the author during a field expedition by the method of questioning and participant observation. The features of communicative behavior are considered, which are determined, on the one hand, by confessional norms, and, on the other hand, by living conditions in a foreign cultural environment. Among the problems discussed are tactics of self-identification and self-presentation, understanding the category of “friend or foe”, taboo topics, etc.

The author comes to the conclusion that indirect ways of expressing conflict-generating intentions prevail in communicative behavior (softened criticism, avoidance of evaluation, euphemizing). In relation to the dominant ethnic group the attitude towards cooperative relations is explicated. The second research was conducted based on the material of a survey of representatives of two national cultures – Americans and Russian-speaking students studying in the United States, but brought up in the families of emigrants from Russia. Based on the analysis of the questionnaires, a number of conclusions were made about the similarities and differences between American and Russian communicative behavior in terms of selected for research. We drew the conclusion about the relevance of the research principles and procedures proposed in the Prof. Sternin's concept for field and experimental studies on a variety of materials.

Key words: communicative behavior, I.A. Sternin, model for describing communicative behavior, Old Believers, methods of communicative research.

For citation:

Issers, O.S. (2022), Field and experimental studies of communicative behavior in the light of the Prof. Sternin's concept. *Communication Studies (Russia)*, Vol. 9, no. 3, pp. 547-563. DOI: 10.24147/2413-6182.2022.9(3).547-563. (in Russian).

About the author:

Issers, Oxana Sergeevna, Prof., Dean of the Faculty of Philology and Media Communication

ORCID: 0000-0003-4027-6346

Corresponding author:

Postal address: 55a, Mira pr., Omsk, 644077, Russia

E-mail: isserso@mail.ru

Acknowledgments:

The presented research was supported by Saint Petersburg State University, project No. 75254082 “Modeling of Russian megalopolis citizens' communicative behavior in social, speech and pragmatic terms using artificial intelligence methods”

Received: July 1, 2022

Revised: July 9, 2022

Accepted: July 11, 2022

САМОВЫРАЖЕНИЕ В РАЗНЫХ ТИПАХ ДИСКУРСА

В.И. Карасик

*Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина
(Москва, Россия)*

Аннотация: Рассматривается самовыражение в общении, понимаемое как разновидность коммуникативной функции языка. Самовыражение специфически проявляется в разных типах дискурса. Предлагается выделить три типа самовыражения – произвольное, намеренное и завуалированное. Первый тип прослеживается во всех типах дискурса, в максимальной мере такое коммуникативное поведение присуще обиходному общению, в минимальной – политическому (и другим типам коммуникации, предполагающим высокую ответственность за сказанное). Второй тип состоит в построении и продвижении своего имиджа, такие имиджи соответствуют определенным психотипам личностей и аффилиации этих личностей с той или иной организацией. В общении часто размывается грань между произвольным, якобы произвольным и намеренным самовыражением. Третий тип представляет собой осложненную разновидность намеренной самопрезентации и отличается от произвольного и намеренного предъяснения себя в общении тем, что является двуплановым типом коммуникации и в этом отношении может рассматриваться как разновидность манипуляции.

Ключевые слова: самовыражение, коммуникация, дискурс, произвольное самовыражение, намеренное самовыражение, завуалированное самовыражение.

Для цитирования:

Карасик В.И. Самовыражение в разных типах дискурса // Коммуникативные исследования. 2022. Т. 9. № 3. С. 564–574. DOI: 10.24147/2413-6182.2022.9(3).564-574.

Сведения об авторе:

Карасик Владимир Ильич, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и русского языкознания

Контактная информация:

Почтовый адрес: 117485, Россия, Москва, ул. Академика Волгина, 6

E-mail: vkarasik@yandex.ru

Дата поступления статьи: 27.06.2022

Дата рецензирования: 30.06.2022

Дата принятия в печать: 11.07.2022

*Памяти Иосифа Абрамовича Стернина,
замечательного лингвиста и дорогого друга*

Постановка проблемы

В работах профессора И.А. Стернина отчетливо прослеживается его живой интерес к проблемам коммуникативной лингвистики [Стернин, 2008, 2017, 2020, 2021; Стернин, Камбаралиева 2018]. Эта проблематика раскрывается в изучении языкового сознания и коммуникативного поведения. К числу ключевых вопросов лингвистики относится определение функций языка и способов выражения этих функций. В научной литературе обычно противопоставляются позиции сторонников монофункционального и полифункционального подходов к пониманию сущности языка, в первом случае речь идет о признании коммуникативной функции в качестве единственной, во втором – о многоаспектном понимании назначения языка, включающем общение, обобщение, выразительность, поддержание контакта с адресатом, раскрытие потенциала языкового кода и др. [Бюлер 1993; Болдырев 2018; Леонтьев 1969; Пазухин 1979; Соломоник 2002; Якобсон 1975; Halliday 1975]. Фактически в этой полемике речь идет о понимании функции как использования либо предназначенности языка и о приоритетности определения функций и их разновидностей. В данной работе предлагается характеристика одной из частных коммуникативных функций (субфункций) – самовыражения. Автор разделяет полифункциональное понимание языка, исходя из принципа дополнительности, по В. Гейзенбергу: разные подходы к объекту изучения приводят к выделению разных характеристик этого объекта, несводимых друг к другу, поскольку мир многопричинен и многовариантен.

Теоретические основания анализа

Общая схема языковых функций может быть представлена как триада, включающая коммуникативную, когнитивно-культурную и инструментально-знаковую функции, при этом каждая из базовых функций конкретизируется в субфункциях. Коммуникативная функция языка семиотически соотносится с прагматикой общения и реализуется как воздействие, информирование и самовыражение. Воздействие понимается нами как целенаправленное влияние – активность субъекта, направленная на изменение мнения, установок и поведения кого-либо, информирование – как передача и восприятие определенных сведений, самовыражение – как непроизвольное и намеренное построение своего образа в сознании партнера по общению. Можно определить и описать субфункции второго порядка, выделив разновидности воздействия, информирования и самовыражения. Подходы к выделению таких субфункций включают результаты наблюдений и выводов, полученных в рамках как коммуникативной лингвистики, так и смежных областей знания, прежде всего в психологии,

социологии и культурологии. С позиций лингвистики мы обращаем внимание на способы и средства реализации той или иной функции.

Самовыражение в общении неоднократно привлекало к себе внимание исследователей [Naberemas 1984; Гофман 2000; Олянич 2004]. Такой подход к изучению коммуникации основан на понимании ее как драматургического социального действия, в котором все его участники разыгрывают определенные роли, обусловленные нормами и стереотипами культуры и конкретными обстоятельствами общения.

Типы самовыражения в дискурсе

Одним из возможных подходов к выделению разновидностей самовыражения в общении может быть противопоставление непроизвольного, намеренного (демонстративного) и завуалированного продвижения своего имиджа. Приведем примеры:

- *Даже не знаю, что Вам сказать.*
- *Я как врач советую Вам поскорее пройти обследование.*
- *Мне стыдно и неудобно Вам об этом напоминать...*

В первом примере мы видим естественную реакцию человека, оказавшегося в затруднительном положении (или имитирующем такое положение), во втором случае говорящий акцентирует свой профессиональный статус, в третьем адресант реализует коммуникативное давление на адресата и при этом строит свой имидж как человека тонкой натуры. Грани между этими разновидностями самовыражения весьма подвижны и в ряде случаев могут быть размыты.

В обиходном дискурсе самовыражение прослеживается в любой диалогической реплике. Показательны короткие юмористические тексты:

- *А ты бегаешь по утрам?*
- *Да! Каждое утро! По дому с криками: «Проспал!»*

Непроизвольное самовыражение является фоновым и поэтому доминирующим индикатором идентичности человека. В первой фразе этого диалога проявляется личность сторонника здорового образа жизни (подразумевается, что говорящий делает утреннюю пробежку). Вторая фраза показывает ироничное и самоироничное отношение его партнера к собеседнику и самому себе.

Намеренное самовыражение прослеживается в тех случаях, когда говорящий акцентирует определенную характеристику своей личности:

- *Вот тебе, доченька, красная шапочка, корзинка с пирожками. Отнеси ее бабушке.*
- *А почему опять я?*
- *Ну давай я пойду! Сиротой хочешь остаться?*

В этой забавной аллюзии к известной сказке мама демонстрирует себя как любящего и заботливого человека.

Примеры завуалированного самовыражения в обиходном дискурсе раскрывают особый тип намеренного продвижения своего имиджа:

– Милый, скажи мне что-нибудь такое, чтобы сердце в груди затрепетало.

– Я знаю пароль от твоего телефона.

Героиня ждет признания в любви, а ее партнер демонстрирует ей свою уверенность в том, что может узнать ее секреты.

В разных типах институционального дискурса проявляются способы непроизвольного и намеренного самовыражения:

– Доктор, что это у меня?

– Так... Покажите-ка... Господи! Что это у Вас???

Естественная непроизвольная реакция специалиста выглядит смешной, поскольку предполагается, что профессионал должен иметь достаточные знания в своей области.

У психолога:

Давайте начнем с простых ассоциаций. Я говорю – «день», а вы...

– Прошел зря.

Комизм реакции пациента состоит в намеренном нарушении стереотипного ответа, вместо стандартных коррелятов «день – ночь» мы видим переход в смысловую тематику, при этом меняется эмоциональная тональность диалога.

Заслуживает внимания самовыражение в научном дискурсе. Существуют различные жанровые каноны коммуникативного поведения в выступлении на научной конференции, в дискуссии, в статье, монографии, рецензии. Научная аргументация предполагает критический анализ концепций, разработанных предшественниками автора. Блестящим полемистом был И.А. Стернин. Приведу пример его заключительного тезиса в статье «О термине “манипуляция” в речевом воздействии»: *Языковые средства, приемы речевого воздействия – это инструмент воздействия. А цель использования инструмента определяется человеком в конкретной ситуации: топором можно наколоть дров, а можно убить человека, при этом нельзя классифицировать его только как хозяйственный инструмент или орудие убийства. Всё зависит от конкретной коммуникативной ситуации.*

Манипуляция – это не термин науки о речевом воздействии, не понятие речевого воздействия. Это термин конфликтологии, социологии, психологии, но не лингвистики.

Таким образом, нет особых манипулятивных языковых средств, и манипуляция как воздействие на человека с целью бессознательной для адресата корректировки его взглядов, мнений, желаний, поступков вовсе не всегда является злонамеренной. В связи с этим целесообразно не использовать в науке о речевом воздействии термин манипуляция (Филологические чтения ЯрГУ им. П.Г. Демидова. Ярославль, 2018. С. 206).

Текст написан ясно и просто, автор не переходит на уничижительное ниспровержение мнений своих оппонентов, это естественный способ уважительного общения с товарищами по профессии. Таково непроизволь-

ное самовыражение большого ученого. Я не разделяю позицию моего друга по определению лингвистического статуса манипуляций, поскольку считаю, что есть средства, которые созданы для злонамеренных целей и активно используются в ситуациях высмеивания оппонентов (например, словосочетание «так называемый»). Есть и речевые жанры, в основе которых лежит злонамеренная цель (например, донос). Но различие позиций не является препятствием для научного диалога. К сожалению, в научной полемике мы иногда встречаемся с самовыражением, представляющим собой категорическое продвижение своей идеи и осмеяние иных мнений и доводов: *Некоторые языковеды настаивают на том, что значения и понятия – величины самостоятельные. Но если это так, то мы должны будем допустить существование в нашем сознании двух параллельных рядов отражений одних и тех же предметов объективного мира: ЛЗ «дом» – понятие «дом», ЛЗ «сад» – понятие «сад», ЛЗ «волк» – понятие «волк» и т. д. до бесконечности. Но это, во-первых, не подтверждается фактами, а во-вторых – противоречит логике. Един мир – единым должно быть и его отражение в сознании. (Если же еще допустить, что, кроме значений и понятий, в сознании человека имеют место концепты, то придется считать, что мир отражается в сознании трижды. Но это уже напоминает шизофрению.)* (Фоменко Ю.В. Мифы современной лингвистики. Новосибирск, 2010. С. 60).

Оставим в стороне предметную сторону этого развернутого утверждения (отрицание многоаспектности бытия), обратим внимание на манеру презентации – наклеивание ярлыков. Такая позиция соотносится с известной анекдотичной формулой: есть только две точки зрения: моя и неправильная. Понятно, что автор посмеивается над своими оппонентами, провоцируя их на аналогичный ответный шаг.

В политическом дискурсе обычно тщательно дозируется информация, которая становится публичной. В этом типе дискурса вряд ли проявляется произвольное самовыражение говорящего: *Минская группа ОБСЕ по карабахскому урегулированию прекратила работу по инициативе США и Франции, заявил министр иностранных дел России Сергей Лавров на пресс-конференции по итогам переговоров с главой МИД Азербайджана Джейхуном Байрамовым в Баку, трансляция шла на странице ведомства во «ВКонтакте».*

Министра спросили, разделяет ли Россия позицию президента Азербайджана Ильхама Алиева, что заинтересованные в урегулировании стороны должны «попрощаться» с посредничеством Минской группы ОБСЕ, поскольку 20 лет ее деятельности не принесли необходимого результата.

«Мы, в принципе, не обсуждали Минскую группу как таковую, потому что она прекратила свою деятельность по инициативе американских и французских участников. Но процессы постконфликтного урегулирования мы, конечно, обсуждали», – ответил дипломат (<https://www.rbc.ru/rbcfreenews/62b59e559a79479878593b85>).

Министр иностранных дел соглашается со своим партнером, но сразу же уточняет информацию, говоря, что фактически переговоры продолжались. При этом ответственность за срыв переговоров возлагается на американских и французских участников диалога.

Обратим внимание на завуалированное (в определенной мере) самовыражение политиков, представляющих Либерально-демократическую партию России: *Действенный метод борьбы с коррупцией только один – это провокация. Если человек решил работать в каких-то органах, он должен знать, что в любой момент к нему могут прийти и предложить взятку, и он не будет знать, провоцируют его или так и есть на самом деле. Только в этом случае мы с вами сможем обезопасить себя от людей, которые нечисты на руку* (<http://duma.gov.ru/media/files/zxLWuZhb1bAcPQNQuYqAukqppnC7cLGl.pdf>).

Известно, что многие выступления лидера ЛДПР В. Жириновского носили провокационный характер. Из приведенной цитаты следует, что представители этой партии считают провокацию основной стратегией политического дискурса. Этот тезис противоречит известной презумпции невиновности. Заметим, что в мифологии многих народов мира выделяется трикстер как искуситель и провокатор, мешающий герою добиться поставленной цели. Трикстер никогда не становится главным действующим лицом, его назначение – развлечь публику и подтвердить реальную расстановку сил в любом сюжете.

В медийном и сетевом дискурсе мы сталкиваемся с множеством способов вербальной индикации самовыражения при обсуждении той или иной проблемы.

Преподаватель одного из вузов Волгограда решила уйти из университета и стать инструктором по альпинизму. Приведем выдержки из публикации об этом событии и комментариев к ней.

Кандидат наук из Волгограда, отработавшая 25 лет в педагогическом университете, сбежала из города на Волге в горы ради регулярного покорения Эльбруса. Рассказываем, как после четверти века круто поменять свою жизнь и остаться самым счастливым человеком.

– Мне уже давно не нравится то, что происходит в сфере высшего образования. У нас уменьшается количество часов на предмет, который является ведущим, уровень преподавания никого не интересует, – с горечью рассказала Инна Иванова. – На первое место выходят какие-то индексы, статьи преподавателей, уровень получаемых знаний тоже никого не интересует. Скажем очень просто: нам никого не разрешают выгонять.

Я просто приняла, что если я не могу поменять систему, то я могу поменять свою жизнь, – поделилась Инна. – Я очень люблю преподавать, но от этого тоже устаешь. Устает горло, устает шея, ты целый день сидишь, даже мозги устают. Я поняла, что пора что-то менять. Жизнь учит гораздо быстрее и качественнее, чем учителя.

Шесть лет назад я пошла в горы. После 25 лет постоянного домоседства я была очарована этим. Приехала в Архыз, ходила с открытым ртом и удивлялась всему и вся. С тех пор я влюбилась в наши горы – это Эльбрус, София... Сразу же начала заниматься лыжами, восхождениями, освоила спуск дюльфером – по веревке, – рассказала Инна. – Тогда же, шесть лет назад, я познакомилась с альпинистами, восхитилась, всюду ходила за ними, а сейчас я уже второй инструктор.

Весной тоже будем в горах, уже на затаяжных подъемах. Пока план такой. Но мне не страшно, у меня есть моя работа, увлечения, семья. И конечно, горы.

Комментарии:

- *Молодец! Так держать!*
- *Инна Анатольевна мой преподаватель, замечательный преподаватель и человек! Очень рада за неё и полностью согласна с тем, что в языковых вузах количество часов сократилось колоссально! Очень рада, что она сделала такой выбор! И благодарю за знания.*
 - *Как бы ты высоко не поднялся, никогда не отрывайся от коллектива.*
 - *Коллектив ее и кинул при распределении нагрузки.*
 - *Крутая женщина!!!*
 - *Приятно читать о человеке, имеющем смелость изменить свою жизнь. Вызывает уважение и симпатию.*
 - *Молодец! Грамотные преподаватели разбегаются из вузов. Преподавателей задушили бумажной работой: ФГОСы, компетенции, рейтинги, Мудлы и прочая дрянь пожирают все время преподавателей, на студентов время не остается. И, действительно, отчислять никого нельзя, тянут всех до диплома.*
 - *Кароче. Сваливают профи из этого гетто. Ни работы, ни человеческих отношений, ни нормальной городской среды, не город а осколок былой империи (<https://v1.ru/text/world/2022/06/18/71399351/comments/78834863>).*

В приведенном тексте можно увидеть три типа субъектов: журналиста, героя повествования и комментаторов. Каждый из них намеренно и ненамеренно строит свой имидж. Журналист представляет себя как увлеченного в сюжет рассказчика. Ключевым выражением, показывающим отношение говорящего к повествованию, является фраза *круто поменять свою жизнь и остаться самым счастливым человеком*. Журналист открыто симпатизирует герою своего сюжета, показывает, что человек может и должен менять свою жизнь, если обстоятельства становятся неблагоприятными.

Значительная часть текста представляет собой описание позиции героини. Преподаватель констатирует, что работа на кафедре перестала приносить удовлетворение, эмоционально характеризуя отрицательные

тенденции развития современной высшей школы. Мы видим, что героиня повествования не получает радости от научной работы и открыто выражает усталость от ведения занятий: отметим, что речь идет о занятиях в дистантном режиме, вошедших в нашу практику во время пандемии COVID-19, весьма утомительных как для студентов, так и для преподавателей (*устаёт шея, целый день сидишь*). Ключевая фраза, показывающая самовыражение героини этого сюжета: *если я не могу поменять систему, то я могу поменять свою жизнь* – дублирует ключевое выражение журналиста в начале сообщения. До недавнего времени работа в университете считалась престижным видом профессиональной деятельности. Героиня повествования приложила необходимые усилия, чтобы стать полноправным членом академического сообщества: указано, что она кандидат наук. Она с восторгом рассказывает об альпинизме как образе жизни, демонстрирует свои знания и умения, в частности говорит о *спуске дюльфером – по веревке*. Известно, что альпинизм – весьма опасный вид спорта. Показательна фраза героини: *Но мне не страшно*.

Позиции комментаторов этого медийного события сводятся к одобрению поступка героини, скептической оценке такого положения дел и откровенной критике как сложившихся обстоятельств в системе высшего образования, так и жизни в конкретном городе, о котором идет речь. Можно видеть, что некоторые комментаторы являются учениками героини и работниками высшей школы. Комментарии, как обычно, размещены под никами. Одобрение поступка героини сопровождается положительной оценкой ее прежней профессиональной деятельности и выражением благодарности за ее труд. Такая позиция прямо соотносится с каноническим поведением благодарного ученика. В ином ракурсе положительная оценка дана характеру героини: *Молодец! Так держать! Крутая женщина!!!* Комментаторы рассматривают героиню повествования как образец для себя. Из этого можно сделать вывод, что их автохарактеристика сводится к признанию неспособности совершить подобный поступок. Заслуживает внимания скептик, который иронически комментирует этот сюжет, отмечая, что коллектив кафедры не поддержал своего сотрудника в трудную минуту. Выражение «распределение нагрузки» недвусмысленно свидетельствует о том, что комментатор работает в высшей школе. Это произвольная индикация своего статуса. Аналогичными индикаторами являются упоминания о «мудлах и прочей дряни» (специальные программы автоматизированной отчетности). Призыв не отрываться от коллектива является ернической аллюзией к известному прецедентному тексту и подразумевает неявную критику героини, которая, по мнению комментатора, противопоставила себя остальным членам кафедры. Заключительный комментарий является эмоциональной протестной реакцией человека на тяготы провинциальной жизни. Разумеется, эта реакция показывает, что комментатор испытывает глубокий кризис в мировосприятии.

Самовыражение в художественном дискурсе заслуживает особого описания, поскольку в значительной мере определяет тип этого общения.

Заключение

Самовыражение как одна из вторичных функций коммуникативной функции языка специфически проявляется в разных типах дискурса. Можно выделить три разновидности самовыражения – произвольное, намеренное и завуалированное. Произвольное самовыражение прослеживается во всех типах дискурса, в максимальной мере оно присуще общедоступному общению, в минимальной – политическому (и другим типам коммуникации, предполагающим высокую ответственность за сказанное). Намеренное самовыражение состоит в построении и продвижении своего имиджа, такие имиджи соответствуют определенным психотипам личностей и аффилиации этих личностей с той или иной организацией. В общении часто размывается грань между произвольным, якобы произвольным и намеренным самовыражением. Завуалированное самовыражение представляет собой осложненную разновидность намеренной самопрезентации и отличается от произвольного и намеренного предъявления себя в общении тем, что является двуплановым типом коммуникации и в этом отношении может рассматриваться как разновидность манипуляции.

Список литературы

- Болдырев Н.Н.* Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Языки славянской культуры, 2018. 480 с.
- Бюлер К.* Теория языка. Репрезентативная функция языка: пер. с нем. / общ. ред. и коммент. Т.В. Булыгиной. М.: Прогресс, 1993. 528 с.
- Гофман И.* Представление себя другим в повседневной жизни / пер. с англ. и вступ. ст. А.Д. Ковалева. М.: КАНОН-Пресс-Ц: Кучково поле, 2000. 304 с.
- Леонтьев А.А.* Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969. 214 с.
- Олянич А.В.* Презентационная теория дискурса: моногр. Волгоград: Парадигма, 2004. 507 с.
- Пазухин Р.В.* Язык, функция, коммуникация // Вопросы языкознания. 1979. № 6. С. 42–50.
- Соломоник А.Б.* Философия знаковых систем и язык. Минск: МЕТ, 2002. 408 с.
- Стернин И.А.* Коммуникативное поведение народа в теоретическом и методическом аспектах // Семантико-когнитивные исследования: сб. ст. / под ред. И.А. Стернина. Воронеж, 2021. С. 127–132.
- Стернин И.А.* Три уровня понимания комического // Семантико-когнитивные исследования: сб. ст. / под ред. И.А. Стернина. Воронеж, 2020. С. 73–76.
- Стернин И.А.* Знания и мифы обыденного языкового сознания // Коммуникативные исследования. 2017. № 3 (13). С. 47–56. DOI: 10.25513/2413-6182.2017.3.47-56.
- Стернин И.А.* Теоретические и прикладные проблемы языкознания: избр. работы. Воронеж: Истоки, 2008. 595 с.

- Стернин И.А., Камбаралиева У.Д. Теоретические проблемы описания коммуникативного поведения // Коммуникативные исследования. 2018. № 2 (16). С. 20–34. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.2.20-34.
- Якобсон Р.О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.
- Habermas J. The Theory of Communicative Action. London: Heinemann, 1984. Vol. 1. Reason and the Rationalization of Society. 465 p.
- Halliday M.A.K. Learning how to mean: Explorations in the development of language. London: Arnold, 1975. 176 p.

References

- Boldyrev, N.N. (2018), *Yazyk i sistema znaniy. Kognitivnaya teoriya yazyka* [Language and the system of knowledge. A cognitive linguistic theory], Moscow, Yazyki slavyanskoj kul'tury publ., 480 p. (in Russian).
- Bühler, K.L. (1993), *The Theory of Language: The Representational Function of Language*, Moscow, Progress publ., 528 p. (in Russian).
- Goffman, E. (2000), *The presentation self in every day life*, Moscow, KANON-Press-Ts publ., Kuchkovo pole publ., 304 p. (in Russian).
- Habermas, J. (1984), *The Theory of Communicative Action*, Vol. 1: Reason and the Rationalization of Society, London, Heinemann publ., 465 p.
- Halliday, M.A.K. (1975), *Learning how to mean: Explorations in the development of language*, London, Arnold publ., 176 p.
- Leont'ev, A.A. (1969), *Yazyk, rech', rechevaya deyatel'nost'* [Language, speech, speech activity], Moscow, Prosveshchenie publ., 214 p. (in Russian).
- Olyanich, A.V. (2004), *Prezentatsionnaya teoriya diskursa* [Presentational theory of discourse], Monograph, Volgograd, Paradigma publ., 507 p. (in Russian).
- Pazukhin, R.V. (1979), *Yazyk, funktsiya, kommunikatsiya* [Language, function, communication]. *Voprosy yazykoznanija*, No. 6, pp. 42-50. (in Russian).
- Solomonik, A.B. (2002), *Filosofiya znakovykh sistem i yazyk* [Philosophy of sign systems and the language], Minsk, MET publ., 408 p. (in Russian).
- Sternin, I.A. (2021), *Kommunikativnoe povedenie naroda v teoreticheskom i metodicheskom aspektakh* [Communicative behavior of the people in theoretical and methodological aspects]. Sternin, I.A. (ed.) *Semantiko-kognitivnye issledovaniya*, Voronezh, pp. 127-132. (in Russian).
- Sternin, I.A. (2020), *Tri urovnya ponimaniya komicheskogo* [Three levels of understanding of the comical]. Sternin, I.A. (ed.) *Semantiko-kognitivnye issledovaniya*, Voronezh, pp. 73-76. (in Russian).
- Sternin, I.A. (2017), *Language knowledge and common linguistic consciousness. Communication Studies (Russia)*, No. 3 (13), pp. 47-56. DOI: 10.25513/2413-6182.2017.3.47-56. (in Russian).
- Sternin, I.A. (2008), *Teoreticheskie i prikladnye problemy yazykoznanija* [Theoretical and applied problems of linguistics], Selected works, Voronezh, Istoki publ., 595 p. (in Russian).
- Sternin, I.A., Kambaraliev, U.D. (2018), *Theoretical problems of the description of communicative behaviour. Communication Studies (Russia)*, No. 2 (16), pp. 20-34. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.2.20-34. (in Russian).

Yakobson, R.O. (1975), *Lingvistika i poetika* [Linguistics and Poetics]. *Strukturalizm: «za» i «protiv»* [Structuralism: pro et contra], Moscow, Progress publ., pp. 193-230. (in Russian).

SELF-EXPRESSION IN DIFFERENT TYPES OF DISCOURSE

V.I. Karasik

Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russia)

Abstract: The paper deals with self-expression in communication treated as a variety of communicative function of the language. It is specifically manifested in different types of discourse. Three types of self-expression may be singled out in communication – involuntary, intentional and veiled. The first type is found in any type of discourse, it may be described as a gradual variety of self-control in communication, its maximal manifestation is typical of everyday conversation whereas its minimal degree is traced in political discourse and similar types of communication when the participants are responsible for any word they say. The second type is building and promotion of one's image, such images correspond to certain psychological personality types and their affiliation with different organizations. The border between involuntary, quasi-involuntary and intentional types of self-expression is often merged. The third type may be explained as a complicated variety of intentional self-expression, it differs from the previous types in its structure because it has a double nature and in this respect it may be regarded as a variety of manipulation.

Key words: self-expression, communication, discourse, involuntary self-expression, intentional self-expression, veiled self-expression.

For citation:

Karasik, V.I. (2022), Self-expression in different types of discourse. *Communication Studies (Russia)*, Vol. 9, no. 3, pp. 564-574. DOI: 10.24147/2413-6182.2022.9(3).564-574. (in Russian).

About the author:

Karasik, Vladimir Ilyich, Prof., Professor of the Department of General and Russian Linguistics

Corresponding author:

Postal address: 6, Akademika Volgina ul., Moscow, 117485, Russia

E-mail: vkarasik@yandex.ru

Received: June 27, 2022

Revised: June 30, 2022

Accepted: July 11, 2022

КОГДА И ЗАЧЕМ МЫ ДЕЛАЕМ ВИД, ЧТО (НЕ) ПОНИМАЕМ: ПОПЫТКА СОСТАВИТЬ КЛАССИФИКАЦИЮ НА ОСНОВЕ МЕТАКОММУНИКАТИВНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

А. Мустайоки^{1,2}

¹ Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)

² Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)

Аннотация: Согласно общим правилам коммуникации, собеседники должны честно вести разговор. Как известно, это далеко не всегда так. В статье рассматривается один тип отклонения от этой нормы – ситуации, в которых говорящий (не) делает вид, что (не) понимает. Понимание – ключевое понятие коммуникации, поскольку в общении между людьми – не всегда, но чаще всего – собеседники стремятся к взаимопониманию. Таким образом, в задачи реципиента входит идентификация моментов, в которых он не понимает, что говорящий хочет выразить. Если реципиент этого не делает, он нарушает общие постулаты коммуникации. При рассмотрении таких ситуаций можно различать три основных случая в зависимости от того, кто является агентом речи, реципиентом речи, рассказчиком и экспериенсером (человеком, который не понимает). Любая из этих ситуаций имеет свои характеристики по отношению причин использования такого некооперативного приема общения. Чтобы исследовать это явление, в статье используется необычная методика. Выводы основываются на метаязыковых высказываниях свидетелей коммуникации. Анализ показал, что экспериенсер делает вид, что (не) понимает, в частности: 1) когда у него принципиальное отношение к данному средству общения (например, (не)знание иностранного языка); 2) когда (не)понимание облегчает его положение в данной ситуации (например, когда его обвиняют в чем-то); 3) когда (не)понимание сказанного освобождает его от дополнительной работы (например, когда просят совета); 4) когда (не)понимание происходит просто по инерции, от лени или неохоты экспериенсера. Рассказчик, со своей стороны, делает вид, что не понимает, чаще всего, когда он осуждает или критикует поведение экспериенсера.

Ключевые слова: коммуникативное поведение, максимы Грайса, коммуникативная неудача, непонимание, общение между людьми.

Для цитирования:

Мустайоки А. Когда и зачем мы делаем вид, что (не) понимаем: попытка составить классификацию на основе метакоммуникативных высказываний //

Коммуникативные исследования. 2022. Т. 9. № 3. С. 575–597. DOI: 10.24147/2413-6182.2022.9(3).575-597.

Сведения об авторе:

Мустайоки Арто, профессор, доктор философии, ¹ заслуженный профессор, ² главный научный сотрудник Школы лингвистики

Контактная информация:

¹ Почтовый адрес: 00014, Финляндия, Хельсинки, а/я 24

² Почтовый адрес: 105066, Россия, Москва, Старая Басманная ул., 21/4

E-mail: arto.mustajoki@helsinki.fi

Дата поступления статьи: 04.01.2022

Дата рецензирования: 17.01.2022

Дата принятия в печать: 11.07.2022

Когда говорящий не **понимает**, что говорит, а слушающий **делает вид**, что **понимает** говорящего, – это метафизика.

Комсомольская правда; 26.02.2003; 35

Я гораздо больше не понимаю, чем понимаю». И это не только Михаил Плетнев, и не столько он, а все мы. Некоторые просто **делают вид**, что **«понимают»**, и убеждают в этом общество. Но мне кажется, в России «не понимать» более БЕЗВРЕДНО, чем «понимать» или **делать вид**, что **понимаешь**. Утверждение, на первый взгляд, спорное, но, к сожалению, уже неоднократно подтвержденное практикой жизни последних лет

Владимир Хотиненко. Журнал Персона, Москва; 22.11.1999; 12

1. Введение

Одним из ключевых в теории коммуникации И.А. Стернина является понятие коммуникативного поведения. Термин был введен ученым в статье 1989 г. [Стернин 1989], а затем употреблен в десятках конкретных работ по разным коммуникативным культурам, написанных Иосифом Абрамовичем единолично (напр.: [Стернин 2000]) или в соавторстве с другими исследователями (напр.: [Прохоров, Стернин 2011; Стернин, Камбаралиева 2018]). Коммуникативное поведение определяется как совокупность норм и традиций общения определенной группы людей. Как известно, И.А. Стернин применял понятие «коммуникативное поведение» прежде всего к сопоставлению разных коммуникативных культур. Таким образом, коммуникативное поведение имеет у Стернина культурно-специфические черты, тогда как известные постулаты Грайса являются универсальными – по крайней мере, так утверждает сам Грайс (ср. критику, напр.: [Sarangi, Slembrouck 1992]).

Рассмотрение коммуникативного поведения в разных культурах входит в более обширную сферу исследований под названием «интеркультурная прагматика» (*intercultural pragmatics*) (см., напр.: [Kecskes 2014; Cogo, House 2017]). Исследования показывают, что коммуникативные неудачи часто связаны с прагматическими правилами, принятыми в разных речевых культурах [Padilla Cruz 2018; McGee 2019]. С другой стороны, коммуникативные неудачи частотны во всех формах общения между людьми (см.: [Мустайоки 2021] и библиографию к ней). Можно даже утверждать, что в ежедневной беседе между самыми близкими людьми коммуникативные неудачи встречаются так же часто, как и в речи с иностранцами [Ермакова, Земская 1993; Вечкина 2010; Мустайоки 2011; Mustajoki 2017; Mustajoki, Baikulova 2020].

В настоящей статье мы будем анализировать коммуникативные ситуации, в которых реципиент делает вид, что (не) понимает. Очевидно, что использование такого приема нарушает общие постулаты общения, так же как и то, что данное явление универсально, свойственно всем культурам. Такой вывод можно сделать на основе того, что Иосиф Абрамович не выделяет его как отличительную черту коммуникативного поведения конкретных культур.

В общении между людьми собеседники – не всегда, но чаще всего – стремятся к взаимопониманию. С этой точки зрения в цели и задачи реципиента входит идентификация моментов, в которых он не понимает, что говорящий хочет выразить. Если это случается, он, по правилам коммуникации, должен просить пояснения, часто так и происходит (см.: [Masagno 2017; Gander 2018; Micklos, Walker, Fay 2020] и библиографию к ним). Однако есть немало ситуаций, в которых реципиент использует 'let it pass' коммуникативную тактику, т. е. не раскрывает свое непонимание [Firth 2009]. Это может быть вызвано разными факторами [Мустайоки 2021: 381]. Во-первых, тема общения может оказаться для него неинтересной и нерелевантной. Во-вторых, реципиент может думать, что поймет суть высказывания говорящего в течение диалога позже, на основе дальнейшего разговора. В-третьих, возможно, что реципиент понял не всё, но достаточно, например, если говорящий рассказал, что видел гагару, реципиент понимает, что это птица, но не знает, какая именно. В-четвертых, реципиент не хочет показывать свое невежество, переспрашивая такое, что предполагается знать каждому. В целом, случаи непонимания имеют ряд разновидностей: они могут быть скрытыми, нескрытыми и латентными [Linell 1995; Hinnenkamp 2001].

Однако изучение этого вопроса затрудняется тем, что корпусные материалы не всегда позволяют сделать вывод о том, что реально происходит в процессе диалога. Один момент, легко остающийся вне внимания корпусного исследователя, – это ситуации, в которых один из собеседников делает вид, что понимает. Для того чтобы подойти ближе к тому, что

имеет место в сознании коммуникантов, был создан метод ретроспективного комментирования звукозаписи непосредственными участниками диалога [Мустайоки, Шерстинова 2017; Mustajoki, Sherstinova 2017]. С помощью этой методики можно было выявить, что в течение одного речевого дня у информанта было 19 коммуникативных ситуаций, в которых коммуникация тем или другим образом не удалась [Мустайоки, Черкунова, Шерстинова 2021]. В половине этих случаев коммуникативная неудача остается нерешенной.

Пилотное исследование с помощью метода ретроспективного комментирования показало, что данная методика лучше других раскрывает, что реально происходит в процессе общения между людьми. Однако метод является весьма трудоемким и из-за этого не может быть использован в изучении обширных материалов. В настоящей статье представляется другой метод, менее прямой, но позволяющий существенно расширить наше понимание данного явления. Этот метод основывается на метакоммуникативном комментировании случаев, в которых реципиент делает вид, что (не) понимает. Естественно, люди не всегда честно комментируют эти случаи, к тому же у них могут быть и иные коммуникативные цели, нежели понимание, но, тем не менее, такие метаязыковые высказывания позволяют расширить наше представление об этом весьма интересном явлении человеческой коммуникации.

2. Основные понятия, объект, материал и метод исследования

Начнем с понятия «понимание». Понимать или не понимать – это решающий вопрос человеческой коммуникации. Неудивительно, что глагол *понимать* является во всех языках весьма частотным. Если бы мы всегда понимали друг друга, глагол *понимать* был бы не нужен. Значения глагола *понимать* / *понять* отражают сложность этого явления (ср.: [Богуславский 1984; Иомдин 2003]). Однако нас здесь интересуют не те психологические или ментальные процессы, обеспечивающие процесс понимания, но различие некоторых типовых случаев, отличающихся друг от друга тем, *что* понимается или не понимается.

(1a) *Игорь (не) понимает математику.*

(1b) *Игорь (не) понимает Лизу.*

(2) *Игорь (не) понял, что Лиза сказала.*

Эти по своему языковому выражению сравнительно простые примеры, по сути дела, содержат весьма сложную информацию. Более подробный анализ значения примеров приводит к выделению трех уровней рассмотрения, на которых можно отметить разные ролевые структуры действующих лиц:

- предмет непонимания (первичное положение дел P_1) – в случае (1a) это «сущность математики», в случае (1b) «поведение Лизы»; в случае (2) то, что Лиза (агенса речи) сказала Игорю (реципиенту, R_{cs}) в коммуникативной ситуации CS ;

- вторичное положение P_2 – Игорь, условно называемый экспериенсером (Е), (не) понимает P_1 ;
- метакоммуникативная ситуация (MCS), в которой рассказчик (Teller, T) передает реципиенту (R_{MCS}), что P_2 имеет / имело место.

В примере (2), кроме метакоммуникативной ситуации (MCS), мы имеем дело также с коммуникативной ситуацией (CS), которая является предметом речи. В случае первого лица (пример 3) одно и то же действующее лицо имеет разные роли в зависимости от угла зрения: с одной стороны, он – рассказчик метакоммуникативной ситуации; с другой, он и понимающий (или не понимающий) экспериенсер; с третьей, он выполняет также роль реципиента в CS, о которой идет речь.

(3) Я (не) понял, что Лиза сказала.

Цель настоящей статьи – проанализировать метаязыковые высказывания, в которых рассказчик рассказывает о ситуациях, в которых **экспериенсер (Е) делает (или не делает) вид, что (не) понимает что-то**. Изучение специального случая CS может дать импульсы также для суждений о сущности понимания как элемента человеческого общения в целом. Все наши примеры взяты из современных русских газет и журналов за последние 25 лет. В этих целях нами была использована база данных «Интегрум» (<https://www.integrum.ru>) (ср.: [Mustajoki 2006]).

Выделим четыре типа метакоммуникативной ситуации:

- MCS I – Е делает вид, что понимает (см. далее пример 4);
- MCS II – Е не делает вид, что понимает (5);
- MCS III – Е делает вид, что не понимает (6);
- MCS IV – Е не делает вид, что не понимает (7).

(4) Мужчины любят **делать вид**, что они все **понимают**, даже если это не так (Аргументы и Факты (АиФ) / АиФ-дайджест); 06.07.2001; 72)¹.

(5) Свидетели утверждают, что Нуреев не шел навстречу Лакотту и даже **не делал вида**, что **понимает**, чего от него хотят (Вечерняя Москва (Москва); 30.07.2004; 140).

(6) На требования возврата документа Багдад сначала **делал вид**, что **не понимает**, о чем идет речь (Литературная газета; 18.01.2001; 3).

(7) Ибо простые люди на улицах отвечали на любой вопрос, **не делая вид**, что **«не понимают»** по-русски (Независимая газета; 20.11.2001; 216 (2526)).

Как было сказано во введении, то, что человек делает вид, что (не) понимает, – проявление своего рода лицемерия, притворства, неискренности. На этой основе такое поведение можно считать нежелательным, дурным, нарушающим постулаты общения. С другой стороны, оно может быть истолковано также как прием коммуникативной стратегии. Это становится очевидным на основе примеров, в которых дается совет поступать именно таким образом, т. е. делать вид, что не понимаешь (8), (9).

¹ Здесь и далее ссылки на источники текстовых иллюстраций даются согласно базе данных «Интегрум».

(8) *Техника выживания. Самое разумное – на корню пресекать любые знаки внимания и ухаживания. **Делай вид**, что ты не **понимаешь** его намеков. И постоянно переводи разговор в деловое русло. В конце концов он махнет на тебя рукой и будет относиться исключительно как к профессионалу* (Дочки-матери / приложение к АиФ; 17.06.2002; 023).

(9) *Запаситесь чувством юмора, а **лучше сделайте вид**, что не **понимаете** ядовитых намеков* (Провинциальный Репортер (Липецк); 05.12.2001; 49(142)).

Прежде чем перейти к рассмотрению четырех типов метакоммуникативной ситуации, отметим, что можно различать коммуникативные стратегии на двух уровнях в зависимости от того, действительно ли Е делал вид, что понимает, или же мы имеем дело с тем, что рассказчик употребляет такое выражение только как речевую формулу для того, чтобы охарактеризовать поведение Е. Если Т является одновременно и Е, мы можем быть (почти) уверены в том, что притворство входит в его коммуникативную или поведенческую стратегию (10)–(12). Когда Т и Е – разные лица, такое толкование иногда тоже очевидно (13), (14). Однако есть случаи, в которых речь идет не обязательно о стратегии Е, а об интерпретации им P_2 (15).

(10) – *И как вы общаетесь с молодежью, изъясняющейся на сленге?*

Лев Дуров: ***Делаю вид**, что **не понимаю** их. Говорю: «Чего-чего? Повтори!» Тогда они начинают стесняться и переходят на нормальный русский язык* (Аргументы и факты; 22.01.2003; 04 (1161)).

(11) – *Я стал все чаще попадать в неловкие ситуации со знакомыми, которые при мне обсуждали книги Акунина, а я вынужденно **делал вид**, будто **не понимаю**, о чем речь* (Комсомольская правда; 06.10.2000; 185).

(12) ***Делая вид**, что ничего **не понимаю** в телефонном сексе, начинаю улыбаться, а Ира говорит романтически о своей работе* (Правда Севера; 11.03.1999).

(13) *Здесь все начинают дико хохотать, исключая тех, кого это касается. Они криво улыбаются, **делая вид**, что **понимают** шутку* (Курская правда; 18.03.1999; 40).

(14) *Все 18 рыбаков поначалу **делали вид**, что ни слова **не понимают** по-русски. (Факты и комментарии (Киев); 05.04.2000).*

(15) *Марадону обвиняют в неуплате налогов, а он продолжает **делать вид**, что ничего **не понимает*** (Советский Спорт; 13.01.2001).

Иногда ясно, что мы имеем дело не с коммуникативной стратегией Е, а с интерпретацией Т (16). Употребляя выражение *делать вид*, рассказчик старается подчеркнуть глупость непонимания этого факта. Таким образом, речь идет об оценке Т касательно поведения Е.

(16) *Надо быть клиническим идиотом, чтобы не понимать это, или законченным «демократом», чтобы **делая вид**, что **не понимаешь**. Управление страной – как и управление ее технологической системой – нормаль-*

ный труд для нормальных людей. И только «демократы», с их полнейшей безответственностью и бездарностью не способны выполнять дело, за которое они взялись (Советская Россия, Москва; 20.01.1998: 22:00; 8).

Рассказчик может специально обратить внимание на то, что Е не использовал возможность мнимого понимания (17). В примере (18) Т рассказывает о своей стратегии вести телевизионное интервью: в нее не входит лицемерное понимание того, что непонятно.

(17) *Такой вариант устроил, но что-то надломилось в их отношениях, и как Наташа ни старалась **делать вид**, что все нормально, умом она **понимала**, что ничего нормального нет* (Семья, Москва; 13.01.1999; 3. Автор – Вика Чехова).

(18) Доренко: *Да, я знаю, я знаю прекрасно, о чем вы говорите и поэтому **не буду делать вид**, что **не понимаю** вопроса* (ЦРПИ. Мониторинг телеэфира. НТВ; 29.12.2000; 19.45.00).

Отметим еще, что делать вид может не человек, но и животное (19).

(19) *Мы отлично понимаем: были бы с ним потверже, пес мгновенно выполнял бы все команды, а **не делал вид**, что ничего **не понимает**, прибежал бы по первому зову, а не как сейчас – еле плетется, будто выполняет великую повинность* (Мир новостей; 21.10.2003; 043).

3. Представление результатов

3.1. Реципиент делает вид, что не понимает

Начнем рассмотрение нашего вопроса с MCS I, т. е. с ситуации, где Е делает вид, что не понимает. Это, пожалуй, самый неожиданный тип случаев, поскольку в нем Е отказывается от понимания, которое можно считать нормальной целью человеческого общения.

Первое наше наблюдение – распространенность случаев с речевой фигурой «не понимает, или делает вид, что не понимает» (20)–(23). Это говорит о том, что рассказчик не уверен в своей интерпретации о P₂. В целом данные выражения говорят о неуважительном отношении, пренебрежении Т к Е. Это касается и примера (24), в котором Т сомневается, способны ли Е вообще к пониманию этого дела.

(20) *Не знаю, то ли наши высокие избранники не понимают этого, то ли по каким-то своим соображениям **делают вид**, что **не понимают**, но с «дивидендами, которые лежат», дела у нас хуже некуда* (Литературная газета; 18.01.2001; 3).

(21) *Он стал звонить по телефону, но на той стороне трубку снимал один и тот же служащий коммутатора, не понимавший или **делавший вид**, что **не понимает** простого русского языка...* (Знамя; 15.04.2001; 4).

(22) *В общем, стороны или не понимают друг друга, или, что вероятнее, **делают вид**, что **не понимают*** (Коммерсантъ; 07.07.2000; 122).

(23) *Все пострадавшие в один голос утверждали, что попали в списки банкротов случайно: еще немного, и они рассчитались бы с бюджетом,*

еще немного, и они вышли бы из кризиса. И, как водится, жаловались на налоговую систему.

Кроме того, все они не понимают (или **делают вид**, что **не понимают**), что завод не может обанкротиться – обанкротиться может бизнес, ведущийся на этом заводе, или, проще говоря, – директор (Эксперт; 28.10.1996, 41(60)).

(24) К тому же радители пивной рекламы на стадионах **делают вид**, что **не понимают** (если **понимают**) разницы между рекламой напитка и брэнда производящей его фирмы, который, как правило, и воспроизводится в местах спортивных ристалищ (принятие поправок не будет тому помехой) (Правда; 13.08.2004; 90).

Одно из самых типичных P_2 , встречающихся в этих контекстах, – такое, где предметом речи является понимание языка. Раз T , как правило, русский, естественно, что во многих примерах говорится о том, что E делает вид, что не понимает по-русски (25), (26), (28), (29), но соответствующая ситуация может, конечно, проявляться по отношению к любому языку (27). Мотивации E варьируются. Если в (25)–(27) мы имеем дело с принципиальным нежеланием говорить на иностранном языке, то примеры (28), (29) свидетельствуют о выгодной с точки зрения E коммуникативной стратегии. Несмотря на данное сходство, примеры (28) и (29) указывают на сугубо различные ситуации: в (28) такое поведение целесообразно с точки зрения обеих сторон, а в (29) для обвиняемого целесообразно саботировать через свое понимание ход допроса.

(25) Если раньше в Прибалтике порой **делали вид**, что **не понимают** по-русски, то теперь, напротив, пытаются с гостями из России объясниться на их языке, даже дети, которые в школе не изучают русского (Российская газета; 30.08.2001; 168 (2780)).

(26) Этот врач, страшно похожий на доктора Ватсона из классических иллюстраций к Конан Дойлу конца XIX века, **делал вид**, что **не понимает** по-русски, и, не участвуя в разговорах, сидел на кончике кровати Тагора за полузадернутой занавеской (Огонёк; 22.01.2005; 1 (4880)).

(27) И, главное, когда им начинаешь что-то объяснять, французы старательно **делают вид**, что по-английски **не понимают** (Огонёк; 29.10.2001; 42).

(28) Вот в таком пораженческом настроении мы прибываем на ужин, который нам дает мэр Шанхая. Рассаживаемся за столами попеременно с китайцами и начинаем друг другу изо всех сил улыбаться. Они **делают вид**, что **не понимают** по-русски, ну а мы точно по-китайски ни бельмеса не смыслим (Вёрсты; 21.12.2002).

(29) Если у обвиняемых будут хорошие адвокаты, то и на этот раз, скорее всего, будет так же. Может возникнуть еще одна проблема. Они в последнее время на судах частенько **делают вид**, что **не понимают** русского языка. Члены местной диаспоры выступить в качестве переводчиков отказываются (Просторы России (Орёл); 13.10.2004, 040).

Непонимание обвиняемого может распространяться на целое дело (30). В примере (31) речь идет о стремлении игнорировать серьезность данного вопроса.

(30) *Директор магазина средств безопасности Евгений Казаков, которого задержали в конце прошлого года при попытке продать радиосканер, до сих пор **делает вид**, что **не понимает**, в чем провинился* (Известия; 18.03.2000).

(31) *Семейные конфликты следует улаживать, не преступая законы Уголовного кодекса, доказывал ей дознаватель Понетаев. Но Вера Ивановна **делала вид**, что **не понимает** тяжести совершенных поступков* (Известия Мордовии (Саранск); 27.11.2002, 182).

На выгодные для Е коммуникативные стратегии указывают и примеры (32)–(34). В (32) Е старается избежать работы, а в (31) он не хочет выполнять нереалистические требования детей. Обе ситуации, безусловно, в реальной жизни весьма частотны. Пример (34) демонстрирует, кроме того, выгоду, к которой привело непонимание.

(32) *Некоторые **делают вид**, что они ничего **не понимают** и ничего не умеют, только для того, чтобы их не заставили работать* (Советский Спорт; 04.07.2000).

(33) *Магазины напоминают детские прекрасные сны – так много там ярких подарков и елочных украшений. Невольно задумаешься, как же маленьким детишкам выдержать океан соблазнов? (Не говоря уже о родителях, вынужденных **делать вид**, что **не понимают** красноречивых взглядов своих бесхитростных чад)* (Спектр (Хельсинки); 15.11.2001, 9).

(34) *Кому-то из редакторов его рукописи показались скучноватыми, ему советовали подбавить «перчика», «вставить» признания-воспоминания об известных государственных деятелях партийного прошлого, но он **делал вид**, что **не понимает**, о чем его просят. И как раз отсутствие этого «перчика» делает сегодня эту книгу – «Магнитка в солдатской шинели» – особенно натуральной* (Строительная газета, Москва; 22.09.2000, 38).

Следующие примеры (35), (36) входят в ту же категорию, что и предыдущие, но на этот раз мы имеем дело с более длительными процессами, связанными с отношениями между представителями двух полов.

(35) *Роман С., уроженец Новосибирска, никогда не знал отца. Мать воспитывала его одна и выбивалась из сил, чтобы сын вырос достойным человеком. Рома был главной радостью в ее жизни. Ребенок рос послушным и на удивление красивым мальчиком. В школе он стал необычайно популярен среди одноклассниц, а повзрослев, постоянно ловил на себе томные взгляды представительниц прекрасного пола. Но Роман игнорировал откровенные заигрывания, предпочитая **делать вид**, что ничего **не понимает** во взрослой жизни. Поразительное равнодушие к юным сибирячкам объяснялось просто: у Романа совершенно не было денег. Он даже не мог позволить себе пригласить девушку в кино. Того, что зарабатывала мать, едва*

хватало им на жизнь, а развлекаться за счет подруг казалось юноше неприличным (Вечерняя Москва (Москва); 03.06.2004; 101).

(36) *Одна женщина сетовала:*

– *Никак не могу порвать отношения с мужчиной, которые меня уже тяготят. Жалко его. Попыталась сказать, что не вижу будущего вдвоем, но он **делает вид**, будто **не понимает**, или переводит разговор на другое. И продолжает надеяться* (Столица Поволжья (Саратов); 28.01.2004, 015).

Весьма распространенный тип случаев содержит упрек властям или вообще людям, имеющим возможность и выполняющим обязанность обращать внимание на данное явление, представляющееся для обычного человека недостатком, изъяном. Типичная черта такого рода контекстов – не прямое выражение объекта критики: вместо фамилии употребляется множественное число (37), коллективные выражения учреждений (38), (39), метонимическое употребления названия места (40), (41) или вообще образные выражения (42).

(37) *Чиновники пожимали плечами и **делали вид**, что **не понимают**, о чем идет речь* (Советская Россия, Москва; 18.04.2000; 45).

(38) *Ответственные и не очень лица, которых мы попросили сказать что-либо о радиационной обстановке в Сочи, уходили от ответа всеми возможными способами. Академик Российской академии медицинских наук (РАМН), к которому мы обратились, например, раз за разом **делал вид**, что **не понимает**, о чем идет речь* (Коммерсантъ-Власть; 11.07.2000, 27).

(39) *И я вообще не понимаю, как Минсельхоз будет отдавать Сбербанку полученный кредит на интервенции. В итоге просто влезут в бюджет-2003. Наверняка министерство это понимает, но **делает вид**, что **не понимает**, потому что нет другого выхода* (Коммерсантъ; 21.10.2002; 191).

(40) *Москва **делает вид**, что намеков **не понимает*** (Коммерсантъ; 14.06.2000; 105).

(41) *Общество развивается, идет вперед, а чиновный люд стоит на месте, не хочет меняться. Ему и так хорошо. Сейчас поднялся шум вокруг предполагаемой отмены льгот. Запланированный правительством шаг так или иначе коснется 33 миллионов россиян. Люди недовольны, а в Кремле и в Белом доме **делают вид**, будто **не понимают** причину* (Собеседник; 14.07.2004, 26).

(42) *Ведь если в одной из комнат «нашего дома России» правит бал шайка преступников, нагло и демонстративно убивающая, грабящая и насилюющая жильцов, то возникает закономерный вопрос: а где же хозяин дома? То ли он трусливо сопит на кухне, то ли пьяно дрыхнет в спальне, то ли просто **делает вид**, что ничего не видит, не слышит и **не понимает**... Но раз так, на хрена нам такой хозяин?! (Данил Корецкий: Акция прикрытия; Литературная Россия; 29.01.1999, 4).*

В примере (43) чувствуется не только упрек говорящего в адрес телевидения, но и гнев и беспомощность: такие вещи имеют место, а ничего не поделаешь.

(43) *ТВ из всех искусств стало, к сожалению, первичным для подавляющей части населения. Всё остальное – вторично. Тем не менее ТВ продолжает жить своей самостоятельной жизнью. Страну тошнит, а ТВ тусуется. Народ, мягко говоря, имеет вопросы к ТВ, а там **делают вид**, что **не понимают**, не знают...* (Московский комсомолец; 28.11.1996, 226).

Обслуживающий персонал может в определенных ситуациях впасть в искушение не реагировать на просьбы клиента (44).

(44) *Кто-то нетерпеливо спрашивает проводника, где дорога в аул. Тот **делает вид**, что **не понимает*** (Челябинский рабочий; 18.04.2000).

В примерах (45), (46) Е выбирает коммуникативную стратегию, при которой он закрывает глаза на нелегальное или неприятное для него Р₁. Пример (47) содержит такое же значение, но он является особым потому, что касается употребления *мы*-формы; тем самым описание положения дел одновременно становится также призывом изменить его.

(45) *Закрытый город Горький. Закрытый же военный завод, расположенный «у черта на рогах». При этом заводе появляется молодежный музыкальный клуб. А директор завода **делает вид**, что **не понимает**, чем этот клуб занимается...* (Нижегородские новости; 06.01.2000).

(46) *Простое сопоставление таможенной статистики двух стран показывает, что ежегодно из экономической зоны России в Японию уходит контрабандной рыбы, крабов и прочих морепродуктов по меньшей мере на \$700 млн. Россия давно настаивала на необходимости ужесточения правил работы российских моряков в портах Японии и просила власти страны перекрыть поток черного экспорта, однако последние до сих пор **делали вид**, что **не понимают**, о чем речь* (Коммерсантъ; 08.04.2002, 60).

(47) *Бог с ними, с контурными картами, есть вещи и поважнее. А нас обычно настолько увлекают собственные чувства: то негодование, то возмущение, то усталость, то злость, что застят нам ребенка целиком – с его болью, горем и одиночеством в по-настоящему трудную для него минуту. Твердим, как замороженные, что это им задали, что не собираемся за них все делать и еще Бог весть что. Лукавим и ленимся на каждом шагу, **делаем вид**, что **не понимаем**; ищем себе оправдания, вместо того чтобы взять и помочь хотя бы состраданием* (1 сентября; 09.03.2000; 16).

Обратим внимание еще на особый тип речевых ситуаций, при которых говорящий делает вид, что не понимает (48), (49). Здесь речь идет, скорее всего, об общей инерции, лени людей, проявляющейся в том, что не хотят серьезно относиться к данному положению дел. Если пример (48) напоминает примеры (45), (46), то в примере (49) прямо указывается на депрессивное состояние человека.

(48) *Сейчас все делают вид, что действительно смысла происхождения ОСАГО не понимают, хотя всем очевидно, что продекларированная инициаторами страхования забота о людях, пострадавших в авариях, – чистый блеф* (Частная жизнь; 20.12.2003; 24).

(49) *Я где-то читала, что люди, оказавшись за решеткой, часто разыгрывают психическое расстройство, чтобы облегчить свою участь, и спросила доктора Кирдана, бывают ли такие случаи в жизни.*

– Конечно, бывают, – ответил Андрей. – И чаще всего люди пытаются изобразить депрессивное состояние. Человек просто перестает разговаривать, отвечать на вопросы, **делает вид, что он не понимает**, о чем его спрашивают (Солидарность; 21.05.2003, 19).

Наконец, приведем отрывок, в котором рассказчик описывает интересный случай полного равнодушия Е. Спрашивается, что это за речевая ситуация?

(50) *Смотри, – говорит Нина Виктору, – небо какое темное. А ветер прогибает деревья чуть ли не до земли. Ужас! Но мне нравится.*

– Закрой шторы, – просит он, – в доме уютно, спокойно...

Она хохочет:

– Глупенький. Я сейчас встану на подоконник, чтобы ощутить эту стихию.

Ее гибкая фигурка чуть покачивается в проеме окна, шальной ветер влетает в комнату, переворачивает бумаги, разбивает изящную вазу. Виктор негодует:

– Так нельзя. Ты сейчас упадешь.

– Ну и что? – кричит она в темноту, – может, я хочу умереть. Это же здорово!

– Что здорово? – он **делает вид, что не понимает**.

– Я говорю, что смерть прекрасна, – говорит Нина спокойно, спускаясь на пол. – А люди думают, что жизнь лучше (Вологодские новости (Вологда); 17.04.2003, 16).

3.2. Реципиент делает вид, что понимает

Перейдем к рассмотрению случаев, в которых делают вид, что понимают P_1 (MCS III). Как и в предыдущих случаях (20)–(23), и здесь можно найти примеры, в которых рассказчик не уверен, действительно ли Е понимает, или только делает вид (51).

(51) *Поэтому хотел бы попросить, чтобы предложения нефтяной отрасли не опоздали к рассмотрению бюджетного законопроекта, их надо иметь к началу декабря как альтернативные предложениям господ Задорнова, Починка и всех остальных, с которыми Шахновский вроде бы беседует, беседует, они вроде понимают, или **делают вид, что понимают**, а может быть, действительно ничего не понимают* (Журнал Нефть России, Москва; 05.12.1998, 12).

В некоторых случаях, как в (52), (53), значение и цель занятия лицемерной позиции близки к тому, что было представлено выше (плохо

понимать ≈ (почти) не понимать). Стоит обратить внимание также на употребление рассказчиком в примере (53) своего рода эвфемизма своеобразно понимать в вводной части цитаты.

(52) Низкорослого рябого рыбака застукали с канистрой, и тот бормотал что-то, **делая вид**, что **плохо понимает** язык (Дружба народов; 15.12.2000; 12).

(53) Те же добрые бабушки стали замечать, что горячие южные парни своеобразно понимают принципы интернационализма: регулярно водят на чердак женщин из ближайшего общежития чуть ли не в рабочее время...

– Тогда мы полезли на крышу и пытались с ними беседовать, – рассказывает председатель местного ТОС, сама жительница дома N 200 Галина Курганова. – Но они применяли излюбленный метод: **делали вид**, что **очень плохо понимают** русский язык межнационального общения (Вечерний Томск; 10.01.2002, 2).

В примере (53) речь идет о знании языка, как и в примерах (25)–(29); ср. также пример (54). В примере (55) же рассуждается ситуации непонимания языка вообще.

(54) «Ничья земля» напоминает и партизанские «югвестерны» 1970-х, и «Кукушку», одобренную фирменной балканской яростью. На ничейной земле, в окопе, оказываются три раненых бойца: серб и два боснийца... Естественно, сначала они пытаются прикончить друг друга всеми подручными средствами, потом по мере сил обретают человеческий образ, хотя зрителям понятно, что ничем хорошим эта история закончиться не может... Вокруг заложников ничейной полосы начинается свистопляска, в которой участвуют ничего не желающие делать ооновские миротворцы, лебезящие перед ними и **делающие вид**, что **понимают** по-английски, полевые командиры и амбициозная журналистка, превращающая неудавшееся спасение героев в телевизионное реалити-шоу (Коммерсантъ; 09.06.2003, 99).

(55) Если же для получения навыков бизнес-английского вы выбрали Ирландию, то к вашим услугам несколько школ в Дублине, которые организуют курсы бизнес-английского... Любая из школ поможет деловому человеку забыть о том, как это мучительно – кивать, **делая вид**, что **понимаешь**, о чем идет речь, и постоянно просительно взглядываться в лицо переводчика, дожидаясь, когда же он, наконец, переведет всю эту абракадабру (Маркетинг и Консалтинг; 28.10.2004).

Делают вид, что понимают речь собеседника, иногда и из вежливости. Это происходит как на бытовом уровне в разговоре с продавцом пиццы (56), так и на высшем государственном уровне (57).

(56) Сейчас – апрель 1998-го. Пять месяцев из этого срока я промотал по России и Америке просто так и по делам. Стаж, значит, у меня – год. Город знаю, как свой карман. Со многими клиентами – в самых дружественных отношениях, побил все рекорды пиццерии – по количеству доста-

вок за день (40!), по дневному заработку (202 доллара!), по продолжительности рабочего дня (12 часов!), по чаевым от одного клиента. Стабильно зарабатываю по... ну, в общем, прилично зарабатываю при примерно 30-ти часовой рабочей неделе. Языковой барьер почти совсем преодолел: все вокруг **делают вид**, что **понимают** меня, да и сам научился прикидываться догадливым (Лебедь (Бостон); 31.05.1998, 70).

(57) Взаимные комплименты, которыми одаривали друг друга Джордж Буш и Владимир Путин, ни на йоту не приблизили стороны к взаимоприемлемому компромиссу. Напомним, как умиленно и без переводчиков беседовали президенты, совершая парковые прогулки. «Я пытался говорить с президентом по-английски, но, кажется, господин Буш только **делал вид**, что **понимает** меня», – пожаловался американским журналистам российский президент. Похоже, что непонимание состоит не только в чисто языковых аспектах (Столичные новости (Киев); 02.07.2001, 24 (172)).

В целом потребность делать вид чаще всего возникает из-за того, что в данной ситуации предполагается понимание речи собеседником: оно входит в его роль (58)–(60). С точки зрения Е, это удобная коммуникативная стратегия, поскольку было бы неловко признаваться в непонимании. В примере (58) ожидаемое поведение касается «нормального современного» человека, в примерах (59), (60) – школьника. В примере (60) рассказывается также о причине непонимания и его последствиях.

(58) Хотя в последнее время споры о смысле слова *intranet* поутихли и все **делают вид**, что **понимают**, о чем идет речь, точного определения этого понятия пока еще не существует (PC WEEK / Русское Издание; 10.06.1997, 22(96)).

(59) Как на грех, учебный день начинается с двух непростых предметов – алгебры и геометрии. На первом в классе стоит гробовая тишина: детишки досыпают, умудряясь **делать вид**, что слушают учителя и что-то **понимают** (Казанские ведомости; 08.12.2004, 280).

(60) – С болезнями у меня связано несколько неприятных воспоминаний. Первое – из начальной школы, когда мы с друзьями классе во 2-м решили пойти записаться в секцию плавания. Пришел я на первую тренировку, плаваю, плаваю... И вдруг чувствую – как-то не очень хорошо мне плавается. Пришел домой, померяли температуру – за 39 °С. Следующие полгода я провел в постели, с тяжелейшей пневмонией... Но это не самое страшное. Самое страшное, что именно в то полугодие в школе проходили дроби. Этот раздел я полностью пропустил. Так что вся математика для меня закончилась во 2-м классе, а оставшиеся 8 лет я **делал вид**, что все **понимаю** и умею, а на самом деле, где числитель, где знаменатель – до сих пор не различаю (Здоровье; 15.12.2000).

Делать вид, что понимаешь, может быть частью совместной ритуальной игры группы людей: всем подходит то, что они играют свою роль, делая вид, что участвуют в процессе.

(61) *Принцесса Оксаны Саньковой **делает вид**, что **понимает** в любви и ее подделках. Певица Джулия Ульяны Урванцевой **делает вид**, что поет. Зритель **делает вид**, что доволен...* (Независимая Газета; 31.10.2003).

Выше были приведены примеры (37)–(42), в которых рассказчик упрекает Е за то, что он **делает вид**, что не понимает. Возможно и обратное: в примерах (62), (63), согласно рассказчику, то, что Е **делает вид**, что понимает, нежелательно.

(62) *Очень плохо, когда Чечней занимаются люди, далекие от проблем Северного Кавказа, просто «отбывающие номер», работающие, потому что просто где-то должны быть трудоустроены. Еще хуже, когда они **делают вид**, что **понимают** в национальной и региональной политике, и ничего при этом не делают* (Независимая Газета; 12.10.2004).

(63) *Я никогда не стеснялся обращаться за помощью, спрашивать, если чего-то не знал и не понимал. Однажды после семинара один более опытный руководитель «пожурил» меня: «Ты что же глупые вопросы задаешь? Ведь ты же директор». А я считаю – нельзя **делать вид**, что все **понимаешь** и молчать при этом* (Наука в Сибири (Новосибирск); 22.08.1998, 33–34).

Однако иногда приходится советовать Е **делать вид**, что он понимает, как в примерах (64)–(66).

(64) *В один из дней Эгил сказал мне:*

*Пойдем сегодня в Центр латышской эмиграции. Только у меня к тебе просьба. Раз уж ты не владеешь латышским языком, то лучше ничего не говори. **Делай вид**, что все **понимаешь**, и иногда неопределенно кивай головой* (Лебедь (Бостон); 14.03.2004, 366).

(65) *Вы хотите заняться сексом, а он говорит, что устал...*

– Злитесь – он каждый раз находит какую-нибудь причину!

– Относитесь философски – сейчас можно и поспать, а завтра – поговорим.

*– **Делаете вид**, что прекрасно его понимаете, но в глубине души чувствуете себя отвергнутой и оскорбленной* (Радуга (Германия); 15.02.2003, 2 (93)).

(66) *Гороскоп на 3 апреля*

*ОВЕН. Вам, скорее всего, придется **делать вид**, что вы **понимаете** все происходящее и вполне со всем согласны. Происходит что-то, что вы не можете до конца осмыслить, поэтому, наверное, лучше будет не вмешиваться* (Эстония; 03.04.2001).

3.3. Реципиент не **делает вид, что (не) понимает**

Остальные два типа метакоммуникативной ситуации – MCS II (Е не **делает вид**, что понимает) и MCS IV (Е не **делает вид**, что не понимает) – отчасти повторяют те наблюдения, которые были уже отмечены выше. Это и понятно, что говорить *не **делать вид**, что **понимаешь*** можно только в таком случае, когда можно ожидать, что Е действительно **делает вид**, что понимает (67), (68).

(67) *Одна из самых острых в республике – проблема языка. Экзамен по языку – непереносимое условие получения не только гражданства, но даже и пособия по безработице. Специальная «языковая инспекция» может в любой момент обязать человека пересдать экзамен или потребовать его увольнения. Такого нет ни в одной другой стране. Между тем русская речь в Латвии слышна повсеместно, к кому ни обратишься на «языке межнационального общения», все любезно отвечают, никто **не делает вид**, что **не понимает** (Аргументы и факты; 25.03.1998, 13(910)).*

(68) *Веселый, остроумный, легкий, этот человек не претендует на открытия (сто раз до него описали и Алжир, и Турцию). Он **не делает вид**, что **понимает** глубины мусульманской цивилизации (Профиль; 26.06.2000, 24).*

В большинстве примеров (их десятки), однако, тем или иным образом дается совет не изображать (не)понимания (69)–(73). Это говорит о двух вещах. Во-первых, принятие (не)понимающего вида – явление распространенное. Во-вторых, несмотря на то, что такое поведение иногда целесообразно, оно во многих случаях нежелательно. Примечательно здесь то, что советуют не делать вид чаще всего не из-за того, что так поступать некрасиво или против норм разговора, а это просто нецелесообразно с точки зрения Е.

(69) *Итак, если вы хотите избежать личных трагедий, не теряйте разум при слове «любовь». И **не делайте вид**, что **не понимаете**, какая эмоция за ним скрывается (АиФ – Здоровье; 28.10.2004, 44 (532)).*

(70) – *Вот вы, например, как впервые попали на нудистскую тусовку?*
– *Очень просто. Прочел в одной из газет статью о нудистах, и она меня заинтересовала. Адрес был указан, и я решил написать. Через несколько дней пришло приглашение в можайские бани... Тогда была зима, а в холодное время нудисты обычно собираются в банях.*

– *Ну и каково первое впечатление?*

– *Нормальное. Мужчины и женщины занимаются обычными делами – разговаривают, моются, общаются друг с другом:*

– *И ничего «такого»?*

– *Что вы имеете в виду?*

– *Только **не делайте вид**, что **не понимаете**. Вы же наверняка знаете, что многие воспринимают нудизм как стриптиз и даже как групповой (Труд-7; 29.06.2000, 118).*

(71) *Гороскоп*

*Телец. **Не старайтесь** выглядеть моложе и **делать вид**, что **не понимаете** простых вещей. Люди, которые к вам обратятся, достаточно сильны, чтобы вас оставить (Час (Латвия); 05.11.2003).*

(72) *Если полицейский похлопывает ребром одной руки по ладони другой – он просит тебя предъявить документы. **Не делай вид**, что ты его **не понимаешь**, – будет хуже (Маркетинг и Консалтинг; 24.10.2003).*

(73) *А вот известный американский журналист и патентованный русофоб Уильям Сафир высказался в газете «Интернэшнл геральд трибюн» гораздо более определенно. «По мере того как роль НАТО становится глобальной, альянс не должен забывать свою изначальную задачу – сдерживать русского медведя». Вот вам и истинная причина дискриминации наших соотечественников в Латвии. И пусть в Кремле **не делают вид**, что этого не **понимают** (Советская Россия (Москва); 16.03.2004, 034).*

4. Заключение

Подводя итоги, мы должны сначала напомнить о двух возможных интерпретациях, о которых шла речь в начале статьи. Положение дел, в котором (не) делают вид, что (не) понимают, может быть «реальным» в таком смысле, что оно отражает действительную ситуацию. Другая возможность – рассказчик употребляет данную речевую формулу для того, чтобы выразить свое отношение к Е. В первом случае можно спросить, зачем Е поступает так, во втором – зачем Т поступает так. Соответственно, можно говорить о коммуникативной стратегии Е и о коммуникативной стратегии Т.

Рассмотрим сначала коммуникативную стратегию Е. Можно исходить из того, что он делает вид, что понимает, в том случае, если это выгодно ему. Здесь можно различать некоторые основные типы ситуаций:

- (не)понимание P_1 отражает принципиальное отношение Е к данному средству общения (например, (не)знание иностранного языка)
- (не)понимание P_1 является частью ритуальной или конвенциональной игры между собеседниками (например, ситуация преподавания);
- (не)понимание P_1 облегчает положение Е в данной ситуации (например, когда его обвиняют в чем-то);
- (не)понимание P_1 освобождает Е от дополнительной работы (например, когда просят совета);
- (не)понимание P_1 происходит просто по инерции, от лени или неохоты Е.

В своей коммуникативной стратегии рассказчик (Т) прибегает к рассматриваемой речевой формуле прежде всего тогда, когда он осуждает, критикует поведение Е. Другими словами, говоря, что Е делает вид, что (не) понимает, Т хочет сказать: я не понимаю его поведение.

Целью данной статьи было также тестирование метода, который основывается на использовании метакоммуникативных высказываний в изучении коммуникативного поведения собеседников. Анализ показал, что такой подход позволяет раскрыть такие явления общения, которые обычно остаются вне внимания исследователей. Таким образом, данный метод рекомендуется использовать в изучении и других важных для человеческой интеракции приемов, например того, почему люди прибегают к модным словам (ср.: [Мустайоки, Вепрева 2006, 2015]).

Список литературы

- Богуславский И.М.* Словарная статья понимать // Толково-комбинаторный словарь русского языка: опыты семантико-синтакс. описания рус. лексики. Вена, 1984. С. 623–633.
- Вечкина О.В.* Коммуникативные неудачи в повседневном речевом общении: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2010. 22 с.
- Ермакова О.Н., Земская Е.А.* К построению типологии коммуникативных неудач // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М., 1993. С. 30–64.
- Иомдин Б.Л.* Семантика понимания: лексикографический портрет глагола понимать // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: тр. Междунар. конф. «Диалог-2003». М.: Наука, 2003. Вып. 2 (9). С. 210–215.
- Мустайоки А.* Многомерная модель взаимодействия как основа феномено-ориентированного подхода к коммуникации // *Russian Journal of Linguistics*. 2021. Т. 25, № 2: QS саммит 2020 по предметным областям «Современные языки» и «Лингвистика». С. 369–390. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-2-369-390. (На англ. яз.).
- Мустайоки А.* Почему общение на лингва франка удается так хорошо? // Языки соседей: мосты или барьеры? Проблемы двуязычной коммуникации / отв. ред. Н. Вахтин. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2011. С. 10–31.
- Мустайоки А., Вепрева И.Т.* Метаязыковой портрет модных слов // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегод. Междунар. конф. «Диалог» (Москва, 27–30 мая 2015 г.). М.: Изд-во РГГУ, 2015. Вып. 14 (21). Т. 1: Основная программа конференции. С. 453–467.
- Мустайоки А., Вепрева И.Т.* Какое оно модное слово: к вопросу о параметрах языковой моды // Русский язык за рубежом. 2006. № 2. С. 45–63.
- Мустайоки А., Черкунова Н., Шерстинова Т.* Коммуникативные неудачи в повседневном речевом общении: пилотное исследование с использованием метода ретроспективного комментирования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегод. Междунар. конф. «Диалог» (2021). М.: РГГУ, 2021. Вып. 20. С. 514–523. DOI: 10.28995/2075-7182-2021-20-514-523. (На англ. яз.).
- Мустайоки А., Шерстинова Т.* Оценка эффективности коммуникации с помощью методики ретроспективного комментирования звукозаписи непосредственными участниками диалога // Интернет и современное общество. СПб., 2017. С. 54–56.
- Прохоров Ю.Е., Стернин И.А.* Русские: коммуникативное поведение. М.: Наука: Флинта, 2011. 326 с.
- Стернин И.А.* Понятие коммуникативного поведения и проблемы его исследования // Русское и финское коммуникативное поведение. Воронеж: Изд-во ВГТУ, 2000. Вып. 1 / науч. ред. вып. И.А. Стернин. С. 4–20.
- Стернин И.А.* О понятии коммуникативного поведения // *Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung*. Halle, 1989. С. 279–282.
- Стернин И.А., Камбаралиева У.Д.* Теоретические проблемы описания коммуникативного поведения // Коммуникативные исследования. 2018. № 2 (16). С. 20–34. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.2.20-34.

- Cogo A., House J.* Intercultural pragmatics // *The Routledge Handbook of Pragmatics* / ed. by A. Barron, Y. Gu & G. Steen. London; New York: Routledge, 2017. P. 168–183.
- Firth A.* The lingua franca factor // *Intercultural Pragmatics*. 2009. Vol. 6, iss. 2. P. 147–170.
- Gander A.J.* Understanding in Real-Time Communication Micro-Feedback and Meaning Repair in Face-to-Face and Video-Mediated Intercultural Interactions: Doctoral Dissertation / Department of Applied Information Technology. Gothenburg, Sweden: University of Gothenburg, 2018. xx, 311 p.
- Hinnenkamp V.* Constructing misunderstanding as a cultural event // *Culture in communication: Analyses of intercultural situations* / eds. A. di Luzio, S. Günthner, F. Orletti. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2001. P. 211–243.
- Kecskes I.* Intercultural pragmatics. New York: Oxford University Press, 2014. x, 277 p.
- Linell P.* Troubles with mutualities: Towards a dialogical theory of misunderstanding and miscommunication // *Mutualities in dialogue* / eds. by I. Marková, C. Graumann, K. Foppa. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. P. 176–213.
- Macagno F.* Evidence and presumptions for analysing and detecting Misunderstandings // *Pragmatics & Cognition*. 2017. Vol. 24, iss. 2. P. 263–296.
- McGee P.* Cross-cultural pragmatic failure // *TLC Journal*. 2019. Vol. 3, iss. 1. P. 73–84.
- Micklos A., Walker N., Fay N.* Are people sensitive to problems in communication? // *Cognitive Science*. 2020. Vol. 44, iss. 2. Art. e12816. DOI: 10.1111/cogs.12816.
- Mustajoki A.* Why is miscommunication more common in everyday life than in lingua franca conversation? // *Current Issues in Intercultural Pragmatics (Pragmatics and Beyond New Series)* / eds. by I. Kecskes, S. Assimakopoulos. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2017. P. 55–74.
- Mustajoki A.* The Integrum database as a powerful tool in research on contemporary Russian // *Integrum: точные методы и гуманитарные науки* / отв. ред.-сост. Г. Никипорец-Такигава. М.: Летний сад, 2006. С. 50–75.
- Mustajoki A., Baikulova A.* The risks of misunderstandings in family discourse: Home as a special space of interaction // *Language and dialogue*. 2020. Vol. 10, iss. 3. P. 340–368. DOI: 10.1075/ld.00074.mus.
- Mustajoki A., Sherstinova T.* The “Retrospective commenting” method for longitudinal recordings of everyday speech // *Speech and Computer: 19th International Conference, SPECOM 2017, Hatfield, UK, September 12–16, 2017, Proceedings* / eds. A. Karpov, R. Potapova, I. Mporas. Cham: Springer, 2017. P. 710–718. DOI: 10.1007/978-3-319-66429-3_71. (Lecture Notes in Computer Science, Vol. 10458).
- Padilla Cruz M.* Pragmatic competence injustice // *Social Epistemology*. 2018. Vol. 32, iss. 3. P. 143–163. DOI: 10.1080/02691728.2018.1458351.
- Sarangi S.K., Slembrouck S.* Non-cooperation in communication: Assessment of Griecan pragmatics // *Journal of Pragmatics*. 1992. Vol. 17. P. 117–154.

References

- Boguslavskii, I.M. (1984), *Slovarnaya stat'ya ponimat'* [Dictionary entry to understand]. *Explanatory-combinatorial dictionary of the Russian language*, Experiments of semantic and syntactic description of Russian vocabulary, Vienna, pp. 623–633. (in Russian).

- Cogo, A., House, J. (2017), Intercultural pragmatics. Barron, A., Gu, Y., Steen, G. (eds.) *The Routledge Handbook of Pragmatics*, London, New York, Routledge publ., pp. 168-183.
- Ermakova, O.N., Zemskaya, E.A. (1993), K postroeniyu tipologii kommunikativnykh neudach [Towards the construction of a typology of communicative failures]. *Russkii yazyk v ego funktsionirovanii. Kommunikativno-pragmaticheskii aspekt* [Russian language in its functioning. Communicative and pragmatic aspect], Moscow, pp. 30-64. (in Russian).
- Firth, A. (2009), The lingua franca factor. *Intercultural Pragmatics*, Vol. 6, iss. 2, pp. 147-170.
- Gander, A.J. (2018), *Understanding in Real-Time Communication Micro-Feedback and Meaning Repair in Face-to-Face and Video-Mediated Intercultural Interactions*, Doctoral Dissertation, Gothenburg, Sweden, University of Gothenburg publ., xx + 311 p.
- Hinnenkamp, V. (2001), Constructing misunderstanding as a cultural event. di Luzio, A., Günthner, S., Orletti, F. (eds.) *Culture in communication: Analyses of intercultural situations*, Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins publ., pp. 211-243.
- Iomdin, B.L. (2003), Semantika ponimaniya: leksikograficheskii portret glagola ponimat' [Semantics of understanding: lexicographic portrait of the verb to understand]. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*, Papers from the Annual International Conference "Dialogue-2003", Iss. 2 (9), Moscow, Nauka publ., pp. 210-215. (in Russian).
- Kecskes, I. (2014), *Intercultural pragmatics*, New York, Oxford University Press, x + 277 p.
- Linell, P. (1995), Troubles with mutualities: Towards a dialogical theory of misunderstanding and miscommunication. Marková, I., Graumann, C., Foppa, K. (eds.) *Mutualities in dialogue*, Cambridge, Cambridge University Press, pp. 176-213.
- Macagno, F. (2017), Evidence and presumptions for analysing and detecting Misunderstandings. *Pragmatics & Cognition*, Vol 24, iss. 2, pp. 263-296.
- McGee, P. (2019), Cross-cultural pragmatic failure. *TLC Journal*, Vol 3, iss. 1, pp. 73-84.
- Micklos, A., Walker, N., Fay, N. (2020), Are people sensitive to problems in communication? *Cognitive Science*, Vol. 44, iss. 2, art. e12816. DOI: 10.1111/cogs.12816.
- Mustajoki, A. (2021), A multidimensional model of interaction as a framework for a phenomenon-driven approach to communication. *Russian Journal of Linguistics*, Vol. 25, no. 2: QS Subject Focus Summit 2020 on Modern Languages and Linguistics, pp. 369-390. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-2-369-390.
- Mustajoki, A. (2017), Why is miscommunication more common in everyday life than in lingua franca conversation?. Kecskes, I., Assimakopoulos, S. (eds.) *Current Issues in Intercultural Pragmatics*, Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins publ., pp. 55-74.
- Mustajoki, A. (2011), Pochemu obshchenie na lingva franka udaetsya tak khorosho? [Why does lingua franca communication work so well?]. Vakhtin N. (ed.) *Yazyki sosedei: mosty ili bar'ery? Problemy dvuyazychnoi kommunikatsii* [Languages of neighbors: bridges or barriers? Problems of bilingual communication], St. Petersburg, European University at St. Petersburg publ., pp. 10-31. (in Russian).

- Mustajoki, A. (2006), The Integrum database as a powerful tool in research on contemporary Russian. Nikiporets-Takigava, G. (ed.) *Integrum: tochnye metody i gumanitarnye nauki* [Integrum: Exact Methods and Humanities], Moscow, Letnii sad publ., pp. 50-75.
- Mustajoki, A., Baikulova, A. (2020), The risks of misunderstandings in family discourse: Home as a special space of interaction. *Language and dialogue*, Vol. 10, iss. 3, pp. 340-368. DOI: 10.1075/ld.00074.mus.
- Mustajoki, A., Cherkunova, N., Sherstinova, T. (2021), Communication failures in everyday conversations: A case study based on the "Retrospective Commenting Method". *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*, Papers from the Annual International Conference "Dialogue" (2021), Iss. 20, Moscow, RSUH publ., pp. 514-523. DOI: 10.28995/2075-7182-2021-20-514-523.
- Mustajoki, A., Sherstinova, T. (2017a), The "Retrospective commenting" method for longitudinal recordings of everyday speech. Karpov, A., Potapova, R., Mporas, I. (eds.) *Speech and Computer*, 19th International Conference, SPECOM 2017, Hatfield, UK, September 12-16, 2017, Proceedings, Lecture Notes in Computer Science; Vol. 10458, Cham, Springer publ., pp. 710-718. DOI: 10.1007/978-3-319-66429-3_71.
- Mustajoki, A., Sherstinova, T.Yu. (2017b), The technique of retrospective commenting as a means for evaluating the effectiveness of communication. *IMS-2017*, St. Petersburg, ITMO University publ., pp. 54-56. (in Russian).
- Mustajoki, A., Vepreva, I.T. (2015), Metalinguistic Portrait of Fashionable Words. *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*, Papers from the Annual International Conference "Dialogue" (2015), Iss. 14 (21), Vol. 1: Main conference program, Moscow, RSUH publ., pp. 453-467. (in Russian).
- Mustajoki, A., Vepreva, I.T. (2006), Kakoe ono modnoe slovo: k voprosu o parametrah yazykovoi mody [What is a fashionable word: on the question of the parameters of language fashion]. *Russian Language Abroad*, No. 2, pp. 45-63. (in Russian).
- Padilla Cruz, M. (2018), Pragmatic competence injustice. *Social Epistemology*, Vol. 32, iss. 3, pp. 143-163. DOI: 10.1080/02691728.2018.1458351.
- Prokhorov, Yu.E., Sternin, I.A. (2011), *Russkie: kommunikativnoe povedenie* [Russians: communicative behavior], Moscow, Nauka publ., Flinta publ., 326 p. (in Russian).
- Sarangı, S.K., Slembrouck, S. (1992), Non-cooperation in communication: Assessment of Gricean pragmatics. *Journal of Pragmatics*, Vol. 17, pp. 117-154.
- Sternin, I.A. (2000), Ponyatie kommunikativnogo povedeniya i problemy ego issledovaniya [The concept of communicative behavior and the problems of its research]. Sternin, I.A. (ed.) *Russkoe i finskoe kommunikativnoe povedenie* [Russian and Finnish communicative behavior], Iss. 1, Voronezh, Voronezh State Technical University publ., pp. 4-20. (in Russian).
- Sternin, I.A. (1989), O ponyatii kommunikativnogo povedeniya [On the concept of communicative behavior]. *Kommunikativ-funktionale Sprachbetrachtung*, Halle, pp. 279-282. (in Russian).
- Sternin, I.A., Kambaralieva, U.D. (2018), Theoretical problems of the description of communicative behaviour. *Communication Studies (Russia)*, No. 2 (16), pp. 20-34. DOI: 10.25513/2413-6182.2018.2.20-34. (in Russian).

Vechkina, O.V. (2010), *Kommunikativnye neudachi v povsednevnom rechevom obshchenii* [Communicative failures in everyday speech communication], Author's abstract, Saratov, 22 p. (in Russian).

**WHEN AND WHY DO WE PRETEND (NOT) TO UNDERSTAND:
AN ATTEMPT TO MAKE A CLASSIFICATION
ON THE BASIS OF META-COMMUNICATIVE STATEMENTS**

A. Mustajoki^{1,2}

¹ *University of Helsinki (Helsinki, Finland)*

² *National Research University – Higher School of Economics (Moscow, Russia)*

Abstract: According to the general rules of communication, interlocutors must conduct a conversation honestly. As you know, this is not always the case. The article deals with one type of deviation from this norm – situations in which the speaker (not) pretends that (does not) understand. Understanding is the key concept of communication, because in communication between people, not always but most often, interlocutors strive for mutual understanding. Thus, the task of the recipient is to identify the moments in which he does not understand what the speaker wants to express. If the recipient does not do this, he violates the general postulates of communication. When considering such cases, three main cases can be distinguished depending on who is the agent of speech, the recipient of the speech, the narrator, and the experiencer (the person who does not understand). Each of these situations has its own characteristics in relation to the reasons for using such a non-cooperative communication technique. To investigate this phenomenon, the article uses an unusual technique. The conclusions are based on the metalinguistic statements of the witnesses of the communication. The analysis showed that the experimenter pretends that he (does not) understand, in particular: (1) when he has a fundamental attitude to this means of communication (for example, (not) knowing a foreign language); (2) when (mis)understanding facilitates his position in a given situation (for example, when he is accused of something); (3) when (mis)understanding of what was said frees him from additional work (for example, when asking for advice); (4) when (mis)understanding occurs simply by inertia, from laziness or reluctance of the experimenter. The narrator, for his part, pretends not to understand most often when he condemns or criticizes the behavior of the experimenter.

Key words: communicative behavior, Grice's maxims, communicative failure, misunderstanding, communication between people.

For citation:

Mustajoki, A. (2022), When and why do we pretend (not) to understand: an attempt to make a classification on the basis of meta-communicative statements. *Communication Studies (Russia)*, Vol. 9, no. 3, pp. 575-597. DOI: 10.24147/2413-6182.2022.9(3).575-597. (in Russian).

About the author:

Mustajoki, Arto, PhD in Philosophy, ¹ Professor Emeritus, ² senior researcher of the School of Linguistics

Corresponding author:

¹Postal address: PO Box 24, Helsinki, 00014, Finland

²Postal address: 21/4, Staraya Basmannaya ul., Moscow, 105066, Russia

E-mail: arto.mustajoki@helsinki.fi

Received: January 4, 2022

Revised: January 17, 2022

Accepted: July 11, 2022

SPEAKING OF FOOD IN IMMIGRATION

E. Protassova¹, M. Yelenevskaya²

¹ *University of Helsinki (Helsinki, Finland)*

² *Technion – Israel Institute of Technology (Haifa, Israel)*

Abstract: This essay explores how multicultural Russian-speaking immigrants reflect about their old and newly adapted food habits. These reflections go beyond descriptions of diets and principles of nutrition but reveal to what extent newcomers are ready to participate in the culture of the majority, how they evaluate their past, which tastes make them nostalgic of the times gone and how ingenious they are in adjusting their favorite recipes to the local food products. Memories of their mothers' and grandmothers' cooking clash with the offerings in the new environment. Gradually bicultural food habits evolve, making immigrants negotiate their belonging. The discourse about food habits is an integral part of immigrant discourses about integration into the host society, but also about separation from the majority and gradual hybridization of immigrants' cultures. It is a complex intercultural communication process. Material for the essay was drawn from in-depth individual and group interviews with Russian-speaking immigrants residing in Finland, Germany, and Israel. We also studied internet forums of Russian-speaking immigrants dedicated to foodways. Our ethnographic diaries and photo-archives complement the sample.

Key words: Russian-speaking immigrants, cuisine on the move, fusion cooking, intercultural communication, traditional dishes, linguistic and cultural adaptation.

For citation:

Protassova, E., Yelenevskaya, M. (2022), Speaking of food in immigration. *Communication Studies (Russia)*, Vol. 9, no. 3, pp. 598-613. DOI: 10.24147/2413-6182.2022.9(3).598-613.

About the authors:

¹ **Protassova, Ekaterina**, Ph.D. in Linguistics, Dr. hab. in Pedagogy, Adjunct Professor of the Department of Languages

ORCID: 0000-0002-8271-4909

² **Yelenevskaya, Maria**, Ph.D. in English Philology, Senior researcher of the Department of Humanities and Arts

ORCID: 0000-0001-7155-8755

Corresponding authors:

¹ Postal address: PO Box 24, Helsinki, 00014, Finland

² Postal address: Dept. of Humanities and Arts, Technion-IIT, Technion City, Haifa, 32000, Israel

¹ E-mail: ekaterina.protassova@helsinki.fi

² E-mail: ymaria@technion.ac.il

Received: January 18, 2022

Revised: January 28, 2022

Accepted: July 11, 2022

Introduction

Food is fundamental for the human living, and discourses about food make a substantial part of conversations from the moment a baby is born and until the “last supper”. In such discourses, reality and dream are interwoven; some people hunt for the absolute organoleptic top, others train themselves to ignore physical pleasures and temptations [Albala 2013; Crowther 2013]. Identity is also formed through food and emotions connected to it. The foodways we grow up with determine the scale of good and bad sides of eating. Nutritional traditions are complex, including ethnic, religious and social components [Alymbaeva 2017; Gerhardt, Frobenius, Ley 2018]. As is true for many other things, people seldom reflect about them until questioned. Immigration is an upheaval for almost everyone and speaking about past food habits and eating under new circumstances becomes an important relief of endangered self-consciousness. Using new terms and adapting foodways developed in the home country to the new surroundings requires reformulation and reconstruction of habitual routines and alternative loyalties. Thus, identity metamorphosis causes transformation of eating practices, and vice versa. Food and culture are so deeply interrelated [Counihan, Van Esterik 2013; Sucher, Goyan Kittler, Nelms 2016] that changing one may transform the other. Linguists have studied vocabulary of food production and consumption and applied conversational analysis to discourses related to food (see, e.g., [Lehrer 1972; Newman 2009; Riley, Paugh 2018; Sztatrowski 2014]).

Speaking about food represents a specific way of communicative behavior in each country and language. An ongoing influx of immigrants and an increased mobility of residents in Europe and North America have changed food habits of the population; hardly anywhere do we find isolated cuisines that have not practiced fusion of foreign traditions with indigenous foodways. Still, while sharpening the consciousness of self-definition, people try to find means to promote or undermine their unique constellation of such habits shaping private and public life. It is important to understand how people who live outside of their country of origin verbally formulate their preferences, which

loanwords enter their discourse and how they explain what remained or what changed in their perception of the consumption world during their adaptation to the new circumstances of living. The prominent Russian scholar Iosif A. Sternin, an expert in intercultural communication, has analyzed and described communicative behavior of different peoples. Together with Prokhorov, he once wrote: “Russians enjoy communal feasts, but communication is always a priority: they will talk first, then eat and drink; food and drink are an occasion, and a suitable environment for a dialogue” [Prokhorov, Sternin 2006: 105]. As a result of our studies, we have come to the same conclusion: a Russian home is a place where guests are received to talk and eat together.

This article uses the method of thematic analysis and combines linguistic, sociological, ethnographic and anthropological approaches. In our research, we consider group reflections, individual narratives, personal essays devoted to transformations of food practices of the Russian-speaking multiethnic and multicultural immigrants to Finland, Germany, and Israel as countries with sizeable communities of ex-Soviets and their offspring. Their language use has been studied widely (for a summary, see [Mustajoki, Protassova, Yelenevskaya 2019]), whereas their cultural practices and especially interrelationships between linguistic attitudes and behavior need further exploration. Over 70 immigrants participated in this project. All of them were willing to share with us their thoughts about their food habits. We examined some features of the spoken and written reflections, e.g., the changing structure of oral recipes’ (cf. [Norrick 2000]), the use of calques and insertions from the dominant language of the speakers’ environment, ideas about naming dishes, critique and praise of the culinary and festive traditions, expression of emotional attitudes, comparisons and judgements. On the one hand, these narratives testify to acceptance of new foodways, on the other hand, they are filled with nostalgia for the old pre-emigration ones.



Fig. 1. A Russian food store in Helsinki



Fig. 2. Typical Russian products from Western producers



Fig. 3. A shop in Israel



Fig. 4. Buryak. In most Russian food stores in Israel price tags have names of the goods in Russian and in Hebrew. This electronic tag displays the name of the beetroot which is used in southern Russia, Ukraine and Poland

Explaining food concepts

The Russian-speaking population of Finland is composed of those Russians who have lived on the territory adjacent to Russia since the 18th century and of Ingrian Finns who have been migrating since 1990 as returning diaspora. In addition, there are Russian spouses from mixed families, businesspeople, and students. They come from different parts of the former Soviet Union, mostly from Karelia, Leningrad oblast, and Estonia.

Pannukakku is one of the basic Finnish food concepts. We found a remarkable Facebook¹ discussion on how to best translate this name (reproduced with permission and abridged):

(1) Dear Russian-speaking friends in Finland, after all, what is the Russian for **pannukakku**...

(2) *Omlet* [Rus. for omelet].

(3) Just nothing.

(4) In Minsk we used to call it “sweet omelet in the oven”.

(5) But nooo, omelet is **munakas** or **omeletti**.

(6) I am afraid, there is no word for it. There is an American version of the name but no Russian.

(7) Could it be *blinchik* [a diminutive of *blin*, a small blin]?

(8) It is not really a *blinchik*. Or rather it is not a *blinchik* at all. Clearly, *blinchiki* is **ohukaiset**.

(9) Well, at least in my family, they were just *blinchiki*.

(10) Now take for example *olad'i*. I mean the dish that is prepared on a baking tray in one take. Myself, occasionally I make *bliny*, but on a frying pan.

¹ Meta, the company that owns the Facebook social network, is recognized as an extremist organization in Russia, its activities in Russia are prohibited.

(11) This sort of dishes are called *zapekanka*. With cottage cheese and other stuff. And as far as the *bliny/olad'i* are concerned... it seems there is no analogous dish.

(12) It may be something like *pankeik* on a baking tray.

(13) This is the right word. And there exists a video-recipe under such name!

(14) The Internet suggests 'lazy *bliny* in the oven'.

(15) It's the least known version, but I like it best!)

(16) A *blin* in the oven.¹

(17) That's good. □

(18) Cool. 😊

(19) A *blin* in the oven, that's awesome. 😊😊

(20) Well, the composition of the dough is the same. □

(21) But it is a *blin* in the oven! 😊

(22) In fact, why am I interested – I teach my children not to mix languages. So, I honestly try to translate everything. But I never came across ***pan-nukakku*** in Russia.

(23) There are things that cannot be translated.

(24) Alas, this seems to be the case 😊

(25) The intention is good, but some things are untranslatable. On the other hand, *chiskejk, futbol, computer...* finally *facebook!*

(26) That's different. These words were borrowed long ago and are in Russian dictionaries. Before borrowing another word, I want to make sure there are no analogies.

(27) If you look at the recipe, it's *drachjona*.

(28) Yes :) but if you ask me, I still think it's ***pannukakku***.

(29) *Drachjona*.

(30) Thank you. The description seems to be very close.

(31) My grandma used to bake it all the time...

(32) I always thought that *drachjona* should be with potatoes or at least made from salty dough. But, if you trust Wikipedia, it is not always like this.

(33) It can also be sweet, for example, with cottage cheese.

(34) And yet it is *bliny*...

(35) I looked at the picture, and it does look like *zapekanka*...

(36) That's another possibility...

(37) And still, it is not *zapekanka*.

(38) *Omlet*.

(39) Yes, but they don't put flour into the *omlet*.

(40) What do you mean they don't? They do put a bit of flour.

(41) Mmmm, there are some gaps in my knowledge about *omlet* :)) O.k., but still, the main ingredient of an *omlet* is eggs, whereas in a ***pannukakku***,

¹ The similarity of this utterance to the English idiom "a bun in the oven" may be deliberate.

they are just a connecting element. I won't be surprised if there are *pannu-kakku* recipes without any eggs. Contrary to the *omlet*.

(42) By the way, I always called cottage cheese *zapekanka* a *raejuusto-laatikko*. Now I am not sure that anybody uses it except me. 😊

(43) A big thick *blin*)). And if it's with a filling, then it's a pie)

(44) *FinBlin*.

Many users were involved in this discussion thread, all of them very engaged in finding culinary and lexical parallels. Contributions (1), (5), (22), (28), (41), (42) offer Finnish names for the dishes; contributions (3), (6), (23), (24) claim there is no word in Russian to describe the dish. Some contributions use description (4), (14), (43), others suggest Russian names (2), (7), (9)–(12), (29), (35) which are afterwards discussed by others; participants agree, disagree, give examples from the Internet, or cite their relatives, they share recipes etc. They also discuss the use of English loanwords in Russian in general. Immigrants often turn into folk linguists, observing similarities and differences between their native tongue and the language of the host society, discussing idioms, trying to find adequate translation for words denoting cultural phenomena. The quoted discussion turns around the same terms all the time; everyone is willing to find a translation solution, but there seems to be no version accepted by everyone. Participants repeat the same words again and again, exchange recipes and links, call up different arguments for help, e.g., telling who cooked specific dishes, when and how. They translate the term that launched the exchange into other languages, they give examples of various culinary borrowings in Russian, discuss ingredients, taste, texture and shape of the compared dishes. In the end, an amusing new compositum, combining the country of use and the Russian word is invented.

Among the Russian Germans in Germany

About two million Russian Germans repatriated to Germany in several waves and from different territories of the former Soviet Union. They have an interesting history of integration [Isurin, Riehl 2017; Meng, Protassova 2010; Protassova 2020]. Their traditions are hybrid, coming from Old Germany, as well as from regions where they used to live before and after deportations of WWII:

- We never ever lived in Russia.
- From Kazakhs, we learned how to make *manty* and *plov*. We also make them here.

Sometimes our informants were not sure of the origin of familiar dishes:

- I also bake *chakchak*, a Kazakh sweet.
- No, it is a Tatar dish, Kazakhs make *baursak*.

An interesting case of hybridity is the Russian-German dish called *strudli*. While describing its preparation and response of their colleagues in Germany, the narrator mixes codes, constantly moving between Russian and German:

We have preserved something, which is called by a German word, but nobody knows where it comes from; our *Omy* [Russified German 'grandmoth-

ers'] make *shtrudli*. Here, they have *Strudel*, ***aber das ist Apfelstrudel*** [Germ. 'but it is apple strudel']. This is in the *Bäckerei* [Germ. 'bakery'], they may sell it by piece, puff pastry... whereas ours, they cook it in a *kazan* [Rus., Turk. 'big pot'], with meat, potatoes, everything is stewed, later they put small pieces of rolled dough, and this is what is called *shtrudli*. It's puff pastry with butter, rolled, cut into pieces, and butter prevents rolls from sticking together, like it is with dumplings. This must boil upon potatoes and meat, and not too much water. This dish comes from the Crimea, it was brought to Kazakhstan, and from Kazakhstan it came here. If you ask now, ***Russlandsdeutsche, Strudle, fast jeder weißt das*** [Germ. and Russian-German 'Strudle, almost everybody knows it']. ***Wenn du fragst, mm also*** [Germ. 'So if you ask'] if you ask the locals, they know the word, but they do not know what it is. I brought it to my workplace, here you are, help yourselves, ***des ist unsere deutsche russische deutsche Gericht***. [Germ. 'It is our German, Russian, German dish'], I gave everybody to taste it, ***jeder war begeistert, aber*** [Germ. 'Everybody was excited, but'] they do not know it... I think that our ancestors maybe, ***deutsche Strudel*** was once in the dough ***gebacken, aber*** [Germ. 'baked, but'] somebody took it, tried to make it with meat and potatoes, and this is how it stayed.

Even in modern societies, festive rituals, which are almost always connected to specific food are important for community members because of shared positive emotions and common memories of childhood and youth. Food consoles and invigorates when people move away from home. Most of the Russian Germans are members of bigger communities and keep strong ties within extended families. They do not celebrate May 9 (Victory Day in Russia) and have not learned to accept the carnival popular in Germany. Some of them celebrate, the 8th of March (International Women's Day), while those who served in the Soviet Army celebrate February 23 (the Defender-of-the-Fatherland Day, in common parlance referred to as men's day.) The St. Silvester festive foods seem to be similar to the Russian tradition:

- The New Year cannot come without *Olivier*
- For the New Year, we get together with friends. We buy special lamb meat where they cut it. We pickle fresh lamb meat and prepare *shashlyk*. And salads, whatever everybody brings, it's potluck. Champagne.

Because Soviet ideology was anti-religious, Christmas was not a sanctioned holiday in the Soviet times. In post-Soviet times Christmas returned to its former glory, but in the Russian Orthodox tradition it is celebrated according to the Julian calendar, so there is no day off on the day Germans celebrate it in Russia. Due to contacts with other cultures and stigmatization of religious holidays the group's rituals lost some of its authenticity and hybridized. Today, for Christmas they prepare smoked carp, cabbage stuffed with white bread and dried fruit, or duck stuffed with buckwheat, and they drink a glass of cognac. The newly acquired tradition is *Plätzchen*; old and still popular desserts are *Rivelkuchen* and *Streuselkuchen*. And yet, Soviet favorite cake "napoleon" [mille-

feuille] is also common among Russian Germans and elsewhere in the diaspora. “We would accept it even if it were round”, told us an elderly woman, implying that the standard shape is rectangular. “Why is the cake called “napoleon”? Why not “Kutuzov”? – suddenly asked one of the Russian Germans patriotically (Kutuzov was the Russian army commander who defeated Napoleon's troops.)

Russian Germans say that they like shopping in Russian stores things like *bubliki* [bagels].

- We have so many Russian shops around here. In the past, there were one or two, and now, there are, indeed, many more.

- Do local Germans frequent such shops?

- Sure. Yes-yes, they buy meat there, and sausages.

- Do they like it?

- I think yes. And they also bring fresh meat every day, it is cheaper than in other shops, meat is the main reason.

- Local salespeople cannot understand what we do with the meat.

- We buy where the Turkish people buy.

- In the past, we had a big oven ‘kontramarka’, and we could put Bible Tripe in it for a whole night.

- We know that sausage, *doktorskaya* [the name of a popular brand, “Doctor’s sausage” alluded to its nutritional value], we will buy it.

- Local Germans cannot eat our fish, because it smells. We had all sorts of fish in Kazakhstan. In the past, in Kazakhstan, we could not buy meat every day. If you buy meat, you have to queue, then you buy as much as you can carry away, that is why we used to put it into the freezer. This habit remained for a long time, maybe that it suddenly comes to an end, but the meat [in German shops] never ended. So, we understood: why freeze it if we can buy fresh meat tomorrow. We needed so many years to come to understand this. Now, we freeze only for the holidays, when the shops are closed, and we have many visitors. Our children do not eat that much meat. They prefer vegetarian dishes. So, I cook *borshch* with meat and then take it out for them [to eat it without meat].

Until recently, home-made food processing and preservation was common in the post-Soviet space, although many lacked freezers big enough for long-term storage. People planted and harvested vegetables to pickle them, they grew fruit and berries on their *dacha* plots and preserved them in elaborate ways so that they would last until next summer. In addition, they would pick berries and mushrooms in the forest, preserve and store them for the winter. Today, fresh and mass-produced frozen foods take over, although in the early post-Soviet times people found mass manufacture of some foodstuffs previously not found in shops and cafeterias unnatural and disquieting. It was considered to be not as healthy as foods prepared at home [Caldwell 2004: 13-14]. Some émigrés are still distrustful of preserved and ready-to-serve foods:

I have always cooked myself. And will continue to do so, because all these chemicals... Everywhere ingredients are awful. If you have prepared it

with your own hands, you know what you eat... This is a tradition. Our mothers always baked for us.

The Russian Germans are proud of their past and their achievements in Germany. Their narratives reveal self-irony and are permeated with reflections about their culture and old and new habits. They are naïve linguists and ethnographers comparing themselves with other immigrants and locals. They are used to mixing Russian and German words and have preserved some pronunciation features developed in the contact situation with speakers of other languages of the former Soviet Union. Many told us that living in Germany they came to like exotic foods, eat them regularly and even prepare international meals themselves.

Metamorphoses of Russian food habits in the Middle East

In 1989-1999, nearly a million people immigrated to Israel from the countries of the former Soviet Union. There were people coming from every corner of the Soviet territory, and there are many mixed families. So, their foodways were different and reflected contacts with various cooking traditions of the Soviet Union. The majority of the newcomers were secular and did not observe the Jewish dietary tradition and law. Moreover, some were completely unaware of what it means to cook and eat “kosher”. This led to many an embarrassing moment for these individuals when they invited their new Israeli friends to their homes and served meals that wouldn’t be eaten by their guests since they combined meat with dairy products, or included seafood. In many families it was the children who would be the first to learn how to eat “properly” from their visits to schoolfriends. Moreover, the children would insist on serving kosher meals when they wanted to host their friends and mark Jewish holidays by serving ritual dishes, such as apples and honey for the Jewish new year, or *gefilder fish* [a poached mixture of ground deboned fish] with horseradish and *haroset* for the Passover.

Already in the 1990s, many immigrants started using their connections in the “old country” to import foods missed by their co-ethnics in Israel. Numerous “Russian” food shops were launched, selling imported foods from the countries of the former Soviet Union. Moreover, some Israeli companies started producing food products, favored by ex-Soviets: different types of *pel'meni*, *tvorog*, Georgian-style cheese *sulguni*, and a variety of brown breads: Ukrainian, Belorussian, *Rizhskii* [adjective of “Riga”], *Borodinskii*, and some others. There are also favorite Soviet pastries *Napoleon* and *Kievskii tort* [Kyiv cake] available in some shops [Yelenevskaya, Fialkova 2017]. However, our informants say that while the names are the same, the taste is different. When speaking about changes in their diet, our informants mention differences in the climate, changes in the times of meals and the abundance of vegetables and fruit throughout the year:

- The role of vegetables has increased, with time salads have replaced side dishes. The first course as an indispensable part of lunch has disappeared,

then lunch has been replaced by early dinner, and supper is gone altogether. Although in winter it's tea with something. I don't bake as much as before. The share of fish has grown while the share of meat and fowl has dropped. The role of potatoes and cereals has dwindled, and pasta disappeared altogether.

- My nutritional regimen has changed. In Israel I became interested in healthy eating, and in the Mediterranean cuisine – sea food, fish, grilled vegetables, and fresh vegetables abundant in Israel throughout the year. I started cooking in Israel (I was 23 when we immigrated). I love Odessa traditions of my mum's cuisine, for example, eggplants, *sinen'kie* [the blue ones] as they are called, in any style, and I think these traditions are similar to the Mediterranean ones. At the same time, I have had more “encounters” with different other foods, whether during trips abroad or in restaurants, in TV programs with chefs or in my friends' homes. And I often try to reproduce the recipes I liked.

- When we emigrated in 1990, food was scarce and sometimes you had to queue even to get a loaf of bread. The most sought for food then was “Bush's legs” [imported chicken legs sold as frozen blocks]. So, when we got to Israel and saw all these beautiful (but not always tasty) fruit and vegetables, we simply freaked out. I thought I would never have enough of them. Strange, but in a short while I did have enough of fruit. I almost don't eat them today, but I still love vegetables and cannot imagine a meal without them.

Among the foods Russian-speaking Israelis miss are hand-picked forest berries and mushrooms, some soups that are difficult to make with one or two ingredients missing, fish that are not imported to Israel, e.g., *koryushka* [European smelt], and some ethnic dishes: Ukrainian, Georgian, Uzbek and others:

I miss *okroshka* [cold *kvas* soup with vegetables and chopped meat or fish] and *borsch* with *pampushki* [garlic fritters] as served in Ukrainian cafés. I sometimes make *okroshka* in Haifa, using white *kvas*. I miss *kotleta po-kievski* [a dish known in the international cuisine as “chicken Kyiv”]. Once I bought it here, but it wasn't right. And [I also miss] *vareniki s vishnyami v kisel'nom souse* [dumplings stuffed with cherries served with berry starch sauce].

Like immigrants in other countries, talking about food nostalgia Russian-speaking Israelis say that it is contextualized and is related to specific memories.

- I remember mum making homemade jam. According to the rules, one had to take off foam. Jam was to be kept for the winter, but the foam with some berries and sweet liquid would be served the same evening. This was the tastiest thing if you put it on a slice of black bread with butter, and drinking tea with jam foam, sitting together with mum and dad on the porch was ultimate happiness. Now we no longer have to make jams ourselves as all sorts are available in shops, and the happiness of foam-eating is all in the distant past.

- I don't miss any specific dishes, rather specific relations and situations in which these dishes seemed to be the tastiest. For example, when I came back from the sports camp, my gran would welcome me with potatoes (*kartoshechkoj*) [endearing of “potatoes”] and a sausage (*sosisochkoj*) [endearing of “sau-

sage”]. And these were accompanied by a pickled tomato or cucumber. I think it’s one of the most wonderful dishes, naturally, linked to my childhood, homecoming, my family’s love and their wish to express their love by making food for me and giving it diminutive names.

Festive traditions and food rituals have also changed. Many families in which the Jewish tradition was not observed serve festive meals both to celebrate the New Year, referred to as “civilian” New Year in Israel and *rosh ha-shana*, the Jewish new year which falls on September-October. In mixed families, it is not uncommon to serve a festive meal for *Pesakh* [Passover] and another one for the Russian Orthodox Easter. The repertoire of ritual dishes served for Russian and Soviet holidays differs from the menu of the Jewish holidays: “Olivier Salad, sausages and caviar appear for the New Year, symbolizing the Russianness of the festivity”. Some of the restaurants making parties for the New Year advertise favorite Soviet dishes Olivier Salad and Herring under the Fur Coat as a gimmick for their Russian-speaking clients [Fialkova, Yelenevskaya 2013: 172-182].

While some of the informants say that they fell in love with the Mediterranean cuisine and enjoy making popular Middle Eastern dishes, they also find some of the foods one can buy in their home country much tastier. Moreover, when they visit their native towns, they bring back local specialties to treat family and friends.

Since Israel has become a popular tourist destination for residents of the countries of the former Soviet Union, Russia and Ukraine in particular, many sites post texts with colorful pictures, naming and describing popular Israeli dishes, bringing them closer to the would-be tourists to Israel by making analogies with dishes familiar to the readers:

- *Malauch* is a *blin* [pancake] made of unfermented puff pastry.
- Irrespective of how you pronounce the name of this dish – *cholnt* or *khamin* you’ll be served tasty *zharkoe* [stew].
- “*Meorav Ierushalaim*” is the most popular Jerusalem meat dish made from four parts of chicken meat: liver, heart, gizzards and breasts. This *zharkoe* is served in bread plates – *pitae*.

Authors of these posts introduce their site visitors to the ethnic origins of popular Israeli dishes, indicating whether they are traditional Palestinian dishes or were imported by European (Ashkenazi) or Oriental and Sephardi Jews. They also attempt to explain the basics of kosher eating – the Jewish dietary law, although some of these explanations lack precision or even give false information. Thus, one author claims that black caviar is kosher while the red one isn’t; in fact, the opposite is true (gidizrail.ru/ob-izraile/kuhnya-israilja.html).

We can also find discussion forums in which Russian-speaking Israelis share recipes and discuss nutritional value of various Russian, Israeli and international dishes. These online conversations suggest that many participants are greatly concerned with eating healthy foods and often say that it is not dif-

ficult thanks to the abundance of fruit and vegetables in Israel. Some show ingenuity in adding new flavors, e.g., using oriental spices when cooking buckwheat, or mixing it with *batatas* (sweet potatoes) or quinoa, or serving it together with fish and lemon, although one participant described the experience of eating the latter dish as a “culture shock”.

A special place in these discussions is given to the preparation of festive Jewish dishes. A case in point is the FB group *Vkusnaya kukhnya (Izrail’)* [Tasty cuisine (Israel)], ([facebook.com/groups/1293611817410389](https://www.facebook.com/groups/1293611817410389)). Shortly before the Jewish new year, one of the members posted the recipe of *gefilter fish* which received 358 likes, 107 shares and was followed by 198 comments. The most salient feature of these comments was that those who praised the recipe, calling it “correct”, added that it was exactly the way their grandmothers did:

- My gran cooks it in the same way.
- My great grandma taught me the same recipe.
- This is how my grandma made it, this is how my mum makes it, and this how I make it.

Irrespective of how open immigrants are to innovations in their cooking styles and how willing they are to adapt their cooking to the local tradition, festive and ritual dishes familiar from childhood are perceived as an important part of their cultural heritage.

Discussion and conclusion

This study investigated groups of Russian-speaking immigrants in the countries of their mass migration. The data was collected through individual and group interviews, and analyses of internet discussion forums. Participants are sure that culture is first and foremost foodways and that’s why survival of culinary traditions of their home country and intergenerational transfer in the family are viewed as important issues. Our participants spoke and wrote about their memories of childhood connected to their culinary experiences, and their gastronomic likes and dislikes. They told us how they tried to adapt to the new foodways, which is an integral part of adaptation to the new environment. They discussed food traditions of the host society which they accepted and about transformation of their own tastes under the influence of cultures in contact. Finally, they reflected about links between food and festive traditions before and after immigration.

Like some other communities, Russian speakers abroad first do not wish to be exoticized and think of themselves as standard Europeans. Learning that their culinary preferences differ from the tastes of the host culture may reshape their view of the self. Because of the lingua-cultural specificity, the Russian-speakers must often explain to their neighbors what their culinary heritage is all about. Trying to interpret recipes and names, they experience a mix of satisfaction and despair: on the one hand, they dive into the glorious past and recall the past life of plenty; on the other hand, they try to verbalize the essence of what makes them happy while eating all the “weird” Russian foods but in vain.

People of older generations cannot abstain from recalling difficulties in obtaining food in the Soviet and early post-Soviet times. Moreover, their absolute favorite, buckwheat, may look unappetizing to those who are not used to it, while the smell of the white fish they consider delicious may be unpleasant to the locals.

We were surprised by the immigrants' willingness to speak about food (cf. [Bernshtein 2006]). Although discussions of foodways require closeness in relations, people of different age groups participated in our discussions with enthusiasm and were eager to exchange their favorite stories. Notably, little was said about how festive foods were designed and decorated, and how the table was served. What deserved special praise and detailed descriptions was natural flavors. Childhood birthdays are exceptional in this respect, e.g., among narratives about children's birthday parties in the Soviet times there were colorful descriptions of funny creatures made of food, such as half a tomato on a boiled egg and decorated with drops of mayonnaise on the top as if on a fly amanita.

The food discourses are not devoid of humor, e.g., when immigrants talk about food clichés and ridicule reactions of those who have not eaten authentic and delicious dishes of the Russian cuisine yet are prejudiced against them. Another feature of the discourse in our sample is the use of Russian proverbs and sayings about food: such as *kashu maslom ne isportish'* [Butter cannot spoil cooked cereal], or *na vkus i tsvet tovarischei net* [the Russian equivalent of "tastes differ"]. Familiarity with preferred tastes is viewed as some sort of insider information and those who have not tried out the flavors and effects of certain dishes are jokingly considered to be unable to attain the peaks of delight. No matter whether food identity is created by the pleasures of simple or elaborate ingredients, the most refined delicacies or the simplest staples, the enjoyment comes from both. Thus, bread, butter and sugar may seem the most wonderful thing in the world of cupcakes and chocolate tarts. This self-mockery is at the same time a kind of self-affirmation needed for defense of the inner morality, deepest self and the right to belong to a distinctive group of co-ethnics in order to justify only partial integration of its members into the host society.

Most of the people with the Orthodox background still make feasts the way they did in Russia and according to the Russian Orthodox calendar, but they often combine them with (post-)Soviet traditions, and both deviate from what is accepted in the West. This mismatch triggers a radical change of food habits. Even in secular families old and new traditions may clash in home practices. The choices made during the annual cycle may change the way people organize their activities. The features of food preparation and consumption, both socio-linguistic and anthropological, signify transition from one lifestyle to another. The hierarchy of the contemporary eating preferences is sometimes underestimated, and medical issues overlooked. In Russia and the neighboring countries, with their memories of recent famine and starvation, the idea of healthy diets does not necessary match recommendations of western nutritionists (cf. [Lang 2005]). As one of the respondents put it, 'here, they save on sugar, they

offer margarine instead of real butter, and they push us to put salt into the ready dishes which spoils their taste'. With their imported views of adding butter, salt and sugar whenever it seems appropriate, and stocking up products that were in short supply in the past, Russian-speaking immigrants may seem barbarians with outdated habits. At the same time their clear bias towards natural products may have parallels with the Slow Food movement. Discussion of what is right or wrong in eating, as well as food democracy and education, entered public talk and is a sign of a change in society (cf. [Willink 2019]).

Indeed, the history of the Russian food does not often evaluate the norms of quantity and freshness of food, and healthy foods in the modern sense of the word entered the market only recently. The inappropriate eating behavior of Russians remains a subject of disdain abroad. For those who learned a more modern approach to nutrition Russian traditions often become a nightmare, and they are happy to turn to other practices. Like in the process of learning a new language, while integrating into a new culture, a person must abandon some of the ways he/she is used to, verbalize his/her own thoughts and try to accept new habits.

References

- Albala, K. (ed.) (2013), *Routledge International Handbook of Food Studies*, New York, Routledge publ., 424 p.
- Alymbaeva, A.A. (ed.) (2017), *Food and Identity in Central Asia*, Halle, Max Planck Institute for Social Anthropology publ., 184 p.
- Bernstein, J. (2006), "Sometimes I feel that this is the Russia we had always dreamed of..." *Transnationalism and capitalism: Migrants from the former Soviet Union and their experiences in Germany*, Research Group Transnationalism Working Paper No. 7, Institute of Cultural Anthropology and European Ethnology Johann Wolfgang Goethe University Frankfurt am Main publ., available at: <https://d-nb.info/1055915745/34> (accessed: December 1, 2021).
- Caldwell, M.L. (2004), Domesticating the French fry: McDonald's and consumerism in Moscow. *Journal of Consumer Culture*, Vol. 4, no. 1, pp. 5-26.
- Counihan, C., Van Esterik, P. (eds.) (2013), *Food and Culture, A Reader*, New York, Taylor & Francis publ., 564 p.
- Crowther, G. (2013), *Eating Culture, An Anthropological Guide to Food*, Toronto, University of Toronto Press, 2013, 384 p.
- Fialkova, L., Yelenevskaya M. (2013), *In Search of the Self: Reconciling the Past and the Present in Immigrants' Experience*, Tartu, ELM Scholarly Press, 282 p.
- Gerhardt, C., Frobenius, M., Ley, S. (eds.) (2018), *Culinary Linguistics: The chef's special*, Amsterdam, Benjamins publ., 363 p.
- Isurin, L., Riehl, C.M. (eds.) (2017), *Integration, Identity and Language Maintenance in Young Immigrants. Russian Germans or German Russians*, Amsterdam, Benjamins publ., 292 p.
- Lang, T. (2005), Food control or food democracy? Re-engaging nutrition with society and the environment. *Public Health Nutrition*, Vol. 8, no. 6A, pp. 730-737.
- Lehrer, A. (1972), Cooking vocabularies and the culinary triangle of Lévi-Strauss. *Anthropological Linguistics*, Vol. 14, no. 5, pp. 155-171.

- Meng, K., Protassova, E. (2020), Running out of words: tactics for maintaining conversation among Russian-German bilinguals. *Communication Studies (Russia)*, Vol. 7, no. 2, pp. 283-299. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(2).283-299. (in Russian).
- Mustajoki, A., Protassova, E., Yelenevskaya, M. (eds.) (2019), *The Soft Power of the Russian Language: Pluricentricity, Politics and Policies*, London, Routledge publ., 278 p.
- Newman, J. (2009), *The Linguistics of Eating and Drinking*, Amsterdam, Benjamins publ., 292 p.
- Norricks, N.R. (2000), Conversational recipe telling. *Journal of Pragmatics*, Vol. 43, no. 11, pp. 2740-2761.
- Prokhorov, Yu.E., Sternin, I.A. (2006), *Russkie: kommunikativnoe povedenie* [Russians: communicative behavior], Moscow, Flinta publ., Nauka publ., 193 p. (in Russian).
- Protassova, E.Yu. (2020), Food as a part of cultural identity: Practices of Russian Germans in Germany. *Labyrinth*, Vol. 1, pp. 57-70. (in Russian).
- Riley, K.C., Paugh, A.L. (2018), *Food and Language: Discourses and Foodways Across Cultures*, New York, Routledge publ., 272 p.
- Sucher, K.P., Goyan Kittler, P., Nelms, M. (2016), *Food and Culture*, 7th ed., Boston, Cengage Learning publ., 560 p.
- Szatrowski, P.E. (Ed.) (2014), *Language and Food: Verbal and nonverbal experiences*, Amsterdam, Benjamins publ., 324 p.
- Willink, K. (2019), Food culture, relationality and the Slow Food Movement. *Journal of European Popular Culture*, Vol. 10, no. 1, pp. 61-73.
- Yelenevskaya, M., Fialkova, L. (2017), Linguistic landscape and what it tells us about the integration of the Russian language into Israeli economy. *Russian Journal of Linguistics*, Vol. 21, no. 3: Commodification of Russian, pp. 557-586. DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-3-557-586.

РЕЧЬ О ЕДЕ В ИММИГРАЦИИ

Е.Ю. Протасова¹, М.Н. Еленевская²

¹ Хельсинкский университет (Хельсинки, Финляндия)

² Технион – Израильский технологический институт (Хайфа, Израиль)

Аннотация: Исследуется, как мультикультурные русскоязычные иммигранты размышляют о своих старых и недавно усвоенных пищевых привычках. Эти размышления выходят за рамки описания диет и принципов питания, но показывают, насколько новички готовы приобщиться к культуре большинства, как они оценивают свое прошлое, какие вкусы вызывают у них ностальгию по ушедшим временам и насколько изобретательны они в адаптации своих любимых рецептов к местным пищевым продуктам. Воспоминания о том, как готовили их матери и бабушки, противоречат тому, с чем они сталкиваются в новой среде обитания. Постепенно развиваются бикультурные пищевые привычки, заставляя иммигрантов обогатить свою культурную принадлежность. Дискурс о пищевых привычках является неотъемлемой частью дискурсов иммигрантов об интеграции в принимающее общество, а также об отделении от большинства и постепенной гибридизации культур. Это сложный межкультурный коммуникативный процесс. Материал для статьи

взяты из подробных индивидуальных и групповых интервью с русскоязычными иммигрантами, проживающими в Финляндии, Германии и Израиле. Также изучены интернет-форумы русскоязычных иммигрантов, посвященные еде. В дополнение к этому авторы опирались на свои этнографические дневники и фотоархивы.

Ключевые слова: русскоязычные иммигранты, кулинария в движении, смешанные способы приготовления пищи, межкультурная коммуникация, традиционные блюда, языковая и культурная адаптация.

Для цитирования:

Протасова Е.Ю., Еленевская М.Н. Речь о еде в иммиграции // *Коммуникативные исследования*. 2022. Т. 9. № 3. С. 598–613. DOI: 10.24147/2413-6182.2022.9(3).598-613. (На англ. яз.).

Сведения об авторах:

¹ **Протасова Екатерина Юрьевна**, доктор педагогических наук, доцент, адъюнкт-профессор отделения языков

ORCID: 0000-0002-8271-4909

² **Еленевская Мария Николаевна**, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела гуманитарных наук

ORCID: 0000-0001-7155-8755

Контактная информация:

¹ Почтовый адрес: 00014, Финляндия, Хельсинки, а/я 24

² Почтовый адрес: 32000, Израиль, Хайфа, Технион-Сити, Технион – Израильский технологический институт, факультет гуманитарных наук и искусства

¹ E-mail: ekaterina.protassova@helsinki.fi

² E-mail: ymaria@technion.ac.il

Дата поступления статьи: 18.01.2022

Дата рецензирования: 28.01.2022

Дата принятия в печать: 11.07.2022

ЭЛЕКТРОННОЕ ПИСЬМО В ДИСКУРСЕ ОПЕРАТИВНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ: ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОЙ ДЕЛОВОЙ КОММУНИКАЦИИ

А.О. Стеблецова

*Воронежский государственный медицинский университет им. Н.Н. Бурденко
(Воронеж, Россия)*

Аннотация: Представлен анализ современных тенденций электронного письма как одного из форматов дискурса оперативного взаимодействия (ДОВ). Отмечая на основе последних исследований деловой коммуникации дискурсивные и прагмалингвистические трансформации этого жанра, автор выдвигает гипотезу о тенденции жанрово-стилистической гибридации электронного письма в ДОВ. Целью исследования стало выявление и анализ лингвистических проявлений жанрово-стилистической гибридации в текстах электронных писем на русском и английском языках. Материалом послужили тексты ДОВ в формате электронных писем российских и британских вузов 2017–2022 гг. Методология исследования базировалась на авторской модели дескриптивно-сопоставительного анализа с использованием отдельных параметров ситуативно-прагматического, текстового и лингвостилистического аспектов этой модели. В результате анализа было установлено, что русские электронные письма ДОВ обнаруживают черты жанровой гибридации: появление в формате электронного письма жанровых черт приказа и распоряжения – отдельных дискурсивных типов; черты стилистической гибридации: появление маркеров разговорного стиля на композиционном, лексико-синтаксическом, визуально-графическом уровнях текста. Английские электронные письма ДОВ демонстрируют схожие проявления стилистической гибридации, выраженные преимущественно в лексических и грамматических характеристиках текста. Делается вывод об универсальности тенденции жанрово-стилистической гибридации формата электронного письма ДОВ и необходимости дальнейшего изучения ее национальной вариативности.

Ключевые слова: электронное письмо, деловая коммуникация, дискурс оперативного взаимодействия, жанрово-стилистическая гибридация.

Для цитирования:

Стеблецова А.О. Электронное письмо в дискурсе оперативного взаимодействия: особенности современной деловой коммуникации // Коммуникативные исследования. 2022. Т. 9. № 3. С. 614–624. DOI: 10.24147/2413-6182.2022.9(3).614-624.

Сведения об авторе:

Стеблецова Анна Олеговна, доктор филологических наук, доцент, ведущий кафедрой иностранных языков

Контактная информация:

Почтовый адрес: 394006, Россия, Воронеж, ул. Студенческая, 10

E-mail: annasteb1@mail.ru, annasteb1@vrngmu.ru

Дата поступления статьи: 30.06.2022

Дата рецензирования: 05.07.2022

Дата принятия в печать: 11.07.2022

Введение

Среди институциональных типов дискурса, под которыми обычно понимаются клишированные коммуникативные практики, объединяющие взаимодействие людей в рамках одного социального института [Sarangi, Roberts 1999; Карасик 2000], в англоязычных социолингвистических исследованиях выделяют коммуникативное взаимодействие на работе или workplace communication, workplace discourse [Tannen 1994; Holmes 2006; Koester 2006]. В нашем исследовании национальной специфики метапрофессионального дискурса этот вид деловой институциональной коммуникации получил название **дискурс оперативного взаимодействия** (далее – ДОВ), который определяется как «система организации и структурирования коммуникативного взаимодействия на рабочем месте по решению оперативных вопросов институционально-профессиональной деятельности» [Стеблецова 2017: 36].

В последние десятилетия значительное место в этой системе занимает коммуникация в формате электронных писем. Быстрота, доступность и эффективность этого вида коммуникации буквально революционизировала дискурс оперативного взаимодействия, причем как в национальных, так и международных масштабах, что стало особенно заметно в период пандемии COVID-19. Если до пандемии электронное письмо чаще использовалось при отсутствии возможности личного контакта в силу географических причин или между представителями разных организаций, часто не знакомых лично, то теперь оно стало полноправной заменой личного устного общения представителей одной организации. В связи с этим изучение современных тенденций дискурса оперативного взаимодействия в формате электронного общения представляется необходимым и актуальным в русле современных коммуникативных исследований.

Проблематика современных исследований электронной коммуникации отражает интерес ученых к темам функционально-стилистического и жанрово-дискурсивного характера [Кушнир 2018; Трубникова 2019; Кушнир, Паль 2020; Иванова 2020; Михеева 2021]. Большинство авторов

отмечает, что современная деловая коммуникация переживает очевидные дискурсивные и прагмалингвистические трансформации, что отражается:

- 1) в появлении новых форматов дискурса оперативного взаимодействия, например корпоративного чата;
- 2) перемещении традиционных жанров оперативного взаимодействия, таких как приказ, служебная записка, в цифровую среду;
- 3) смешении официально-делового и разговорного стилей в текстах корпоративных электронных писем.

Отмечая справедливость этих выводов, считаем целесообразным рассмотреть прагмалингвистические особенности ДОВ в формате электронных писем во внутрикультурном и межкультурном аспектах. Предполагаем, что современная тенденция **жанрово-стилистической гибридации** – смешения в формате электронного письма разных жанров ДОВ и функциональных языковых стилей – универсальна для разных лингвокультур, однако она может иметь национальные проявления. Таким образом, целью настоящей работы является выявление и анализ лингвистических проявлений жанрово-стилистической гибридации в текстах электронных писем ДОВ.

Материалы и методы

Материалом исследования послужили электронные письма вузов России на русском языке, созданные в ходе внутрикультурной коммуникации по решению служебных вопросов в 2017–2022 гг. – первый корпус (далее – русский корпус). Второй корпус (далее – английский корпус) составили письма на английском языке, созданные в ходе межкультурной коммуникации ДОВ, с участием представителей британских высших учебных заведений и профессиональных ассоциаций, таких как University of Birmingham, King's College London, SLC Specialist Language Courses, UK, и их российских партнеров в 2017–2022 гг. В английском корпусе анализу были подвергнуты только письма британских корреспондентов.

Основные критерии включения электронных писем в корпус:

– тематическое соответствие ДОВ: предмет текста относится к учебной, учебно-методической, организационной деятельности участников ДОВ;

– электронный канал коммуникации;

– информирование, побуждение или информирование + побуждение как коммуникативно-прагматические функции писем.

Методологической основой исследования стали труды выдающегося российского ученого, основателя и руководителя Центра коммуникативных исследований Воронежского государственного университета, заслуженного деятеля науки РФ Иосифа Абрамовича Стернина. Исследования профессора Стернина в области теории коммуникации [Чарыкова, Попова, Стернин 2012], речевого воздействия [Стернин 2012] и коммуни-

кативного поведения [Гришаева, Стернин, Стернина 2009], работы по выявлению и моделированию национальной специфики общения [Стернин 1996, 2001, 2003; Стернин, Ларина, Стернина 2003] легли в основу отбора параметров настоящего исследования электронной деловой коммуникации. Методологические принципы разработанной И.А. Стерниным комплексной системы анализа национального коммуникативного поведения, включающей ситуативный, аспектный и параметрический планы описания, послужили основой нашей модели дескриптивно-сопоставительного анализа ДОВ в англо- и русскоязычных коммуникативных культурах [Стеблецова 2017: 294].

Результаты и обсуждение

Тенденция **жанрово-стилистической гибридации** представляет собой смешение в формате электронного письма разных жанров ДОВ и разных функциональных стилей языка, в результате чего электронное письмо приобретает новые дискурсивные характеристики.

Проявлением **жанровой гибридации** мы считаем коммуникативную ситуацию, когда в текст электронного письма попадают элементы, конвенционально функционирующие в иных жанровых типах текста. В частности, такие информационно-побудительные жанры, как приказ, распоряжение и служебная записка, в русскоязычной лингвокультуре являются самостоятельными типами текстов ДОВ, имеют собственную узнаваемую композиционно-содержательную и визуально-графическую структуру. При этом наш **русский корпус** электронных писем периода дистанционной работы (2021, 2022 гг.) содержит примеры дискурсивных действий, которые можно квалифицировать как приказы, поскольку они обязательны к исполнению, распространяются через корпоративные электронные адреса, отличаются иерархически вертикальным направлением интеракции (от вышестоящего коммуниканта к нижестоящему) и содержат речевые акты побудительной интенции. Авторами писем являются деканы или руководители институтов, адресатами – заведующие кафедрами. Рассмотрим следующие примеры.

(1) УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!

Для формирования единообразного отчета при проведении профессионально-общественной аккредитации, учебным управлением принято решение о предоставлении кафедрами информации:

1. Отсканированные рабочие программы дисциплин в электронном виде в формате pdf: первый файл должен включать отсканированную рабочую программу, далее (в этом же pdf файле), лист согласований изменений (с утверждением в сентябре дистанционной формой лекций), далее – 2 рецензии.

2. Если в ноябре 2020 года в программу вносились изменения по COVID-19, то отдельным pdf файлом предоставляется программа с изме-

нениями по COVID-19, последней страницей которой является лист согласований изменений. <...>¹

Функционально-прагматическая интенция приказа проявляется уже во вводной распорядительно-постановляющей формулировке учебным управлением **принято решение о предоставлении кафедрами информации**, т. е. если решение принято вышестоящим органом, то оно обязательно к исполнению. Поэтому даже в отсутствии эксплицитно выраженных речевых актов приказа или распоряжения (*приказываю, считаю необходимым + инфинитив*), использованный оборот в сочетании с тематикой и статусом адресанта декодируется адресатом как приказ. При этом формат электронного письма позволяет автору давать пояснения (см. пример (2)) и использовать обращение **УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ**, что было бы невозможно в традиционном типе текста «приказ».

В следующих примерах обязательный характер побуждения, свойственный для приказа или распоряжения, реализуется посредством речевого акта просьбы.

(2) **УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ!**

Просьба загрузить планы работы кафедр (в ворде) последнюю ИСПРАВЛЕННУЮ ВЕРСИЮ! В срок до 24.11.2021. По ссылке xxxx.yandex.ru

(3) *Уважаемые коллеги!*

Убедительная просьба оформить СТРОГО в соответствии с приложенным образцом РП (ФГОС 3+ и 3++) в формате PDF и предоставить на почту dean@vrnxx.ru до 08.11.2021 г.

Проявления **жанровой гибридизации** можно проследить в ненормативном для официального приказа использовании речевого акта просьбы, отсутствии мотивировочной части, в авторском использовании графических средств, например капитализации, выделения, расположения текста в примере (3), для усиления побудительного потенциала текста. В то же время указание сроков, вертикальное направление интеракции от вышестоящего корреспондента к нижестоящему и тематическая отнесенность предмета текста к ДОВ не оставляют у адресата сомнений в прагматической интенции автора и воспринимаются как приказ.

В собранном нами русском корпусе электронных писем ДОВ достаточно частотны проявления **стилистической гибридизации**, т. е. смешение официально-делового и разговорного стилей речи при обсуждении деловых вопросов. Стилистическая гибридизация проявляется в использовании эмоционально-экспрессивной лексики, слов и словосочетаний, характерных для устного разговорного языка, обращении на «ты», сокращениях, характерных для неформальных видов электронной коммуникации, авторских визуально-графических средствах, нестандартных формах обращения. Ниже представляем примеры стилистической гибридизации.

¹ Здесь и далее в примерах сохранены авторское визуально-графическое оформление, орфография и пунктуация писем.

(4) *Доброе утро, уважаемая Ольга Ивановна, если не сложно, прошу посмотреть после правки из журнала, большое спасибо!*

(5) *...напишите заявление на имя ректора – председ.уч.совета и можем провести в этот четверг. Рецензии донесете потом. Форма оформления произв. Наберу Вас сегодня по деталям. Хотя их в принципе и нет как таковых.*

(6) *Д день!*

Прошу вас в кратчайшие сроки внести предложения о проведении зачетов и экзаменов на Вашей кафедре

(7) *Уважаемая Анна Олеговна, пожалуйста, как лингвист «причешите» этот текст, он должен составлять не более 1 листа.*

(8) *Елена Васильевна!*

Прошу проверить, исправить, дополнить! так как И. И. уже почти в отъезде

Извини, что порчу окончание отпуска

С уважением, <...>

Несложно заметить, что использование маркеров разговорного стиля (если не сложно, «причешите», *наберу вас, извини, что порчу окончание отпуска*) присутствует во всех представленных выше типах электронных писем: от просьб (4), (7), (8) до инструкций (5) и распоряжений (6), – что свидетельствует об отсутствии прямой корреляции между стилистической гибридизацией и прагматическим типом текста. На наш взгляд, стилистическая гибридизация, возможно, объясняется несколькими факторами, а именно экономией коммуникативных усилий адресанта, его стремлением к деформализации ДОВ за счет сокращения коммуникативной дистанции между коммуникантами, стремлением усилить коммуникативное воздействие на адресата и, как следствие, повысить эффективность ДОВ.

Английский корпус электронных писем ДОВ обнаружил сходные тенденции. При анализе текстов мы принимали во внимание межкультурный характер коммуникации, что, на первый взгляд, должно было означать более формальный коммуникативных регистр. Однако горизонтальное направление интеракции, отсутствие иерархических отношений между коммуникантами и прагматическая заинтересованность участников ДОВ в решении обсуждаемых вопросов могли оказать влияние на общую деформализацию коммуникации. Следующие примеры свидетельствуют о проявлении стилистической гибридизации английских электронных писем ДОВ.

(9) *Hi Anna,*

Hope all well with you.

I hope you don't mind me contacting you 'out of the blue'. I'm writing with regard to ASSOCIATION. Carol gave me your email address.

<...>

The board will include some of the existing members, such as Carol and John as well as me, but is also looking to bring on a couple of new faces. Carol suggested we invite you. She feels you would be an excellent fit...

Would you be interested? If so, would you like to arrange a chat over Zoom or Teams to talk through.

I look forward to hearing your thoughts.

Best wishes

Данный пример представляет собой фрагмент письма – предложения адресату войти в совет некой профессиональной ассоциации. Деловой предмет текста и общая традиционно вежливая тональность, например *I'm writing with regard to, I look forward to hearing your thoughts*, сочетаются со стилистическими проявлениями разговорного стиля и неформального регистра: идиомой *out of the blue* и фразеологизмами разговорного стиля *couple of new faces, an excellent fit, a chat over Zoom*. Вероятно, автору важно повысить побудительный потенциал письма, чего можно достичь за счет экономии коммуникативных усилий адресата по восприятию предмета текста и сокращения коммуникативной дистанции между ними. Формат электронного письма представляется достаточно гибким дискурсивным типом текста, в котором отход от официально-делового стиля будет уместен. На наш взгляд, это подтверждает гипотезу об универсальности тенденции стилистической гибридизации в электронных письмах, проявляющейся во внутрикультурном и межкультурном ДОВ.

В то же время английский корпус продемонстрировал гораздо меньший в сравнении с русским диапазон композиционно-структурных, пунктуационных и визуально-графических проявлений стилистической гибридизации. В основном ее проявления были отмечены на уровне лексических и грамматических средств, которые можно отнести к неформальному регистру, а именно разговорные обороты, приведенные выше, и редукция подлежащего в клишированных оборотах в следующих примерах.

(10) *Very happy to talk through any questions...*

(11) *Hope this finds you well.*

В целом отметим, что хотя настоящий анализ английского корпуса носит предварительный характер, он демонстрирует схожие с русским корпусом проявления стилистической гибридизации в текстах электронных писем ДОВ.

Заключение

Доминирование электронных форм функционирования текстов дискурса оперативного взаимодействия является актуальной тенденцией современной деловой коммуникации. Электронное письмо, возникшее и развивавшееся как интернет-опосредованный формат традиционного делового письма, обнаруживает в настоящее время новые дискурсивные характеристики, а именно сочетание в тексте письма элементов разных дис-

курсивных жанров, например приказа или распоряжения, смешения официально-делового и разговорного стилей языка, появление черт неформального коммуникативного регистра и др. Данная тенденция жанрово-стилистической гибридации обусловлена, на наш взгляд, такими дискурсивно-прагматическими факторами, как стремление к повышению оперативности и эффективности ДОВ за счет деформализации общения и экономии коммуникативных усилий участников дискурса. Предварительный анализ показал, что жанрово-стилистическая гибридация формата электронного письма ДОВ проявляется как во внутрикультурной, так и в межкультурной коммуникации, что может свидетельствовать о ее универсальном характере. Это, однако, не исключает наличия национальной вариативности проявлений жанрово-стилистической гибридации в отдельных лингвокультурах, что будет являться предметом нашего дальнейшего исследования англоязычного и русскоязычного дискурсов оперативного взаимодействия.

Список литературы

- Гришаева Л.И., Стернин И.А., Стернина М.А.* Специфика деятельности коммуникантов в межкультурной среде: моногр. Воронеж: Научная книга, 2009. 262 с.
- Иванова Е.Н.* Трансформация жанра письма в интернет-коммуникации // Уральский филологический вестник. Серия: Язык. Система. Личность: Лингвистика креатива. 2020. № 2. С. 156–164. DOI: 10.26170/ufv20-02-14.
- Карасик В.И.* Этнокультурные типы институционального дискурса // Этнокультурная специфика речевой деятельности: сб. обзоров / отв. ред. Н.Н. Трошина. М.: Ин-т науч. информ. по общест. наукам РАН, 2000. С. 33–58.
- Кушир О.Н.* К вопросу о корпоративном языке и корпоративной норме в контексте документной коммуникации // Вестник Череповецкого государственного университета. 2018. № 5 (86). С. 81–89. DOI: 10.23859/1994-0637-2018-5-86-9.
- Кушир О.Н., Паль В.И.* Электронная переписка: к вопросу о корпоративных правилах // Документальное наследие и историческая наука: материалы Ур. ист.-архив. форума, посвящ. 50-летию ист.-архив. специальности в Ур. ун-те, Екатеринбург, 11–12 сент. 2020 г. Екатеринбург: Ур. фед. ун-т им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, 2020. С. 272–278.
- Михеева Ю.А.* Электронная деловая коммуникация: структурно-композиционная специфика // Вестник Кемеровского государственного университета. 2021. Т. 23. № 2 (86). С. 512–520. DOI: 10.21603/2078-8975-2021-23-2-512-520.
- Стеблецова А.О.* Метапрофессиональный деловой дискурс: типология и национальная специфика. Воронеж: Истоки, 2017. 312 с.
- Стернин И.А.* Основы речевого воздействия: учеб. пособие. 2-е изд., испр. Воронеж: Истоки, 2012. 178 с.
- Стернин И.А.* Национальное коммуникативное сознание как предмет исследования // Русский язык как иностранный. Теория. Исследования. Практика. СПб.: РГПУ, 2003. С. 150–170.

- Стернин И.А. О русском коммуникативном сознании // Проблемы национальной идентичности и принципы межкультурной коммуникации. Воронеж, 2001. Т. 1. С. 84–96.
- Стернин И.А. Коммуникативное поведение как активное страноведение // Язык и культура. Воронеж: Воронеж. обл. ин-т повышения квалификации и переподготовки работников образования, 1996. С. 15–16.
- Стернин И.А., Ларина Т.В., Стернина М.А. Очерк английского коммуникативного поведения. Воронеж: Истоки, 2003. 183 с.
- Трубникова Ю.В. Официально-деловой стиль и современный документ: причины и направления трансформации // Вестник Бурятского государственного университета. Язык. Литература. Культура. 2019. № 2. С. 97–101.
- Чарыкова О.Н., Попова З.Д., Стернин И.А. Основы теории языка и коммуникации: учеб. пособие для бакалавров. М.: Флинта: Наука, 2012. 310 с.
- Holmes J. *Gendered Talk at Work*. Oxford: Blackwell, 2006. 264 p.
- Koester A. *Investigating workplace discourse*. London: Routledge, 2006. 192 p.
- Sarangi, Roberts 1999 – *Talk, Work and Institutional Order: Discourse in Medical, Mediation and Management Settings* / eds. S. Sarangi, C. Roberts. Berlin: Mouton de Gruyter, 1999. 530 p. (Language, Power and Social Process Series).
- Tannen D. *Talking from 9 to 5. Women and men in the work-place: Language, sex and power*. New York: Avon Books, 1994. 368 p.

References

- Charykova, O.N., Popova, Z.D., Sternin, I.A. (2012) *Osnovy teorii yazyka i kommunikatsii* [Fundamentals of the theory of language and communication], textbook for bachelors, Moscow, Flinta publ., Nauka publ., 310 p. (in Russian).
- Grishaeva, L.I., Sternin, I.A., Stermina, M.A. (2009), *Spetsifika deyatel'nosti kommunikantov v mezhkul'turnoj srede* [The specificity of the communicants' activity in cross-cultural environment], Monograph, Voronezh, Nauchnaya kniga publ., 262 p. (in Russian).
- Holmes, J. (2006), *Gendered Talk at Work*, Oxford, Blackwell publ., 264 p.
- Ivanova, E.N. (2020), Transformatsiya zhanra pis'ma v internet-kommunikatsii [The transformation of letter genre in the Internet communication]. *Ural'skii filologicheskii vestnik*, No. 2, pp. 156-164. (in Russian).
- Karasik, V.I. (2000), Etnokul'turnye tipy institutsional'nogo diskursa [Ethno-cultural types of institutional discourse]. *Etnokul'turnaya spetsifika rechevoi deyatel'nosti* [Ethno-cultural Specifics of Speech Activity], Moscow, INION RAN publ., pp. 33-58. (in Russian).
- Koester, A. (2006), *Investigating workplace discourse*, London, Routledge publ., 192 p.
- Kushnir, O.N. (2018), To the question of corporate language and corporate norm in the context of document communication. *Cherepovets State University Bulletin*, No. 5. (86), pp. 81-89. DOI: 10.23859/1994-0637-2018-5-86-9. (in Russian).
- Kushnir, O.N., Pal', V.I. (2020), Elektronnaya perepiska: k voprosu o korporativnykh pravilakh [E-mail correspondence: on the issues of corporate rules]. *Dokumental'noe nasledie i istoricheskaya nauka* [Documentary heritage and historical science], Proceedings of the Ural Historical and Archival Forum dedicated to the 50th anniversary of the historical and archival specialty at the Ural University,

- Yekaterinburg, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin publ., pp. 272-278. (in Russian).
- Mikheeva, Yu.A. (2021), Alternative Forms of Current Business Communication: Text Structure and Composition Evolution. *Bulletin of Kemerovo State University*, Vol. 23, no. 2, pp. 512-520. DOI: 10.21603/2078-8975-2021-23-2-512-520. (in Russian).
- Sarangi, S., Roberts, C. (eds.) (1999), *Talk, Work and Institutional Order: Discourse in Medical, Mediation and Management Settings*, Berlin, Mouton de Gruyter publ., 530 p.
- Stebletsova, A.O. (2017), *Metaprofessional'nyi delovoi diskurs: tipologiya i natsional'naya spetsifika* [Metaprofessional business discourse: typology and national specifics], Voronezh, Istoki publ., 312 p. (in Russian)
- Sternin, I.A. (2012), *Osnovy rechevogo vozdeystviya* [Theory of speech influence], tutorial, 2nd ed., Voronezh, Istoki publ., 178 p. (in Russian).
- Sternin, I.A. (2003), Natsional'noe kommunikativnoe soznanie kak predmet issledovaniya [National communicative consciousness as a subject of research]. *Russkii yazyk kak inostrannyi. Teoriya. Issledovaniya. Praktika* [Russian language as a foreign language. Theory. Research. Practice], St. Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia publ., pp. 150-170. (in Russian).
- Sternin, I.A. (2001), O russkom kommunikativnom soznanii [About Russian communicative consciousness]. *Problemy natsional'noi identichnosti i printsipy mezhkul'turnoi kommunikatsii* [Problems of national identity and principles of intercultural communication], Vol. 1, Voronezh, pp. 84-96. (in Russian).
- Sternin, I.A. (1996), Kommunikativnoe povedenie kak aktivnoe stranovedenie [Communicative behavior as an active regional geography]. *Yazyk i kul'tura* [Language and culture], Voronezh, Institute for Advanced Studies and retraining of education personnel publ., pp. 15-16. (in Russian).
- Sternin, I.A., Larina, T.V., Sternina, M.A. (2003), *Ocherk angliiskogo kommunikativnogo povedeniya* [Essay on English communicative behaviour], Voronezh, Istoki publ., 183 p. (in Russian).
- Tannen, D. (1994), *Talking from 9 to 5. Women and men in the work-place: Language, sex and power*, New York, Avon Books publ., 368 p.
- Trubnikova, Yu.V. (2019), Ofitsial'no-delovoi stil' i sovremennyi dokument: prichiny i napravleniya transformatsii [Official-business style and modern document: Causes and transformation directions]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Yazyk. Literatura. Kul'tura*, No. 2, pp. 97-101. (in Russian).

EMAILS IN WORKPLACE DISCOURSE: CURRENT COMMUNICATION TENDENCIES

A.O. Stebletsova

Burdenko Voronezh State Medical University (Voronezh, Russia)

Abstract: The paper analyses current tendencies of work-related emails produced in the course of workplace communication. Having summarized recent workplace communication studies, the author puts forward a hypothesis of genre and stylistic

hybridization of work-related emails. The objective of the research was to identify and analyze linguistic characteristics which would represent genre and stylistic hybridization of work-related emails. The research corpora were selected from local and intercultural communication of Russian and British universities in 2017-2022. The research methods were based on the author's model of descriptive and comparative analysis. The main findings of the Russian corpus analysis demonstrate apparent features of genre hybridization, such as unconventional fusion of different workplace communication genres in email format. Other findings relate to stylistic hybridization features, such as unconventional use of informal communication markers of structural, lexical, syntactical and graphical nature in formal workplace discourse. The British corpus has revealed similar tendencies, although their manifestation is limited to lexical and grammatical features of informal register. The author has come to the conclusion that the tendency of genre and stylistic hybridization in work-related emails can be described as a universal phenomenon, although its ethnocultural variation needs further investigation.

Key words: email, workplace communication, workplace discourse, genre and stylistic hybridization.

For citation:

Stebletsova, A.O. (2022), Emails in workplace discourse: current communication tendencies. *Communication Studies (Russia)*, Vol. 9, no. 3, pp. 614-624. DOI: 10.24147/2413-6182.2022.9(3).614-624. (in Russian).

About the author:

Stebletsova, Anna Olegovna, Prof., Head of the Department of Foreign Languages

Corresponding author:

Postal address: 10, Studencheskaya ul., Voronezh, 394006, Russia

E-mail: annasteble@mail.ru, annastebl@vrngmu.ru

Received: June 30, 2022

Revised: July 5, 2022

Accepted: July 11, 2022

Раздел III

КОММУНИКАТИВНАЯ ДИДАКТИКА





Part III

COMMUNICATIVE DIDACTICS

КОММУНИКАТИВНО-ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД В ПРАКТИКЕ ВУЗОВСКОГО ПРЕПОДАВАНИЯ

И.В. Высоцкая

*Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
(Новосибирск, Россия)*

Аннотация: Описывается становление теории и практики коммуникативно-деятельностного подхода. Материал исследования составили научные труды в русле данного направления и опыт его практической реализации на разных ступенях образования в Новосибирске. Основные методы исследования: анализ источников (прежде всего материалов журнала «Дискурс») и обобщение педагогического опыта работы в Новосибирском государственном педагогическом университете и Новосибирском национальном исследовательском государственном университете. Поставлен вопрос о необходимости реализации коммуникативно-деятельностного подхода в практике вузовского преподавания. Предложены упражнения («круглый стол», читательская конференция, чтение с остановками / клоуз-тест), апробированные в ряде учебных курсов (в том числе в курсе «Основы педагогической деятельности в системе высшего образования»), описаны методика и условия их проведения. Отзывы аспирантов разных специальностей подтверждают возможность использования элементов коммуникативной дидактики применительно к широкому кругу учебных дисциплин. В заключение отмечено, что диалог не только способствует формированию коммуникативных компетенций и навыков работы в команде, но и является способом освоения предметного знания. Практика коммуникации не менее важна, чем знакомство с теорией коммуникации, как при подготовке профессионалов в сфере коммуникативных технологий, так и педагогов всех ступеней образования, а также других специалистов.

Ключевые слова: коммуникативно-деятельностный подход, Школа понимания, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирский государственный университет, «круглый стол», читательская конференция, чтение с остановками, клоуз-тест.

Для цитирования:

Высоцкая И.В. Коммуникативно-деятельностный подход в практике вузовского преподавания // Коммуникативные исследования. 2022. Т. 9. № 3. С. 627–640. DOI: 10.24147/2413-6182.2022.9(3).627-640.

Сведения об авторе:

Высоцкая Ирина Всеволодовна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории журналистики

Контактная информация:

Почтовый адрес: 630090, Россия, Новосибирск, ул. Пирогова, 1

E-mail: i.vysotskaia@g.nsu.ru

Дата поступления статьи: 27.02.2022

Дата рецензирования: 15.03.2022

Дата принятия в печать: 11.07.2022

Введение

Слово *коммуникация*, впервые упомянутое еще в «Дневнике» П. Чернышева (1791), но ставшее вполне привычным только в последние тридцать лет (если судить по частоте его употребления в Национальном корпусе русского языка¹), не только входит в речевой обиход, но и осмысливается как научная категория. О.И. Матяш, основатель и первый президент Российской коммуникативной ассоциации (<http://www.russcomm.ru/index.shtml>), подчеркивает, что «изучение, научная рефлексия социально коммуникативной практики в России и в связи с этим становление коммуникативного подхода, предполагающего развитие науки о коммуникации, коммуникативных дисциплин, теории коммуникации и, в конечном итоге, коммуникативной парадигмы – всё это явления в традициях социально-гуманитарных наук России относительно новые, хотя и явно набирающие силу» [Матяш 2014: 64]. О новизне научной сферы свидетельствует, в частности, вариативность называющих ее терминов: *коммуникология* – *коммуникатология*.

Иначе обстоит дело в США, где распространены коммуникативные специальности и представлен большой диапазон дисциплин коммуникативного цикла (см.: [Матяш 2014: 67–68]), включая базовый курс речевой коммуникации. Более ста лет существует Национальная коммуникативная ассоциация (National Communication Association) [Preiss, Wheelers 2014], под эгидой которой выходит 11 научных журналов, в том числе *Communication Education* (изд. с 1952 г.; <https://www.tandfonline.com/toc/rced20/current>). В нем обсуждаются разные вопросы коммуникативного образования: учебно-методические (учебники по речевой коммуникации для бакалавриата [Doolittle 1977]), формы и методы оценки коммуникативных навыков студентов колледжей [Rubin 1984], программа обязатель-

¹ URL: https://processing.ruscorpora.ru/graphic.xml?graphic_from_result=1&lang=ru&mode=main&req=коммуникация&smoothing=3&sort=i_grtagging&text=lexform (дата обращения: 04.02.2022).

ного учебного курса «Коммуникация» [Valenzano, Wallace, Morreale 2014], педагогические принципы программы исследований в сфере коммуникации [Hunt, Wright 2014]), гендерные (способы общения студентов разных полов с преподавателями женского и мужского пола, включая практические рекомендации преподавателям [Sandier 1991]), проксемические (изучение типов раскладки в аудитории, предпочтений в размещении в каждом из них [McCroskey, McVetta 1978]) и мн. др.

Среди российских отметим журнал «Коммуникология» (изд. с 2013 г.; <https://www.communicology.us/p/ozhurnale.html>), посвященный коммуникативным аспектам социологии, политологии, культурологии. Вопросы коммуникативного образования обсуждаются в журнале «Коммуникативные исследования» (изд. с 2014 г.; <http://com-studies.omsu.ru/ru/>): в рубрике «Коммуникативная дидактика» опубликовано около тридцати статей, связанных преимущественно с теорией и практикой преподавания русского языка как иностранного. Очевидно, однако, что сфера коммуникативного образования гораздо шире.

Коммуникативная подготовка в российских вузах – удел узкого круга специалистов (в сфере маркетинга, PR, политики, медиа). Особенности межличностной коммуникации изучаются в рамках психологии, теории коммуникации, антропоцентрической лингвистики и т. п., при этом широкая студенческая аудитория довольствуется курсом культуры речи, режескрипции. Изучение средств языкового воздействия в этих курсах базируется, главным образом, на идее акционной модели коммуникации (см.: [Матьяш 2011: 38–43]), в меньшей степени – интеракционной и транзакционной моделей. Поскольку именно они создают атмосферу сотворчества, поиск путей осмысления и воплощения именно этих моделей представляется актуальным.

Идея взаимодействия оказывается важнейшей как в понимании сущности общения в социальной психологии, так и в описании речевой (коммуникативной, семиотической) ситуации в ряде филологических дисциплин. Она лежит в основе коммуникативно-деятельностного подхода, представленного в отечественном образовании. **Цель настоящей работы** – обзор становления этого подхода в Новосибирске.

Описание материала и методов исследования

Материал исследования составили научные труды, в которых излагаются теоретические основы коммуникативно-деятельностного подхода, и описан опыт его практической реализации на разных ступенях образования. В качестве наиболее значимого источника выбран журнал «Дискурс: Коммуникативные стратегии культуры и образования» (1996–2011), основанный группой новосибирских ученых-гуманитариев (издававшийся первоначально в Новосибирске, а впоследствии в Москве). **Основные методы исследования** – анализ источников и обобщение педа-

гогического опыта: коллег¹, с которыми посчастливилось в разные годы работать в Новосибирском государственном педагогическом университете (НГПУ) и Новосибирском национальном исследовательском государственном университете (НГУ), и собственного.

Представление результатов

Исходя из общего понимания дискурса как «коммуникативного события взаимодействия сознаний» (учителя и учеников, автора и читателей и пр.), авторы «Дискурса» формулируют концепцию коммуникативной дидактики. Противопоставленная школе авторитарного убеждения, она отличается диалогичностью, восходит к античным традициям, предполагает «перевод системы предметных значений в целостность знания» на основе критической рефлексии учащихся: внедрение аналоговых моделей сократовского диалога в учебный процесс призвано превратить знания в мнения, а мнения – в убеждения [Шатин 1996]. Школа коммуникативной дидактики, основанная на принципе «диалога культур» (В.С. Библер, С.Ю. Курганов и др.), новом «неклассическом идеале рациональности» (М.К. Мамардашвили) и практике постмодернизма, представляет собой новую образовательную парадигму и коррелирует с проблемным обучением, во многом – с технологиями развития критического мышления.

Предложенные авторами «Дискурса» инновационные стандарты литературного [Тюпа 1996] и исторического образования [Троицкий 1996] были апробированы на практике в школах Новосибирска (прежде всего – в школе «Диалог»), реализованы в сериях учебных пособий и учебников для начальной и средней школы (отметим рабочие тетради по истории Ю.Л. Троицкого, рабочие тетради и учебники по литературному чтению Т.С. Троицкой и О.Е. Петуховой²), отражены в курсах для студентов НГПУ и, что особенно важно, для слушателей Новосибирского института повышения квалификации и переподготовки работников образования (НИПКиПРО). В этой связи следует отметить методические рекомендации для учителей начальных классов³ и русского языка⁴. Под руководством Н.В. Максимовой в НИПКиПРО была создана творческая группа учителей русского языка и литературы Новосибирска и Новосибирской области, по

¹ Выражаем искреннюю признательность Е.В. Кохановой, Н.В. Максимовой, И.В. Силантьеву, чете Троицких, Ю.В. Шатину.

² Дети-читатели: Система литературного образования младших школьников. URL: <https://detichitateli.ru/> (дата обращения: 04.02.2022).

³ Коханова Е.В. Уча, учись: рабочая тетр. для учителей нач. кл.: для слушателей курсов повышения квалификации: учеб. практикум. Новосибирск: Изд-во НИПКиПРО, 2002. 64 с. (Б-чка творческих идей: Начальная школа. Вып. 39). Обратим внимание на интерактивный характер восходящего к Библийским текстам названия «Уча, учись».

⁴ Максимова Н.В., Коханова Е.В. Современные образовательные условия и специфика преподавания русского языка (Методические рекомендации) // Модернизация начального образования: сб. метод. рекомендаций. Новосибирск: НИПКиПРО, 2003. С. 103–118.

результатам работы которой опубликованы учебно-методические пособия «Понять автора: учимся смысловому чтению» (2015) и «Понять собеседника: коммуникативные ситуации на уроках словесности» (2017). Школа коммуникативной дидактики (Школа Понимания¹) вошла в справочник «Образовательные системы современной России»² (М.: РГГУ, 2010).

Подчеркнем, что это личностно-ориентированный подход к обучению, «во главу угла ставящий творческую деятельность школьников» [Троицкая 2004: 4]. Урок представляет собой коммуникативное событие, конструктивный диалог (в развитие бахтинской идеи о сопряжении своего и «чужого» слова). Это достигается выбором предметного контента, который «должен представлять собой противоречивое единство диалектического типа» [Троицкий 2017] и такой организацией учебного диалога, которая предусматривает коммуникацию в различных ролевых позициях.

Важно, что на занятии учитель не только взаимодействует с учениками, но и обеспечивает взаимодействие между ними. Ученики становятся соавторами урока, предложенные ими версии рассматриваются как равноправные, понимание предмета вырабатывается совместными усилиями, а не предъясняется в «готовом» виде. Это, определенно, уход от акционной модели коммуникации (актор – объект) и даже не столько интерактивная модель, основанная на идее со-участия, сколько транзакционная, базирующаяся на идее со-действия, созидания и преобразования. Именно она акцентирует динамичность, одновременную активность коммуникантов, ответственность каждого за результат коммуникации, а подвижность коммуникативных ролей («взаимопереходность») предполагает общий поиск и достижение понимания.

Констатируем, что это направление ярче представлено применительно к школьному и педагогическому образованию. Особенно отметим поэтому возможность реализации принципов коммуникативной дидактики в условиях высшей школы, в этом отношении интересна рефлексия по поводу курса риторики научной речи для студентов нефилологических специальностей (математиков, физиков, химиков, биологов и геологов), читавшегося в НГУ (1994–1996). Основная задача курса – «помочь слушателям осознать свою изначальную причастность к сфере широко понимаемой литературной деятельности, осознать свою *актуальную субъектность* в системе словесной культуры современности» [Силантьев 1996:

¹ Понимание – один из трех «китов» коммуникативной дидактики. См.: Тюна В. Три кита коммуникативной дидактики // Сетевые исследовательские лаборатории. URL: <http://setilab.ru/modules/article/view.article.php/article=21> (дата обращения: 18.02.2022).

² См. материалы Всероссийской научно-практической конференции «Инновационное гуманитарное образование: Школа Понимания в Новосибирске» (11–15 апреля 2016 г.): «Школа понимания в Новосибирске» | Фонд «Родное слово». URL: <http://rodnoe-slovo.org/node/1471> (дата обращения: 18.02.2022).

59]. Подчеркнем, что предметом изучения были не только письменные, но и устные научные жанры. К примеру, наш курс «Стилистика научного текста» (НГПУ, 2011–2013) для магистрантов и аспирантов гуманитарных и естественнонаучных специальностей охватывал только письменную коммуникацию.

Коммуникативная компетенция – «важная часть профессии»¹ не только учителя, но и преподавателя среднего специального и высшего образования [Полетаева, Панина 2020], однако «среди проблем коммуникативного знания наиболее часто называются дефицит квалифицированных научно-педагогических кадров и дефицит программ по их подготовке и переподготовке» [Матьяш, Махова 2015: 164]. Поэтому коммуникативные курсы для аспирантов всех специальностей считаем необходимой частью их подготовки.

В отсутствие специальных курсов коммуникативные приемы можно применять в ходе вузовского преподавания дисциплин гуманитарного цикла. В этом убеждает опыт коллег и наш опыт работы в НГПУ и в НГУ, а также на краткосрочных курсах для взрослых (в том числе в системе повышения квалификации учителей, переподготовки и др.). В ходе преподавания курса «Основы педагогической деятельности в системе высшего образования» для аспирантов НГУ: гуманитарного института (2018); гуманитарного института и механико-математического факультета (2020) – были апробированы разные коммуникативные приемы [Высоцкая 2021]. Остановимся на описании и анализе некоторых из них.

1. **«Круглый стол» (или «чат» на троих)**. Это письменная работа в соавторстве, результатом которой является короткое эссе из девяти предложений (три абзаца по три предложения в каждом). Важно сформулировать темы для рассуждения, предполагающие разные точки зрения, к примеру:

1. *Что отдает преподаватель?*
2. *Чему учитель может научиться у учеников?*
3. *Хороший ученик ...*

Этапы работы:

- деление на группы по 3 человека;
- выбор темы и распределение ролей;
- написание текста (по схеме: 1–2–3; 2–3–1; 3–1–2);
- редактирование и корректура;
- «авторское кресло» (чтение вслух для всей аудитории);
- обсуждение трудностей разных этапов.

В ходе работы каждый получает возможность начинать, продолжать и завершать мысль. Важны моменты рефлексии, осознания того, какая фаза была легче / сложнее. Можно предложить участникам писать пас-

¹ *Коханова Е.В.* Коммуникативная компетенция – важная часть профессии учителя // Модернизация начального образования. С. 81–86.

той разного цвета, что позволяет увидеть авторский вклад каждого в создание текста. На следующем этапе студент выбирает для себя роль корректора, редактора или оратора (диктора). В зависимости от числа групп можно предложить представление текста аудитории полностью или частично (выделить главную мысль), важно, чтобы были представлены результаты работы каждой группы.

Продуктивно сравнение выводов разных групп, работавших над одной темой. Можно обсудить, какие темы и почему оказались наиболее / наименее популярными и пр. Так, из указанных выше тем четыре группы выбрали вторую, одна – первую, одна – третью.

Показательны фрагменты эссе, отражающие идею взаимодействия учителя и учеников: 1) *Но самое главное, учитель может научиться у учеников учиться сам*; 2) *Хороший урок – это урок и для учеников, и для учителя, и из такого урока каждый извлекает что-то свое*; 3) *...ученики обмениваются энергетикой с учителем и получают бесценный опыт*.

Представление о трансакционной модели коммуникации содержит вопрос: *А почему мы разделяем понятия «учитель» и «ученик»?*

Таким образом, до знакомства с теоретическими постулатами коммуникативной дидактики аспиранты самостоятельно формулируют некоторые ее положения, осмысляя собственный педагогический опыт.

Упражнение эффективно на первом занятии в начале нового курса, когда слушатели еще не знакомы: совместная деятельность с двумя соавторами позволяет почувствовать себя членом команды. Кроме того, эта форма работы может применяться на коллоквиуме, недифференцированном зачете и пр. В зависимости от характера курса создание текста можно сочетать с заданным условием: начать с последнего слова предыдущего предложения, каждое новое предложение в абзаце должно быть длиннее предыдущего и т. п. Если число студентов на занятии не кратно трем, преподаватель может стать соавтором сам. Обычно «оргменты» решаются легко, быстро и естественно, студенты действуют «по ситуации».

2. Читательская конференция. Эта форма работы особенно важна в период сосуществования разных носителей информации: печатной и электронной книг. Большинство современных студентов отдают предпочтение электронной книге, когда «чувственное восприятие и эстетическая ценность приносятся в жертву утилитарной целесообразности» [Высоцкая 2008: 147], поэтому считаем важным поддерживать традиционную книжную культуру. Преподаватель может принести для общей выставки те книги, которые считает наиболее важными применительно к проблематике данного курса.

Этапы проведения читательской конференции:

1) **каждый** приносит на занятие книгу (бумажную!), которую хотел бы порекомендовать другим (в рамках заранее определенной тематики);

2) проводится общая книжная **выставка**, на которой **каждый** выбирает книгу (быстро, интуитивно) и пишет краткую аннотацию: *Чем*

привлекла книга? Что заинтересовало? Хотелось бы дочитать? Кому бы порекомендовал?;

3) деление на группы по 3–5 человек;

4) **каждый** читает свою аннотацию в группе (без обсуждения);

5) группа выбирает наиболее интересную аннотацию и делегирует ее автора для представления всей аудитории;

6) короткое обсуждение: *Кому захотелось дочитать до конца? Сразу ли было интересно? После презентации других книг возникло ли желание прочитать хотя бы еще одну?* (ответы – с помощью поднятия руки);

7) желающие могут взять книгу товарища и дочитать дома.

Важен четкий регламент: выбор книги – 2–3 минуты, чтение – 10 минут, письмо – 5–7 минут.

При обычной организации конференции 5–7 человек активно выступают, а все остальные оказываются в роли пассивных слушателей. В нашем случае каждый участвует в ознакомительном чтении, в составлении и чтении аннотации (некоторые дважды – в группе и перед всей аудиторией). Кроме того, происходит представление большего числа книг.

3. Чтение с остановками / клоуз-тест. Это упражнение на аудирование, при восприятии текста «на слух». Преподаватель читает текст с остановками, во время паузы слушатели «подсказывают» следующее слово, предугадывая, предлагая свои версии. Затем звучит авторский вариант и чтение продолжается до следующей остановки. Слушателям заранее может быть предложено фиксировать в таблице три версии: 1) собственную; 2) сокурсников (все или самую яркую); 3) авторскую.

Важно подобрать текст:

- абсолютно не известный аудитории;
- с динамичным, событийным сюжетом;
- с неожиданной развязкой, «открытым» проблемным финалом.

Текст заранее делится на смысловые части: в нем намечаются «первая остановка», «вторая остановка» и т. д. Готовятся вопросы и задания.

Мы проводили это задание как клоуз-тест (подробное описание этого приема см.: [Максимова 2015]), завершающий курс. Было выбрано изречение: *Вода – это ученик, который приобретает форму. А учитель – тот сосуд, который может быть наполнен общением с учениками.* Аспирантам были предъявлены начальные фрагменты и дано задание завершить предложения. Это занятие проводилось дистанционно, начало предложений читалось вслух, а варианты завершения записывались в общем чате, сразу появлялись на экране практически одновременно и были видны всем, поэтому сравнить их было особенно легко.

Вода – это ученик, который ...

- течет по руслу преподавания
- впитывает энергетику преподавателя
- впитывает информацию

- много и без дела говорит
- аморфный, бесформенный

А учитель – тот сосуд, который...

- наполнен информацией
- придает воде нужную форму.
- образует данную форму
- помогает приобрести форму
- придает ей форму

Это задание стало поводом для обсуждения разных моделей педагогической коммуникации, поскольку в большинстве ответов, как мы видим, реализовано представление об акционной модели.

Подчеркнем, что эти (и некоторые другие) упражнения включаются в учебный процесс постепенно, естественно и органично: слушатели овладевают этими приемами практически, а при теоретическом обобщении дидактических приемов «обнаруживают», что коммуникативный подход уже освоен ими. В итоговых отзывах о курсе «Основы педагогической деятельности в системе высшего образования» отмечены именно коммуникативные упражнения. Ср.: 1) *В первом таком занятии (разбиение на тройки) мы не просто писали «сочинение», а все вместе генерировали идеи, это было здорово;* 2) *Я считаю, полезными были упражнения, которые мы делали в группах. Большой плюс – интерактивность. Побольше упражнений в группах, сплочённость в группах мотивирует :) Есть такой психологический человек (а в одиночку человек иногда ленится). (Такой эффект также наблюдается в психологии программирования);* 3) *И особенно мне нравятся групповые дискуссии.*

Отметим, что в ходе курса аспиранты (как правило, имеющие опыт преподавания) обнаруживают возможности использования элементов коммуникативной дидактики применительно к самым разным учебным дисциплинам: *Мой вариант такой: разбить на три-четыре группы и задать каждой из них разную главу / тему, они составят список формулировок и определений по своей теме, а затем опросят остальные группы, выставляя каждой группе оценку... Можно продумать еще баллы и организовать соревнование между группами, но это сложно сделать справедливо из-за различия тем. Как бы то ни было, это будет интереснее для студентов и легче для преподавателя, чем классический вариант коллоквиума в виде устного или письменного опроса.*

Это убеждает в том, что формирование коммуникативных компетенций сочетается с формированием любых учебных компетенций.

Коммуникативные упражнения – это любые приемы организации совместной деятельности, в том числе деловые игры (см.: [Никитина 2015]), дебаты, дискуссии. «Плюсы» (они же «минусы») коммуникативно-деятельностного подхода заключаются в необходимости сопоставления нескольких версий, оценивания, выбора. Преподаватель должен быть го-

тов к импровизации, непрогнозируемым моментам на занятии, модерированию, соблюдению регламента, рабочему «жужжанию» во время обсуждения в группах. Занятия на одну тему в разных группах проходят по-разному, поэтому каждое занятие становится уникальным.

Заключение

Диалог не только способствует формированию коммуникативных компетенций и навыков работы в команде, но является способом освоения предметного знания. Коммуникативно-деятельностный подход целесообразен как при подготовке профессионалов в сфере коммуникативных технологий, так и педагогов всех ступеней образования, а в идеале – самого широкого круга специалистов. Практика коммуникации не менее важна, чем знакомство с теорией коммуникации.

Список литературы

- Высоцкая И.В.* Коммуникативный подход в практике преподавания курса «Основы педагогической деятельности в системе высшего образования» // Речевая коммуникация в современной России: тез. докл. VI Междунар. науч. конф. (Омск, 27–30 сент. 2021 г.). Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2021. С. 12–13.
- Высоцкая И.В.* Трансформация речевой деятельности в условиях автоматизации и компьютеризации // Педагогический профессионализм в современном образовании: материалы IV Междунар. науч.-практ. конф. (20–23 февр. 2008 г., Новосибирск). Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2008. С. 145–150.
- Максимова Н.В.* Принцип «Понимай текст, действуя с ним» как основа текстовой компетенции // Понять автора: учимся смысловому чтению. Новосибирск: Изд-во НИПКРиПРО, 2015. С. 4–32.
- Матяши О.И.* Плюрализм в современной науке о коммуникации: диалог подходов и традиций // Коммуникология. 2014. № 3 (5). С. 63–78.
- Матяши О.И.* Процесс человеческой коммуникации // Межличностная коммуникация: теория и жизнь / под науч. ред. О.И. Матяш. СПб.: Речь, 2011. С. 15–88.
- Матяши О.И., Махова И.Ю.* Представления российских преподавателей о проблемах коммуникативного образования (по результатам опроса) // Наука о коммуникации как дисциплина и область знания в современном мире: диалог подходов: сб. ст. по материалам Междунар. науч. конф. 9–11 июля 2015 г. М.: НИУ ВШЭ, 2015. С. 164.
- Никитина Е.А.* Деловая игра на занятиях по социолингвистике // Коммуникативные исследования. 2015. № 3 (5). С. 137–146.
- Полетаева О.Г., Панина Т.Г.* Формирование коммуникативной компетенции преподавателей в рамках программы повышения квалификации // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 4. С. 909–921. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).909-921.
- Силантьев И.В.* Риторика научной речи в практике образования // Дискурс. 1996. № 2. С. 55–59.
- Троицкая Т.С.* Литературное образование младших школьников: коммуникативно-деятельностный подход. М.: АПКиПРО, 2004. 248 с.

- Троицкий Ю.Л. Коммуникация в Школе понимания: основные понятия и тезисы // Понять собеседника: коммуникативные ситуации на уроках словесности. Новосибирск: Гарамонд, 2017. С. 24–28.
- Троицкий Ю.Л. Инновационный стандарт исторического образования // Дискурс. 1996. № 1. С. 102–107.
- Тюна В.И. Инновационный стандарт литературного образования // Дискурс. 1996. № 2. С. 65–71.
- Шатин Ю.В. Феноменология образования и коммуникативная стратегия обучения // Дискурс. 1996. № 1. С. 23–29.
- Doolittle R.J. Conflicting Views of Conflict: An Analysis of Basic Speech Communication Textbooks // *Communication Education*. 1977. Vol. 26, iss. 2. P. 121–127. DOI: 10.1080/03634527709378213.
- Hunt S., Wright A., Simonds C. Securing the Future of Communication Education: Advancing an Advocacy and Research Agenda for the 21st Century // *Communication Education*. 2014. Vol. 63, iss. 4: The Foundation and Future of Instructional Communication. P. 449–461. DOI: 10.1080/03634523.2014.926016.
- McCroskey J.C., McVetta R.W. Classroom Seating Arrangements: Instructional Communication Theory Versus Student Preferences // *Communication Education*. 1978. Vol. 27, iss. 2. P. 99–111. DOI: 10.1080/03634527809378281.
- Preiss R.W., Wheelless L.R. Perspectives on Instructional Communication's Historical Path to the Future // *Communication Education*. 2014. Vol. 63, iss. 4: The Foundation and Future of Instructional Communication. P. 308–328. DOI: 10.1080/03634523.2014.910605.
- Rubin R.B. Communication Assessment Instruments and Procedures in Higher Education // *Communication Education*. 1984. Vol. 33, iss. 2. P. 178–180. DOI: 10.1080/03634528409384736.
- Sandier B.R. Women Faculty at Work in the Classroom, or Why It Still Hurts to Be a Woman in Labor // *Communication Education*. 1991. Vol. 40, iss. 1: Gender Issues in the Communication Classroom. P. 6–15. DOI: 10.1080/03634529109378821.
- Valenzano III J.M., Wallace S.P., Morreale S.P. Consistency and Change: The (R)Evolution of the Basic Communication Course // *Communication Education*. 2014. Vol. 63, iss. 4: The Foundation and Future of Instructional Communication. P. 355–365. DOI: 10.1080/03634523.2014.911928.

References

- Doolittle, R.J. (1977), *Conflicting Views of Conflict: An Analysis of Basic Speech Communication Textbooks*. *Communication Education*, Vol. 26, iss. 2, pp. 121–127. DOI: 10.1080/03634527709378213.
- Hunt, S., Wright, A., Simonds, C. (2014), *Securing the Future of Communication Education: Advancing an Advocacy and Research Agenda for the 21st Century*. *Communication Education*, Vol. 63, iss. 4: The Foundation and Future of Instructional Communication, pp. 449–461. DOI: 10.1080/03634523.2014.926016.
- Maksimova, N.V. (2015), Printsip «Ponimai tekst, deistvuya s nim» kak osnova tekstovoi kompetentsii [The principle “Understand the text by acting with it” as the basis of textual competence]. *Ponyat' avtora: uchimsya smyslovomu chteniyu* [To understand the author: learning to read semantically], Novosibirsk, NIPKRiPRO publ., pp. 4–32. (in Russian).

- Mat'yash, O.I. (2014), Pluralism in today's communication discipline: a dialogue of perspectives and traditions. *Communicology*, No. 3 (5), pp. 63-78. (in Russian).
- Mat'yash, O.I. (2011), Protsess chelovecheskoi kommunikatsii [The process of human communication]. Mat'yash, O.I. (ed.) *Mezhlichnostnaya kommunikatsiya: teoriya i zhizn'* [Interpersonal communication: theory and life], St. Petersburg, Rech' publ., pp. 15-88. (in Russian).
- Mat'yash, O.I., Makhova, I.Yu. (2015), Predstavleniya rossiiskikh prepodavatelei o problemakh kommunikativnogo obrazovaniya (po rezul'tatam oprosa) [Representations of Russian teachers about the problems of communicative education (according to the results of the survey)]. *Nauka o kommunikatsii kak distsiplina i oblast' znaniya v sovremennom mire: dialog podkhodov* [Communication science as a discipline and area of knowledge in the modern world: a dialogue of approaches], A collection of articles according to the materials of the international scientific conference, July 9-11, Moscow, HSE publ., p. 164. (in Russian).
- McCroskey, J.C., McVetta, R.W. (1978), Classroom Seating Arrangements: Instructional Communication Theory Versus Student Preferences. *Communication Education*, Vol. 27, iss. 2, pp. 99-111. DOI: 10.1080/03634527809378281.
- Nikitina, E.A. (2015), Role play in sociolinguistics classes. *Communication Studies (Russia)*, No. 3 (5), pp. 137-146. (in Russian).
- Poletaeva, O.G., Panina, T.G. (2020), Training teachers communication skills set during professional development course. *Communication Studies (Russia)*, Vol. 7, no. 4, pp. 909-921. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).909-921. (in Russian).
- Preiss, R.W., Wheelless, L.R. (2014), Perspectives on Instructional Communication's Historical Path to the Future. *Communication Education*, Vol. 63, iss. 4: The Foundation and Future of Instructional Communication, pp. 308-328. DOI: 10.1080/03634523.2014.910605.
- Rubin, R.B. (1984), Communication Assessment Instruments and Procedures in Higher Education. *Communication Education*, Vol. 33, iss. 2, pp. 178-180. DOI: 10.1080/03634528409384736.
- Sandier, B.R. (1991), Women Faculty at Work in the Classroom, or Why It Still Hurts to Be a Woman in Labor. *Communication Education*, Vol. 40, iss. 1: Gender Issues in the Communication Classroom, pp. 6-15. DOI: 10.1080/03634529109378821.
- Shatin, Yu.V. (1996), Fenomenologiya obrazovaniya i kommunikativnaya strategiya obucheniya [Phenomenology of education and communicative learning strategy]. *Diskurs*, No. 1, pp. 23-29. (in Russian).
- Silant'ev, I.V. (1996), Ritorika nauchnoi rechi v praktike obrazovaniya [Rhetoric of scientific speech in the practice of education]. *Diskurs*, No. 2, pp. 55-59. (in Russian).
- Troitskaya, T.S. (2004), *Literaturnoe obrazovanie mladshikh shkol'nikov: kommunikativno-deyatel'nostnyi podkhod* [Literature education of younger schoolchildren: a communicative-activity approach], Moscow, APKiPRO publ., 248 p. (in Russian).
- Troitskii, Yu.L. (2017), Kommunikatsiya v Shkole ponimaniya: osnovnye ponyatiya i tezisy [Communication in the School of Comprehension: basic concepts and theses]. *Ponyat' sobesednika: kommunikativnye situatsii na urokakh slovesnosti* [Understand the interlocutor: communicative situations in literature lessons], Novosibirsk, Garamond publ., 2017, pp. 24-28. (in Russian).

- Troitskii, Yu.L. (1996), Innovatsionnyi standart istoricheskogo obrazovaniya [Innovative standard of historical education]. *Diskurs*, No. 1, pp. 102-107. (in Russian).
- Тура, В.И. (1996), Innovatsionnyi standart literaturnogo obrazovaniya [The innovative standard of literary education]. *Diskurs*, No. 2, pp. 65-71. (in Russian).
- Valenzano III, J.M., Wallace, S.P., Morreale, S.P. (2014), Consistency and Change: The (R)Evolution of the Basic Communication Course. *Communication Education*, Vol. 63, iss. 4: The Foundation and Future of Instructional Communication, pp. 355-365. DOI: 10.1080/03634523.2014.911928.
- Vysotskaya, I.V. (2021), Kommunikativnyi podkhod v praktike prepodavaniya kursa «Osnovy pedagogicheskoi deyatel'nosti v sisteme vysshego obrazovaniya» [Communicative approach in the practice of teaching the course "Fundamentals of pedagogical activity in the system of higher education"]. *Rechevaya kommunikatsiya v sovremennoi Rossii* [Speech communication in modern Russia], abstracts of the VI International scientific conference (Omsk, September 27-30, 2021), Omsk, Dostoevsky Omsk State University publ., pp. 12-13. (in Russian).
- Vysotskaya, I.V. (2008), Transformatsiya rechevoi deyatel'nosti v usloviyakh avtomatizatsii i komp'yuterizatsii [Transformation of speech activity in the conditions of automation and computerization]. *Pedagogicheskii professionalizm v sovremennom obrazovanii* [Pedagogical professionalism in modern education], Proceedings of the IV International scientific and practical conference (February 20-23, 2008, Novosibirsk). Novosibirsk, Novosibirsk State Pedagogical University publ., pp. 145-150. (in Russian).

THE COMMUNICATION AND ACTION ORIENTED APPROACH IN THE PRACTICE OF UNIVERSITY TEACHING

I.V. Vysotskaya

Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia)

Abstract: The work is devoted to the theory and practice of the communication and action oriented approach. The purpose of the work is to describe its formation. The scientific works in line with this direction and the experience of its practical implementation at different levels of education in Novosibirsk are the material of the study. The main research methods are the analysis of sources (first of all, the materials of the journal "Diskurs") and the generalization of pedagogical experience at Novosibirsk State Pedagogical University and Novosibirsk State University. The question is raised about the need to implement a communicative and action oriented approach in the practice of university teaching. Some exercises such as "round table", reader's conference, reading with stops / close test, tested in a number of training courses (including the course "Fundamentals of Pedagogical Activity in the Higher Education System" have been proposed, the methodology and conditions for their implementation have been described. The feedback from graduate students of various specialties confirms the possibility of using elements of communicative didactics in relation to a wide range of academic disciplines. In conclusion, it is noted that dialogue not only contributes to the formation of communicative competencies and teamwork skills, but is also a

way of mastering subject knowledge. The practice of communication is no less important than familiarity with the theory of communication, both in the preparation of professionals in the field of communication technologies, and teachers of all levels of education, as well as other specialists.

Key words: communication and action oriented approach, School of Comprehension, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk State University, round table, reader's conference, reading with stops, close-test.

For citation:

Vysotskaya, I.V. (2022), The communication and action oriented approach in the practice of university teaching. *Communication Studies (Russia)*, Vol. 9, no. 3, pp. 627-640. DOI: 10.24147/2413-6182.2022.9(3).627-640. (in Russian).

About the author:

Vysotskaya, Irina Vsevolodovna, Prof., Professor of the Department of Theory and History of Journalism

Corresponding author:

Postal address: 1, Pirogova ul., Novosibirsk, 630090, Russia

E-mail: i.vysotskaia@g.nsu.ru

Received: February 27, 2022

Revised: March 15, 2022

Accepted: July 11, 2022

Раздел IV

РЕЦЕНЗИИ





Part IV

REVIEWS

**РЕЦЕНЗИЯ НА КОЛЛЕКТИВНУЮ МОНОГРАФИЮ
«ОБЩАЯ И РУССКАЯ ЛИНГВОАКСИОЛОГИЯ»
(отв. ред. М.С. Милованова. М.; Ярославль: Канцлер, 2022. 390 с.)**

Т.Б. Радбиль

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород, Россия)

Аннотация: В рецензии освещаются основные научные идеи коллективной монографии «Общая и русская лингвоаксиология», подготовленной учеными Института языкознания РАН и Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина. В центре внимания авторов монографии находится проблематика такого современного междисциплинарного направления в науке о языке, как теоретическая и прикладная лингвоаксиология. Авторы последовательно рассматривают аксиологию в лексике, в грамматике и в дискурсе. В основу исследования положена категория ценности. В коллективной монографии выявляются «приоритетные направления мысли современного носителя русского языка, его ценностные ориентиры на основе изучения фактов языка» (с. 8). Несомненна и практическая ценность издания, которое обращено к исследователям-лингвистам, преподавателям, аспирантам, студентам гуманитарных факультетов.

Ключевые слова: лингвоаксиология, категория ценности в языке, концепт, аксиология в лексике, аксиология в грамматике, аксиология в дискурсе.

Для цитирования:

Радбиль Т.Б. Рецензия на коллективную монографию «Общая и русская лингвоаксиология» (отв. ред. М.С. Милованова. М.; Ярославль: Канцлер, 2022. 390 с.) // Коммуникативные исследования. 2022. Т. 9. № 3. С. 643–649. DOI: 10.24147/2413-6182.2022.9(3).643-649.

Сведения об авторе:

Радбиль Тимур Беньюминович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики

ORCID: 0000-0002-7516-6705

WoS ResearcherID: AAO-6983-2020

Scopus AutorID: 57210390493

Контактная информация:

Почтовый адрес: 603105, Россия, Нижний Новгород, ул. Ашхабадская, 4

E-mail: timur@radbil.ru

Дата поступления статьи: 23.05.2022

Дата принятия в печать: 11.07.2022

«Оценка в той же мере относится к области реакций, как и к области стимулов. Она столь же неуловима, сколь и вездесуща» [Арутюнова 1999: 183]. Эти афористические формулировки Н.Д. Арутюновой как нельзя лучше охватывают всю глубину проблематики рецензируемой коллективной монографии «Общая и русская лингвоаксиология», которая подготовлена учеными Института языкознания РАН и Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина. Привлекает научная смелость ее авторов, которые предлагают столь широкий, практически неохватный взгляд на категорию ценности, воплощаемую в самых разных своих ипостасях в культуре и языке. Это видно уже из самого определения круга целей и задач – «извлечь информацию о состоянии аксиологического сознания, опираясь на данные языка «текущего момента», специфика которого заключается в переходе на новый уровень коммуникации» (с. 8). Ответственным редактором монографии является М.С. Милованова, известный специалист в области лингвоаксиологии, лингвокультурологии и лингвоконцептологии. Важно отметить, что рецензируемое исследование является закономерным и значимым этапом продолжающегося исследовательского проекта в области изучения аксиосферы (см., напр.: [Современная российская аксиосфера 2020] и др.).

Притом что носители языка в своей речевой практике легко и в целом корректно оперируют оценочным потенциалом языка, «даже не отдавая себе в этом отчета на рациональном уровне, не рефлектируя своих ценностных словесных реакций на мир» [Социокультурные и прагматические аспекты 2018: 6], «язык ценностей» устроен крайне сложно [Карасик 1996]. Языковая концептуализация ценностей относится, используя слова А. Вежбицкой, к области «неосознаваемых противопоставлений невероятной чувствительности, тонкости и точности» [Вежбицкая 1997: 71]. Многие ценностно значимые смыслы не эксплицированы непосредственно в словах и выражениях естественного языка, они словно «разлиты» по всей семантической области лексики, словообразования и грамматики [Радбиль 2016; Радбиль, Рацибурская, Палоши 2021]. Иными словами, «язык ценностей» не дан нам в остенсивном наблюдении, он рассеян по операционной среде языка, растворен в массиве конкретных высказываний на разные темы. Но его можно реконструировать по данным языка, т. е. выявить с помощью определенного языкового инструментария [Радбиль 2011]. Отсюда ясно, что извлечение ценностно маркированной ин-

формации – задача для лингвиста не из легких. Но авторы рецензируемой монографии обнаруживают в этом занчительную искусственность.

Рецензируемая монография представляет собой новый этап в становлении современной лингвоаксиологической парадигмы гуманитарного знания. Уже отмеченный выше широкий охват нетривиальных проблем отражен и в композиции монографического исследования. Оно состоит из трех частей, каждая из которых посвящена отдельной области оперирования «языком ценностей»: **часть I «Аксиология в лексике: слово и концепт»; часть II «Аксиология в грамматике»; часть III «Аксиологические ориентиры текста / дискурса».**

В первой части монографии рассматриваются вопросы лексической лингвоаксиологии. Она представляет собой пять подготовленных разными авторами разделов, которые в совокупности дают новый взгляд на разнообразие ценностные смыслы в ключевых концептах русской культуры: «Щедрость как ценность русской лингвокультуры» (В.И. Карасик); «Радиация как универсальный концепт-фобия русской и мировой культуры XX–XXI веков» (Г.Г. Слышкин); «Концепт *радость* в синхронии и диахронии: русская языковая картина мира»; «Традиции и современность в понимании концепта *граница*» (оба – А.Н. Матрусова); «Личность как концепт и его аксиологический статус» (Р.Р. Шамсутдинова).

Во второй части монографии, в соответствии с замыслом исследования, освещается проблематика грамматической лингвоаксиологии. Она разбита на три главы, представляющие разные аспекты отражения системы ценностей в грамматике языка. В **главе 1 «Аксиология в синтаксических структурах»**, написанной К.Я. Сигалом, ставятся общие вопросы аксиологии в синтаксисе, рассматривается противительный союз *зато* как аксиологический маркер и анализируются устойчивые фразы в роли аксиологических знаков. В **главе 2 «Аксиологические аспекты семантики состояния»**, подготовленной М.С. Миловановой, обсуждаются узловые проблемы ценностного потенциала категории состояния: синтаксические модели, реализующие значение *состояние / состояние-оценка*, актуальные транспонированные предикативно-падежные формы, семантика состояния и функция субъективной оценки, экспрессия момента как коммуникативная ценность; *скриншот* состояния-оценки и семантики безразличия; взаимосвязь смыслов семантического поля отрицания-«отталкивания»; сема 'покой' на оценочной шкале *хорошо – плохо*; оценочные мотивы реализации семантики безразличия в художественном тексте и в современном дискурсе. **Глава 3 «Субстантивация местоимений: отражение меняющихся ценностных установок в современной речи»**, за авторством Р.Р. Шамсутдиновой, предлагает интересный взгляд на проблему ценностной категоризации, отраженной в субстантивации личных и возвратных местоимений.

В третьей части монографии обсуждаются узловые темы лингвистических ориентиров текста / дискурса. В этой части пять глав, также под-

готовленных разными авторами. В **главе 1 «Аксиология классического текста»**, написанной *Б.И. Фоминых*, обсуждаются ценности и ценность классического текста, а также исповедальность листков *чугунника*¹. **Глава 2 «К вопросу о трансформации культурно-языковых норм в современном социуме»**, под авторством *Л.М. Гончаровой*, анализирует ценностно-этические реалии современного российского медиадискурса, характеризует изменения культурно-речевых норм под влиянием интернет-коммуникации и особенности трансформации правил этикетного поведения в условиях цифрового общества. В **главе 3 «Рекламные тексты в контексте ценностных ориентиров национальных культур (на материале сферы туризма)»** того же автора освещаются вопросы использования аксиологических реалий в рекламе сферы туризма, затрагивается проблема инкультурации как аксиологического эффекта тревел-текстов, рассматриваются способы транслирования культурного богатства как туристического потенциала страны в рекламных текстах и раскрывается лингвоаксиологический аспект приемов создания рекламных наименований в сфере туризма: (на материале нейминга экскурсионно-туристических маршрутов). Проблема аксиологии конфессионального дискурса ставится в **главе 4 «Аксиологические параметры православного и протестантского дискурсов: традиционность vs трансформация vs со-функционирование»**, написанной *Н.А. Боженковой*. Ценностные смыслы, транслируемые в современной блогосфере, являются предметом анализа в **главе 5 «Лингвоаксиологическая трансформация риторической критики в дискурсе блогосферы»**, подготовленной *П.А. Катышевым* и *П.К. Ивановым*.

Даже беглый взгляд на тематику и проблематику рецензируемой монографии позволяет судить о научной широте ее авторов, глубине и основательности анализа исключительно востребованных «узловых точек» культуры. Вне всякого сомнения, коллективная монография «Общая и русская лингвоаксиология» призвана сыграть значительную роль в дальнейшей институционализации и научной легитимации столь перспективного направления в стратегиях научного поиска современного гуманитарного знания, как лингвистическая аксиология, которая, несмотря на отдельные впечатляющие достижения, всё еще находится в стадии научного становления. Исследовательское поле «языка ценностей» не знает пределов. Новое время несет новые вызовы. Как точно сказано в послесловии: «Новая виртуальная действительность и новый дискурсивный формат (дисплейный текст) потребовали пересмотра и переактуализации многих ценностей – язык стремительно реагирует на этот запрос его носителей». При этом симптоматично, что «система традиционных ценностей... не рухнет, но включается в сложный процесс *адаптации*» (с. 350). Та-

¹ Свои письма И. Пущин именует листками; в знак прочности союза лицеистов первого выпуска директор лицея Е.А. Энгельгардт раздал им чугунные кольца, и поэтому И. Пущин перволицеистов называет чугунниками.

ким образом, в рецензируемой монографии – самими авторами (!) – естественным образом намечаются и дальнейшие перспективы предложенного, безусловно, состоявшегося и многообещающего, исследования в безбрежном море «языка ценностей».

Список литературы

- Арутюнова Н.Д. *Язык и мир человека*. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
- Вежебицкая А. *Язык. Культура. Познание*: пер. с англ. / отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз. М.: Русские словари, 1997. 416 с.
- Карасик В.И. Культурные доминанты в языке // *Языковая личность: культурные концепты*: сб. науч. тр. Волгоград; Архангельск: ВГУ, 1996. С. 3–16.
- Радбиль Т.Б. «Прецедентные имена» как элементы «языка культуры» // *Ономастика Поволжья: материалы XV Междунар. науч. конф. (Арзамас, 13–16 сент. 2016 г.)* / под ред. Л.А. Климковой, В.И. Супруна. Арзамас; Саров: Интерконтакт, 2016. С. 49–54.
- Радбиль Т.Б. «Язык ценностей» в современной русской речи и пути его исчисления // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского*. 2011. № 6, ч. 2. С. 569–573.
- Радбиль Т.Б., Рацибурская Л.В., Палочи И.В. Активные процессы в лексике и словообразовании русского языка эпохи коронавируса: лингвокогнитивный аспект // *Научный диалог*. 2021. № 1. С. 63–79. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-63-79.
- Современная российская аксиосфера: Семантика и прагматика идентичности: сб. ст. / ред. М.С. Милованова. М.: Гос. ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина, 2020. 280 с.
- Социокультурные и прагматические аспекты современных словообразовательных процессов: коллектив. моногр. / под ред. Л.В. Рацибурской. М.: Флинта: Наука, 2018. 232 с.

References

- Arutyunova, N.D. (1999), *Yazyk i mir cheloveka* [A Language and a Human World], Moscow, Yazyki russkoi kul'tury publ., 896 p. (in Russian).
- Karasik, V.I. (1996), *Kul'turnye dominanty v yazyke* [Cultural dominants in a language]. *Yazykovaya lichnost': kul'turnye kontsepty* [A Language Personality: Cultural Concepts], Collection of Scientific Papers, Volgograd, Arkhangelsk, Volgograd State University publ., pp. 3-16. (in Russian).
- Milovanova, M.S. (ed.) (2020), *Sovremennaya rossiiskaya aksiosfera: Semantika i pragmatika identichnosti* [Contemporary Russian axiosphere: Semantics and pragmatics of identity], collection of articles, Moscow, Pushkin State Russian Language Institute publ., 280 p. (in Russian).
- Radbil', T.B. (2016), «Pretsedentnye imena» kak elementy «yazyka kul'tury» [“Precedent names” as elements of the “language of culture”]. Klimkova, L.A., Suprun, V.I. (eds.) *Onomastika Povolzh'ya* [Onomastics of the Volga Region], Materials of the XV International Scientific Conference, Arzamas, Sarov, Interkontakt publ., pp. 49-54. (in Russian).

- Radbil, T.B. (2011), «Language of values» in modern Russian speech and the ways of its calculation. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, No. 6, pt. 2, pp. 569-573. (in Russian).
- Radbil, T.B., Ratsiburskaya, L.V., Paloshi, I.V. (2021), Active Processes in the Vocabulary and Word Formation of the Russian Language in the Era of Coronavirus: Linguo-Cognitive Aspect. *Nauchnyi dialog*, No. 1, pp. 63-79. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-63-79. (in Russian).
- Ratsiburskaya, L.V. (ed.) (2018), *Sotsiokul'turnye i pragmaticheskie aspekty sovremennykh slovoobrazovatel'nykh protsessov* [Sociocultural and pragmatic aspects of modern word-formation processes], a Collective monograph, Moscow, Flinta publ., Nauka publ., 232 p. (in Russian).
- Wierzbicka, A. (1997), *Yazyk. Kul'tura. Poznanie* [A Language. Culture. Cognition], comp. and ed. by M.A. Krongauz, Moscow, Yazyki russkoi kul'tury publ., 416 p. (in Russian).

**THE REVIEW OF COLLECTIVE MONOGRAPH
"GENERAL AND RUSSIAN LINGUOAXIOLOGY"
(M.S. Milovanova (ed.). Moscow, Yaroslavl, Kantsler publ., 2022, 390 p.)**

T.B. Radbil

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod (Nizhny Novgorod, Russia)

Abstract: The review highlights the main scientific ideas of the collective monograph "General and Russian linguoaxiology", prepared by scientists from the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences and Pushkin State Russian Language Institute. The authors of the monograph focus on the problems of such a modern interdisciplinary trend in the science of language as theoretical and applied linguoaxiology. The authors consistently consider axiology in vocabulary, grammar and discourse. The study is based on the category of value. The collective monograph reveals "priority directions of thought of a modern native speaker of the Russian language, his value orientations based on the study of the facts of the language" (p. 8). The practical value of the publication, which is addressed to linguist researchers, teachers, graduate students, and students of humanitarian faculties, is also undoubted.

Key words: linguoaxiology, category of value in language, concept, axiology in vocabulary, axiology in grammar, axiology in discourse.

For citation:

Radbil, T.B. (2022), The review of collective monograph "General and Russian linguoaxiology" (M.S. Milovanova (ed.). Moscow, Yaroslavl, Kantsler publ., 2022, 390 p.). *Communication Studies (Russia)*, Vol. 9, no. 3, pp. 643-649. DOI: 10.24147/2413-6182.2022.9(3).643-649. (in Russian).

About the author:

Radbil, Timur Benyuminovich, Prof., Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics of the Institute of Philology and Journalism

ORCID: 0000-0002-7516-6705

WoS ResearcherID: AAO-6983-2020

Scopus AuthorID: 57210390493

Corresponding author:

Postal address: 4, Ashkhabadskaya ul., Nizhny Novgorod, 603105, Russia

E-mail: timur@radbil.ru

Received: May 23, 2022

Accepted: July 11, 2022

**РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ:
ГОРИЦКАЯ О.С. ЯЗЫК И ГРАНИЦЫ:
ЛЕКСИЧЕСКАЯ И ГРАММАТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА
РУССКОГО ЯЗЫКА В БЕЛАРУСИ (Минск: Минский государственный
лингвистический университет, 2021. 300 с.)**

Н.В. Супрунчук

Минский государственный лингвистический университет (Минск, Беларусь)

Аннотация: Рецензируется книга О.С. Горицкой «Язык и границы: лексическая и грамматическая специфика русского языка в Беларуси». В монографии используется динамический подход к современной социолингвистической ситуации в Беларуси. На материале корпусов, СМИ и экспериментальных данных изучается феномен белорусско-русского речевого континуума. Исследовано более 600 фактов лексики и грамматики. Особое внимание уделяется количественным и корпусным данным, а также анализу метаязыковой рефлексии говорящих.

Ключевые слова: русский язык, белорусский язык, белорусско-русская смешанная речь, национальная разновидность русского языка, полицентрический язык, грамматический вариант, лексический вариант, социолингвистика.

Для цитирования:

Супрунчук Н.В. Рецензия на книгу: Горицкая О.С. Язык и границы: лексическая и грамматическая специфика русского языка в Беларуси. Минск: Минский государственный лингвистический университет, 2021. 300 с. // Коммуникативные исследования. 2022. Т. 9. № 3. С. 650–657. DOI: 10.24147/2413-6182.2022.9(3).650-657.

Сведения об авторе:

Супрунчук Никита Викторович, кандидат филологических наук, доцент кафедры общего языкознания

Контактная информация:

Почтовый адрес: 220034, Беларусь, Минск, ул. Захарова, 21, каб. 414

E-mail: suprunchuk@mail.ru

Дата поступления статьи: 15.04.2022

Дата принятия в печать: 11.07.2022

Социолингвистика – динамично развивающаяся отрасль современного языкознания. В 2021 г. увидела свет монография доцента Ольги Сергеевны Горицкой (Минский государственный лингвистический университет, Белорусский государственный университет). Она обобщает результаты докторской диссертации, многочисленных статей и докладов автора, апробированных в течение пяти лет на конференциях и в журналах Беларуси, Германии, Португалии, России, Словакии, Украины, Финляндии, Чехии и других стран.

В книге представлена социолингвистическая ситуация в Беларуси, показан градуальный характер различий между языками и их разновидностями, разработана специальная количественно-динамическая методика исследования речевого континуума. Автор изучает, как государственные границы влияют на использование языков, обсуждает, как разграничить языки и разновидности, переключение кодов и заимствование, речевые и языковые факты и др.

В эпоху глобализации сближаются культуры, люди в разных странах нередко читают одни и те же книги, смотрят одинаковые фильмы, пользуются похожими вещами. При этом для подчеркивания своей особенности, самостоятельности остается не так много простых ясных индикаторов. Один из них, понятный для обычного человека, – это язык. Языковой, национальный вопрос и в XX, и в XXI вв. оказался, к сожалению, ускорителем или поводом для возникновения конфликтов и в Югославии, и в Индии, и в Казахстане и других постсоветских странах.

По Конституции в Беларуси два государственных языка. При этом их положение в стране далеко от равноправного. Так, согласно переписи населения 2019 г., 54 % жителей указали в качестве родного языка белорусский, а 42 % – русский. Однако в качестве повседневного языка белорусский выбрали только 26 % жителей, а русский – 71 %¹. Есть основания полагать, что на самом деле белорусским языком пользуется еще меньше людей: так, если в состав языковых кодов включается белорусско-русская смешанная речь, оценочно обозначаемая как «трясянка», то процент носителей белорусского языка уменьшается до 4,4 % [Хентшель, Киттель 2011: 65–66]². Белорусский язык в значительной степени утратил коммуникативную функцию, а основной его функцией стала символическая. Он нередко ассоциируется с оппозиционностью или элитарностью, а также имеет очевидный национально-культурный компонент. Это отражается и в употреблении лексических вариантов. Белорусскоязычные вкрапления (белорусизмы или гибридные русско-белорусские образования) в

¹ Общая численность населения, численность населения по возрасту и полу, состоянию в браке, уровню образования, национальностям, языку, источникам средств к существованию по Республике Беларусь: стат. бюл. Минск: Нац. стат. ком. Респ. Беларусь, 2020. С. 37.

² См. также: Республика Беларусь в зеркале социологии: сб. материалов социол. исслед. / под общ. ред. А.П. Дербина. Минск, 2018. Вып. 10. 180 с.

русской речи часто прагматически нагружены: *змагар* 'борец' (узуально используется в значении 'оппозиционер', нередко с отрицательной оценкой), *свядомыя* 'сознательные' (узуально используется в значении 'оппозиционер', нередко с отрицательной оценкой) и *красаўцы* 'красавцы' (узуально используется в значении 'сторонник правительства; омоновец', нередко с отрицательной оценкой) употребляются как маркер политической позиции, *бульба* отражает любовь белорусов к картошке (вариант нередко употребляется иронически), а *вежа* 'башня' или *брама* 'арка; ворота' называют объекты белорусского культурного наследия.

Функционирование русского и белорусского языков, белорусско-русской смешанной речи и иных идиомов детально показано в первой главе книги О.С. Горицкой. В ней лаконично и полно представлена история формирования многоязычия в Беларуси, неоднозначное понимание сочетания «родной язык», целесообразность использования термина «национальная разновидность» для описания феномена русского языка в Беларуси и других постсоветских странах. Обосновывается полицентрический статус русского языка, предлагаются количественные и качественные методы его исследования в синхронии (с. 22–37 и др.). Показано, что в формировании белорусской национальной разновидности русского языка «наблюдаются и сознательные дивергентные процессы, которые проявляются в употреблении символических языковых единиц типа названия страны (*Беларусь*, а не *Белоруссия*), а также распространение написаний типа *беларус* и *беларус(с)кий...*» (с. 56).

Автор доказывает, что структурная гомогенность языка – это далекий от действительности идеал, к которому стремятся при кодификации литературных норм, тогда как реальная речь гетерогенна, соединяет в себе элементы разных языковых систем. Обсуждаются понятия «переключение кодов», «заимствование» и «интерференция», указывается, что при анализе текста их невозможно всегда и полностью разграничить, в связи с чем предлагается обозначение «контактно-обусловленные единицы», «которое позволяет передать континуальный характер рассматриваемых феноменов» (с. 40). Ценным и перспективным представляется то, как О.С. Горицкая трактует такое понятие, как белорусизмы, а также их классификация по ряду признаков. Рассмотрены факты лексики (*смачна* 'вкусно', *кормаш* 'ярмарка', *Радуница* 'пасхальное поминовение усопших во вторник на второй неделе после Пасхи', *несграбный* 'неловкий, неуклюжий' и др.) и грамматики (прежде всего особенности управления, колебания в роде и числе существительных). Отмечается, что «белорусизмы – это результат языкового сдвига, в ходе которого носители белорусского языка (как правило, в диалектной форме) переходят на русский язык через смешанную речь (субстратные белорусизмы). Другой путь контактного влияния – это заимствования из белорусского литературного языка (адстратные белорусизмы)» (с. 63).

Во второй главе приводятся методологическое обоснование и детали проведенного экспериментального исследования. В книге удачно сочетаются результаты интроспекции, корпусные и экспериментальные данные, анализ метаязыковых высказываний (как лингвистов, так и рядовых говорящих). Был применен аналитический инструментарий корпусной социолингвистики – нового для Беларуси научного направления. Основным материалом извлекался из подкорпуса «Живого Журнала» Генерального интернет-корпуса русского языка (ГИКРЯ), объем которого – 8 720 млн словоупотреблений, из них текстов, созданных в Беларуси, – около 162 миллионов. Подкорпус «Живой Журнал» отражает современную речь: основная часть записей датируется 2010–2013 гг. Выбор этого материала совершенно обоснован: он наилучшим образом отражает разговорную речь XXI в. (см. также: [Беликов 2011]), именно здесь можно найти инновации, типичные высказывания современных носителей языка. Новые большие корпуса дают возможность выявить территориальное варьирование в использовании языковых единиц, отметить особенности текстов, связанные с их жанром, временем создания, социальными характеристиками автора и т. п. Кроме того, О.С. Горицкая использовала материалы СМИ, базу данных «Интегрум», собственные наблюдения над реальной и виртуальной коммуникацией. Рассматривая разные сферы общения, мы глубже познаём языковую картину мира белорусов, украинцев, русских, казахов, латышей и др.

В третьей главе представлено лексическое своеобразие белорусской разновидности русского языка. Описано функционирование контактно-обусловленных лексем, специфических для этого идиома: *шуфлядка* 'выдвижной ящик', *потиху* 'потихоньку, тихонько', *буська* 'поцелуй', 'человек или животное, вызывающие умиление', *с большего / сбольшого* 'в общих чертах, в основном, в целом, большей частью', *приснить* 'увидеть во сне'. Кроме того, выявлен ряд слов, которые входят в словари русского языка, однако типичны именно для Беларуси (их частотность в текстах оказывается выше, чем в России): *партизан*, *пан*, *милиция* (в Беларуси не была переименована в полицию), *утюжить* (более высокую частотность этого слова в Беларуси можно объяснить поддержкой со стороны белорусского слова *прасаваць*, образованного от *прас* 'утюг' и являющегося основным эквивалентом русского слова *гладить*). Автор также установила, что «они-мы-белорусизмы – это одна из составляющих специфики белорусской разновидности русского языка. Корпусной анализ показал, что элементы белорусского языка входят в состав различных имен собственных (топонимов, антропонимов, зоонимов, названий произведений литературы и искусства, номинаций коллективов, мероприятий и т. д.). Такие лексемы имеют национально-культурные коннотации и способствуют созданию белорусского колорита. Кроме того, состав единиц, специфических для исследуемого идиома, формируется в результате перехода имен собственных в нарицательные» (с. 169).

Четвертая глава знакомит читателей с грамматическими особенностями русского языка в Беларуси. Если в лексике главным источником новшеств, изменений выступают заимствования, то в грамматике – внутренние ресурсы, внутриязыковые антиномии и аналогии.

Анализ корпуса доказал, что, несмотря на влияние белорусского языка, в русской речи белорусов нет значимого преобладания вариантов типа *ихний* (вм. *их*) или *хочете* (вм. *хотите*). «Думается, что распространение варианта *ихний* в белорусском русском сдерживается тем обстоятельством, что это местоимение – известный маркер “неграмотности”, с которым борется культура речи. Знание кодифицированных норм, восприятие их социальной значимости замедляют языковые изменения» (с. 174).

С помощью статистических инструментов показано, как распределены по странам варианты существительных с колебаниями в роде (*мозоль, шампунь, кофе, шинель* и др.). Актуальная сегодня тема – наименования женщин той или иной профессии – также освещается в монографии. Материал ГИКРЯ свидетельствует, что «различия между разновидностями русского языка в функционировании традиционных феминитивов (феминативов) не являются значительными...» (с. 192).

Значительное внимание уделяется варьированию глагольной парадигмы. Так, изучена конкуренция форм повелительного наклонения глагола *ехать* (см. таблицу со с. 179 монографии). Анализируется использование избыточным парадигм типа *махать – машешь / махаешь*. Установлено, что «распространение более продуктивных языковых явлений (генерализация правил) характерно для идиомов с субстратной основой, возникающих в процессе языкового сдвига, и связано с особенностями стихийного усвоения второго языка» (с. 181).

**Частотность вариантов *поезжай(те), езжай(те), едь(те) и ехай(те)*
(по данным ГИКРЯ), кол-во вхождений / проценты**

Вариант	Страна					
	Беларусь		Россия		Украина	
<i>Поезжай(те)</i>	107	13,18	3900	21,01	358	14,77
<i>Едь(те)</i>	314	38,67	11036	59,46	936	38,61
<i>Ехай(те)</i>	361	44,46	2724	14,68	1022	42,16
<i>Езжай(те)</i>	30	3,69	900	4,85	108	4,46

Особое внимание уделено плюсквамперфекту, например *хотел был / хотел было* и др. (с. 181–184).

Большой интерес представляет количественное исследование территориального распределения синтаксических вариантов: *прийти с + род. падеж, смеяться с / ржать с + род. падеж, пойти в грибы / ягоды, заведующий + род. падеж* и др. (с. 195–216). Проведенное исследование показало, что среди относительно частотных синтаксических единиц представлены конструкции, появление которых обусловлено, с одной сторо-

ны, интерференцией, а с другой – активными процессами в русской грамматике (в частности, увеличением значимости дативных субъектов в диахронии, высокой частотностью родительного падежа в синхронии). Один из механизмов, приводящих к появлению ненормативных синтаксических вариантов, – это контаминация с формально и/или семантически близкими конструкциями. При контаминации, как и при интерференции, происходит перенос лексико-грамматической сочетаемости языковых единиц, что показывает еще одну сторону взаимодействия контактных и внутрисистемных процессов, обуславливающих своеобразие белорусской разновидности русского языка.

Функционирование ненормативных морфологических и синтаксических вариантов также обуславливается семантическими и стилистическими характеристиками лексем. Так, на удельный вес ненормативных форм влияет семантика глагола, используемого в сочетании с предложно-падежной формой с *Gen.*: слова, обозначающие спонтанные проявления эмоций (например, *смеяться*), чаще используются в составе такой конструкции, чем лексем, обозначающие действие, направленное на объект (*иронизировать*, *насмехаться* и т. п.). Стилистически маркированные слова (например, *ржать*) чаще используются в составе ненормативной конструкции, чем нейтральные (*смеяться*).

В пятой главе представлен довольно редкий материал – анализ метаязыковых высказываний жителей Беларуси. Как и ожидалось, в Интернете была обнаружена и моноцентрическая, и полицентрическая точка зрения на русский язык. Сторонники первой считают, что существенных отличий в русской речи белорусов нет (дескриптивный компонент), а белорусская разновидность русского языка не должна развиваться, так как нужно сохранять единый стандарт (идеологический компонент). Сторонники второго подхода констатируют варианты, типичные для белорусского русского (дескриптивный компонент), и утверждают, что эта национальная разновидность должна отделиться от российской (идеологический компонент). «При дифференциации идиомов “моноцентристы” основываются на структурном критерии и полагают, что только наличие большого количества отличий может являться основанием для выделения особой белорусской разновидности русского языка. “Полицентристы”, признающие различия между идиомами, опираются как на структурный, так и на социолингвистический критерий: они полагают, что независимость государства и/или стремление граждан развивать свой вариант языка – достаточное основание для разграничения разновидностей русского языка (признания существования белорусской разновидности)» (с. 241). Приведенные в книге фрагменты статей, записей, блогов имеют большую познавательную лингвистическую ценность, а также историческую: они заслуживают внимания потому, что сохраняют портрет эпохи и в ряде случаев более недоступны, поскольку некоторые раз-

местившие их ресурсы в последние годы были запрещены или вынуждены закрыться.

Важное достоинство обсуждаемой монографии заключается в том, что автор очень аккуратно обращается с фактами, тщательно проверяет значимость наблюдаемых количественных различий. Для этого используются статистические правила проверки надежности и достоверности, в частности логарифмическая функция правдоподобия (log-likelihood). Данные в книге представлены компактно, ясно, очень наглядно. Автор подготовила более 20 таблиц и диаграмм.

Поражает эрудиция О.С. Горицкой. Она прекрасно ориентируется в отечественных и зарубежных публикациях, классических и новейших: список литературы насчитывает 667 позиций. Правда, немного жаль, что библиография заняла 50 страниц из 300, т. е. 17 % книги. Возможно, стоило разместить ее более компактно, что позволило бы автору познакомить нас еще с несколькими своими интересными результатами.

Представленная монография поражает новыми фактами, свежим взглядом и глубоким анализом. Она будет полезна русистам, социолингвистам, специалистам в области языковых контактов, лингвистической географии, лексикологии и корпусной лингвистики. Здесь удачно сочетаются богатый материал, скрупулезное изучение фактов и ясность изложения. Книга читается увлекательно, будит мысль, желание больше узнать о языковых контактах, смешанной речи, корпусных исследованиях и иных современных методиках поиска и анализа данных.

Список литературы

- Беликов В.И. Чего не хватает в «оцифрованном мире» лексикографу и социолингвисту? // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегод. Междунар. конф. «Диалог» (Бекасово, 25–29 мая 2011 г.). М., 2011. Вып. 10 (17) / ред. А.Е. Кибрик. С. 60–67.
- Хентшель Г., Киттель Б. Языковая ситуация в Беларуси: мнение белорусов о распространенности языков в стране // Социология. 2011. № 4. С. 62–78.

References

- Bielikov, V.I. (2011), What are sociolinguists and lexicographers lacking in a digitized world?. Kibrik, A.E. (ed.) *Computational Linguistics and Intellectual Technologies*, Papers from the Annual International Conference “Dialogue” (Bekasovo, May 25-29, 2011), Iss. 10 (17), Moscow, RSUH publ., pp. 60-67. (in Russian).
- Hentschel, G., Kittel, B. (2011), Yazykovaya situatsiya v Bielarusi: mnenie belorusov o rasprostranennosti yazykov v strane [The language situation in Belarus: the opinion of Belarusians on the prevalence of languages in the country]. *Sotsiologiya*, No. 4, pp. 62-78. (in Russian).
-

**REVIEW OF O.S. GORITSKAYA'S MONOGRAPH
"LANGUAGE AND BORDERS: LEXICAL AND GRAMMATICAL
SPECIFICS OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN BELARUS"
(Minsk, Minsk State Linguistic University publ., 2021, 300 p.)**

M. Suprunchuk

Minsk State Linguistic University (Minsk, Belarus)

Abstract: The book by O.S. Goritskaya "Language and Borders: lexical and grammatical specifics of the Russian language in Belarus" is reviewed. The monograph uses a dynamic approach to the modern sociolinguistic situation in Belarus. The phenomenon of the Belarusian-Russian speech continuum is studied on the basis of the corpus, mass media and experimental data. More than 600 facts of vocabulary and grammar have been studied. Special attention is paid to quantitative and corpus data, as well as to the analysis of metalanguage reflection of speakers.

Key words: Russian language, Belarusian language, Belarusian-Russian mixed speech, national variety of the Russian language, polycentric language, grammatical variant, lexical variant, sociolinguistics.

For citation:

Suprunchuk, M. (2022), Review of O.S. Goritskaya's monograph "Language and Borders: lexical and grammatical specifics of the Russian language in Belarus" (Minsk, Minsk State Linguistic University publ., 2021, 300 p.). *Communication Studies (Russia)*, Vol. 9, no. 3, pp. 650-657. DOI: 10.24147/2413-6182.2022.9(3).650-657. (in Russian).

About the author:

Suprunchuk, Mikita, PhD, Associate Professor of the Department of General Linguistics

Corresponding author:

Postal address: off. 414, 21, Zakharova ul., Minsk, 220034, Belarus

E-mail: suprunchuk@mail.ru

Received: April 15, 2022

Accepted: July 11, 2022

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Правила представления авторами рукописей

Редакционная коллегия приглашает к сотрудничеству всех специалистов, интересующихся коммуникативными исследованиями и смежными проблемами. Публикация материалов осуществляется на русском и английском языках.

Журнал выходит четыре раза в год. Подаваемые статьи не должны быть опубликованы ранее, а также не должны находиться на рассмотрении в редакции других журналов.

Для публикации статья должна соответствовать требованиям международных рецензируемых изданий (РИНЦ, Web of Science, Scopus и др.) т.е. помимо основного текста содержать следующие сведения, представленные на **русском и английском** языках:

1. УДК.

2. Название статьи (прописными буквами); инициалы и фамилию автора (-ов); аннотацию (резюме); ключевые слова (5–8 слов через запятую) – на русском языке. Обращаем внимание авторов на то, что объем аннотации к статье в международном журнале обычно составляет около **150–200 слов**. Аннотация должна быть составлена самостоятельно, а не повторять фрагменты статьи. **Структура аннотации:** введение (постановка проблемы), цель и задачи, материал, методы исследования, результаты, заключение (выводы).

3. Информацию п. 2 в той же последовательности – на английском языке (ФИО автора (ов) – в транслитерации) – после основного текста статьи (см. образец оформления статьи).

4. Полный текст статьи на русском или английском языке. Объем статьи – 8–15 страниц (14 шрифт, интервал – 1), 20000–40000 знаков с пробелами.

Основной текст должен быть разделен на озаглавленные смысловые части и содержать: 1. Введение (постановка рассматриваемого вопроса, актуальность, краткий обзор научной литературы по теме, четкая постановка цели работы). 2. Описание материала и методов исследования. 3. Представление результатов/Обсуждение (описание проведенного анализа и полученные результаты). Возможны подразделы. 4. Заключение (основные выводы исследования).

5. Рисунки и графики принимаются только в высоком качестве (не менее 300 пикселей). Убедитесь в том, что таблицы и рисунки пронумерованы в порядке появления в статье и снабжены соответствующими пояснениями в тексте. Подписи к таблицам оформляются более мелким шриф-

том и располагаются над таблицей; подписи к рисункам оформляются более мелким шрифтом и располагаются под рисунком. Таблицы и рисунки не должны выходить за поля текста.

6. Список литературы на русском языке. Нумерация в списке литературы идет по алфавиту, в случае нескольких ссылок на одного автора – по хронологии. В список литературы включаются только те источники, на которые есть ссылки в тексте статьи. Количество ссылок должно содержать не менее 20 наименований. Ссылки на работы автора статьи – не более 20 %. Ссылки на источники на иностранном языке – не менее 30 %. Работы, опубликованные за последние 5–10 лет, – не менее 30 %. Во всех источниках должны быть проставлены страницы, год выпуска, город и издательство. Список литературы оформляется по ГОСТ Р 7.0.5-2008.

7. Список литературы в латинице (References): транслитерация имени автора; год публикации (в круглых скобках); выделенная курсивом транслитерация названия источника и – в квадратных скобках – его перевод; если речь идет о публикации внутри сборника или журнала, то прежде по аналогичному принципу указывается название материала, на который дается ссылка – без выделения курсивом и отделенное от названия источника точкой; английский вариант названия места издания и транслитерация названия издающей организации (с указанием publ.). Прочие данные (сведения о редакторе или составителе, сведения об издании, номер выпуска, объем) приводятся в переводе на английский язык с использованием принятых сокращений (см. ниже образец оформления статьи). При оформлении References используется стандарт «Harvard».

В случае, если выходные сведения источника уже содержали перевод необходимых элементов записи (как правило, если речь идет о журнальных публикациях или переводной литературе), равно как если речь идет о «типовых» названиях (например, «собрание сочинений» или «толковый словарь»), в описании источника достаточно привести лишь перевод, без сопровождения его транслитерацией, но в конце описание дав в круглых скобках указание на язык источника (in Russian).

Источники в списке литературы на латинице представляются в том же порядке, что и в списке на русском.

8. Список источников речевых иллюстраций, если автор считает необходимым его представление. Оформляется отдельно по представленным выше правилам под заголовком «Источники», на латинице – «Sources».

9. Данные об авторах: фамилия, имя, отчество полностью; ученая степень; ученое звание; должность с указанием организации; юридический адрес организации (не домашний); электронная почта автора (-ов).

10. Информацию п. 8 на английском языке в той же последовательности: фамилия, имя, отчество автора (-ов); ученая степень; ученое звание; должность; название организации; юридический адрес организации; электронная почта.

Требования к оформлению

Гарнитура – Times New Roman. Кегль основного текста – 14 pt, списков литературы, аннотации и ключевых слов – 12 pt. Везде используется абзац 1,0 см и одинарный интервал. Все поля – по 2 см. Объем предлагаемого материала не должен превышать **30 000 знаков** с учетом пробелов, включая примечания и литературу.

Ссылка в тексте на цитируемые работы оформляется в виде [Иванов 2008: 25].

Речевые иллюстрации набираются курсивом без заключения в кавычки, выделения делаются жирным шрифтом.

Ссылка на источник фактического материала оформляется в круглых скобках следующими способами:

(Л. Улицкая. Священный мусор),

(Огонек. 2013. №1),

(НТВ. Сегодня. 7.08.2013),

(<http://file-rf.ru/analytics/54> 3.03.2013).

Сноски желательно минимизировать. В случае необходимости следует давать их в сквозной нумерации в конце страницы.

Сокращения, условные обозначения и цитаты оформляются в соответствии с общепринятыми стандартами (ГОСТ Р 7.0.5–2008).

Обращаем внимание авторов на то, что в международном журнале часть информации представляется **на английском языке** (заглавия статей, аннотации, ключевые слова, названия организаций, к которым приписан автор, обозначения выходных данных). Ответственность за качество перевода возлагается на автора. Другая часть, которая не переводится на английский язык (фамилии авторов, русскоязычные названия первоисточников в списках литературы, собственные названия организаций и издательств), представляемых в оригинале в кириллице, должна быть представлена в романском (латинском) алфавите в одной из принятых систем транслитерации.

Данное требование является обязательным в журналах, реферируемых в международных системах научного цитирования Web of Science и Scopus.

Образец оформления списка литературы

Список литературы

Книга: Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.

Статья в журнале: Кибрик А.А. Когнитивные исследования по курсу // Вопросы языкознания. 1994. № 5. С. 126–139.

Часть книги: Серль Дж. Косвенные речевые акты / пер. с англ. Н.В. Перцова // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1986. Вып. XVII. С. 195–222.

Материалы конференции: Кабакова Ю.А. Убеждение как сложный комплексный речевой акт // Теория и практика германских и романских языков: мат. Всерос. науч.-практ. конф. Ульяновск, 2000. С. 96–98.

Электронный ресурс: Гусейнов Г.Ч. Заметки к антропологии русского Интернета // Новое литературное обозрение. 2000. № 43. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/43/main8.html>.

References

Книга: Benveniste, E. (1974), *Obshchaya lingvistika* [The General Linguistics], Moscow, Progress publ., 448 p. (in Russian).

Статья в журнале: Kibrik, A.A. (1994), Kognitivnye issledovaniya po diskursu [Cognitive research on discourse]. *Topics in the study of language*, no. 5, pp. 126-139. (in Russian).

Часть книги: Searle, J. (1986), Indirect speech acts. *Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New in foreign linguistics], translated from English by N.V. Pertsov, Moscow, iss. XVII, pp. 195-222. (in Russian).

Материалы конференции: Kabakova, Yu.A. (2000), Ubezhdenie kak slozhnyi kompleksnyi rechevoi akt [Persuasion as a complex integrated speech act]. *Teoriya i praktika germanskikh i romanskikh yazykov* [Theory and practice of German and Romance Languages], Materials of All-Russian Scientific and Practical Conference, Ulyanovsk, pp. 96-98. (in Russian).

Электронный ресурс: Guseinov, G.Ch. (2000), Zametki k antropologii russkogo Interneta [Notes to the Anthropology of the Russian Internet]. *New Literary Observer*, no. 43, available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/43/main8.html>. (in Russian).

Образец оформления статьи

УДК

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

Петров В.В.

Омский государственный педагогический университет (Омск, Россия)

Подготовлено при поддержке гранта...

Аннотация:

Ключевые слова:

Сведения об авторе (авторах):

Петров Виктор Васильевич, профессор, доктор филологических наук.

Контактная информация:

Почтовый адрес:

E-mail:

Текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи [1]. Текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи [2]. Текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи [3]. Текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи [1]. Текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи [3]. Текст статьи текст статьи текст статьи.

Список литературы
References

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ (на английском языке)
Petrov V.V.

Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russia)

Abstract:

Key words:

About the author (authors):

Corresponding author:

Postal address

E-mail:

Acknowledgements: (ссылка на грант)

Просим учесть, что материалы, не соответствующие тематике журнала или оформленные не в соответствии с перечисленными требованиями, к рассмотрению не принимаются.

Каждая поступившая в редакцию журнала статья рецензируется двумя анонимными рецензентами из числа российских и зарубежных ученых, компетентных в проблематике статьи. Файл с текстом статьи передается рецензентам тоже анонимно, т. е. без имени автора статьи и данных о нем. Рецензент должен оценить соответствие статьи проблематике журнала, актуальность и оригинальность работы, анализ материала и научный стиль, написать краткое обоснование / рекомендации. Замечания, содержащиеся в рецензиях (если есть), пересылаются автору статьи (без указания имени рецензента). Редакционная коллегия принимает решение о публикации с учетом мнения рецензента.

Контакты

644077, Россия, Омск, пр. Мира, 55а. ОмГУ им. Ф.М. Достоевского
Факультет филологии и медиакоммуникаций. Тел.: +7 (3812) 229-815
Кафедра теоретической и прикладной лингвистики. Тел.: +7 (3812) 670-620

Гл. редактор Иссерс Оксана Сергеевна
Отв. секретарь Терских Марина Викторовна (terskihm@mail.ru)

INFORMATION FOR AUTHORS

Submission Guidelines

The Editorial Board invites to cooperate all experts interested in Communication Studies and related subjects. The materials are published both in Russian and English languages.

The Journal is published four times a year. Authors should not submit an article to the journal that is already published in another journal, as well as an article that is under consideration in another journal.

The article should comply with Russian Science Citation Index (RSCI), Web of Science and Scopus, i.e. in addition to the main text the article should include the following information in Russian and English languages:

1. Universal Decimal Classification.

2. Title of the article (in capital letters); initials and surname of the author (s); abstract (summary); key words (5-8 words separated by a comma) provided in Russian. Please, pay attention to the fact that the volume of an abstract to the article in the international Journal is usually about 150-200 words. The abstract should be prepared independently, and not to repeat the pieces of a paper.

3. Information of the item 2 in the same sequence – in English (full name of the author (s) – transliterated) – after the main text of the article (See an example below).

4. The full text of the article in English or Russian. The length of the article is 8-15 pages (14 pts font, single-spaced).

The main text should be divided into the semantic parts with headlines and include: 1. Introduction (the formulation of the issue, relevance, a brief review of the scientific literature on the topic, a clear object of the work). 2. Description of the material and methods of research. 3. Presentation of results / Discussion (description of the analysis and results obtained). Possible subsections. 4. Conclusion (main findings of the research).

5. Pictures and graphics are accepted only in high resolution (at least 300 pixels). Make sure that the tables and figures are numbered in the order in which they appear in the article and are provided with corresponding explanations in the text. The captions to the tables are made in a smaller font and are placed above the table; the captions to the pictures are made in a smaller font and are placed under the picture. Tables and pictures should not be outside the text area.

6. References in Russian. References should be listed alphabetically, in the case of multiple references to one author – chronologically. The list of references should include all and only references that are actually mentioned in the text. The number of references must be at least 20. References to your works – no more than 20 %. References to sources in a foreign language at least 30 %.

Works published for the past 5-10 years – not less than 30 %. All sources should be presented with pages, year of issue, city and publishing house.

7. References in the Latin alphabet: transliteration of the author's name; year of publication (in parentheses); the italicized transliteration of the source name and – in square brackets – its translation into English; if it is a publication in a collected articles or a journal, the name of the material should be given by a similar principle mentioned above, not emphasizing in italics and separating from the source name by a point; English version of the publication and transliteration of the name of the publishing organization (indicating publ.). Other data (information about the editors or contributors, information about the publication, issue number, volume) are translated into English using the adopted abbreviations (See an example below).

If imprint of the source has already some translation of the necessary elements (usually in the case of journal publications or translated literature), as well as in the case of common titles (for example, “collected works” or “explanatory dictionary”), in the description of the source it is enough to provide only the translation, without any transliteration, but, please, give the source language in parentheses at the end of the description (in Russian).

Sources in the references in the Latin alphabet are presented in the same order as in the references in Russian.

8. Provide a list of sources of speech illustrations in case if the author considers it is necessary to present. It is made out separately under the name “Sources” according to the above mentioned rules.

9. Information about the authors: name, surname, academic degree; academic title; position at the organization, organization; legal address of the organization (not your home address); E-mail of the author (s).

10. Information of the item 8 in English in the same sequence: surname, name of the author (s); academic degree; academic title; position; name of the organization; the legal address of the organization; E-mail.

Key Formatting Issues

Use Times New Roman: 14 pts fonts for the main text, 12 pt for references, abstracts and key words. All text should be single-spaced. Indent the first line of each paragraph by 10 mm. All margins are 20 mm. When submitting the article including notes and references, keep the text for your manuscript under 30,000 characters, including spaces, remarks and references.

It is essential that the references are formatted to the specifications given in these guidelines. This Journal uses the “Author-Date” style [Ivanov 2008:25].

Speech illustrations are typed in italics, bold, and without quotation marks.

Reference to the source of actual material is made in parentheses in the following ways:

(Ulitskaya L. Sacred garbage),
(Elsevier. 2013. No.1),

(NTV. Today. 7.08.2013),
(http://file-rf.ru/analitics/54_3.3.2013).

Footnotes should be kept to an absolute minimum. Note indicators in the text should appear at the end of sentences or phrases, and follow the respective numeration. Footnotes should preferably be placed at the end of the page.

Abbreviations, symbols and citations are made in accordance with generally accepted standards.

We draw authors' attention to the fact that in the international journal some information is presented in English (the headings of articles, abstracts, key words, the names of organizations to which the author is assigned, and imprint). Authors are responsible for the quality of the translation. The other part, which is not translated into English (authors' names, Russian names of primary sources in references, names of organizations and publishers), presented in the original in Cyrillic, must be represented in the Roman (Latin) alphabet in one of the adopted transliteration systems (BSI is preferable).

This requirement is mandatory in journals peer-reviewed by the international scientific citation systems Web of Science and Scopus.

Example of references in Russian and English

Список литературы

Книга: Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: Прогресс, 1974. 448 с.

Статья в журнале: Кибрик А.А. Когнитивные исследования по дискурсу // Вопросы языкознания. 1994. № 5. С. 126–139.

Часть книги: Серль Дж. Косвенные речевые акты / пер. с англ. Н.В. Перцова // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII. М., 1986. С. 195–222.

Материалы конференции: Кабакова Ю.А. Убеждение как сложный комплексный речевой акт // Теория и практика германских и романских языков: мат. Всерос. науч.-практ. конф. Ульяновск, 2000. С. 96–98.

Электронный ресурс: Гусейнов Г.Ч. Заметки к антропологии русского Интернета // Новое литературное обозрение. 2000. № 43. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/43/main8.html> (дата обращения: 01.06.2006).

References

Book: Benveniste, E. (1974), *Obshchaya lingvistika* [The General Linguistics], Moscow, Progress publ., 448 p. (in Russian).

Article: Kibrik, A.A. (1994), *Kognitivnye issledovaniya po diskursu* [Cognitive research on discourse]. *Topics in the study of language*, no. 5, pp. 126-139. (in Russian).

Part of a book: Searle, J. (1986), *Indirect speech acts. Novoe v zarubezhnoi lingvistike* [New in foreign linguistics], translated from English by N.V. Pertsov, Moscow, iss. XVII, pp. 195-222. (in Russian).

Conference proceedings: Kabakova, Yu.A. (2000), Ubezhdenie kak slozhnyy kompleksnyy rechevoi akt [Persuasion as a complex integrated speech act]. *Teoriya i praktika germanskikh i romanskikh yazykov* [Theory and practice of German and Romance Languages], Materials of All-Russian Scientific and Practical Conference, Ulyanovsk, pp. 96-98. (in Russian).

Electronic resource: Guseinov, G.Ch. (2000), Zametki k antropologii russkogo Interneta [Notes to the Anthropology of the Russian Internet]. *New Literary Observer*, no. 43, available at: <http://magazines.russ.ru/nlo/2000/43/main8.html> (accessed date: June 1, 2006).

Example of an article in Russian

УДК

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

Петров В.В.

Омский государственный педагогический университет (Омск, Россия)

Подготовлено при поддержке гранта...

Аннотация:

Ключевые слова:

Сведения об авторе (авторах):

Петров Виктор Васильевич, профессор, доктор филологических наук.

Контактная информация:

Почтовый адрес:

E-mail:

Текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи [1]. Текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи [2]. Текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи [3]. Текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи [1]. Текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи текст статьи [3]. Текст статьи текст статьи текст статьи.

Список литературы

References

Name of the article

Petrov V.V.

Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russia)

Abstract:

Key words:

About the author (authors):

Corresponding author (authors):

Postal address

E-mail:

Acknowledgements: (link to the grant if available)

Example of an article in English

Name of the article

Petrov V.V.

Omsk State Pedagogical University (Omsk, Russia)

Abstract:

Key words:

About the author (authors):

Corresponding author:

Postal address

E-mail:

Acknowledgements: (link to the grant if available)

Text of the article Text of the article Text of the article Text of the article
Text of the article [1]. Text of the article Text of the article Text of the article
Text of the article [2]. Text of the article Text of the article Text of the article
Text of the article [3].

References

References (in Russian)

Name of the article (in Russian)

Author (s) name, name of the organization (in Russian)

Abstract and key words (in Russian)

Please note: we will not accept the materials that do not meet the subject area of the Journal nor fit the above mentioned requirements.

Each submitted article is reviewed by two anonymous reviewers among Russian and foreign scientists with expertise in the article issues. The article is sent to the reviewers anonymously, that is without the name of the author of the article and its data. The reviewer should evaluate the article compliance with the subject area of the Journal, urgency and originality of the work, material and language analysis, write a brief justification / recommendations. Notes contained in the reviews (if any) are sent to the author (without the name of the reviewer). The Editorial Board makes a decision whether to publish the article or not, taking into account the opinion of the reviewer.

Contact information

Dostoevsky Omsk State University, Prospekt Mira 55A, Omsk, Russia
Faculty of Philology and Media Communications. Tel.: +7 (3812) 229-815
Chair of Theoretical and Applied Linguistics. Tel.: +7 (3812) 670-620

Editor-in-chief Oxana Sergeevna Issers

Executive editor Marina Viktorovna Terskikh (terskihm@mail.ru)